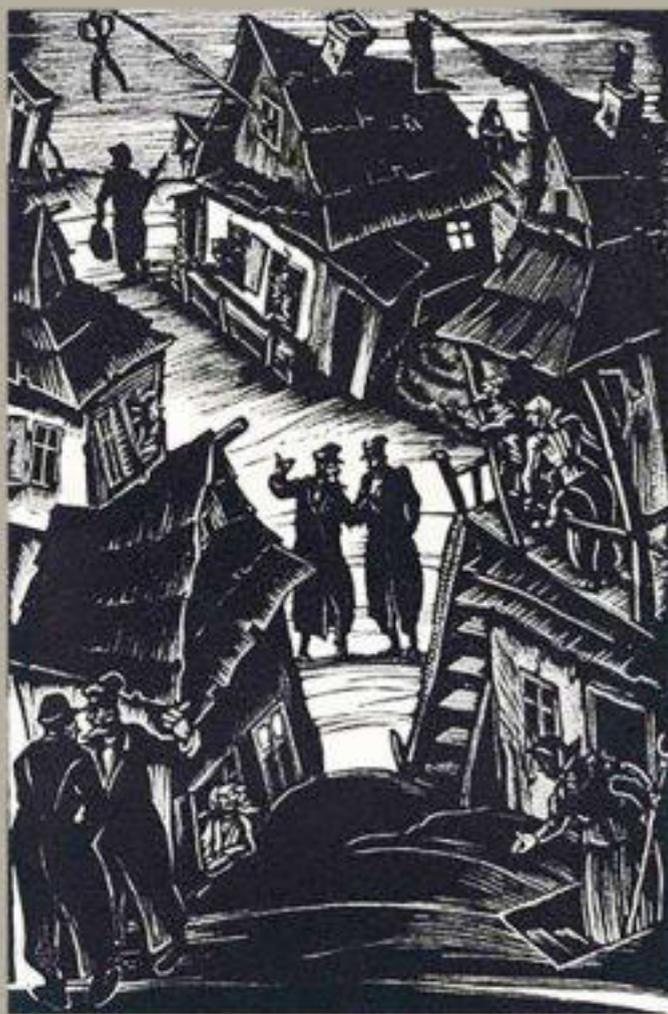

23

2019

ДО И ПОСЛЕ

литературный
альманах

ДО И ПОСЛЕ

Литературный альманах

Д и П

№ 23

Берлин 2019

Литературно-художественный
альманах
«ДО И ПОСЛЕ» №23

Редакционная коллегия:
Леонид Бердичевский –
(главный редактор);
Саади Исаков;
Генриетта Ляховицкая;
Анжелла Подольская.

Форматирование Иосифа Малкиэля

На обложке и фронтисписах к разделам использованы
ксилографии художника Соломона Юдовина к
повести Менделе Мойхер Сфорима «Путешествия
Вениамина Третьего».

Портреты авторов альманаха выполнены художником
Михаилом Погребинским.

ISBN 978-3-926652-85-0

*Произведения, представленные
на страницах Альманаха, публикуются в Берлине
впервые.*

*Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Права авторов сохранены.
При перепечатке ссылка на Альманах обязательна.*

Альманах создан Берлинским Клубом Литературы и Искусства.
Das Almanah ist vom Berliner Klub der Literatur und der Kunst
geschaffen.

Адрес сайта Клуба в Интернете под названием «Клуб Литературы
и Искусства. Альманах До и После»:
<http://www.litklubberlin-doiposle.de>

Die Adresse Webseite des Klubs im Internet unter dem Namen «Der
Klub der Literatur und der Kunst. Der Almanach DAVOR UND
NACHDEM»: <http://www.litklubberlin-doiposle.de>

Der Klub der Literatur und der Kunst bedankt
sich ganz herzlich der Jüdischen Gemeinde zu Berlin für die
Unterstützung bei der Herausgabe des
Literarischen Almanachs «Davor und Nachdem» № 23

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Вместо предисловия

[5]

Д и П / 2019

ДВАДЦАТЬ ТРИ – не просто цифровое сочетание. Это – отсчёт существования Литературно-художественного Альманаха «До и После».

Альманах – живой организм, проживший большую творческую жизнь, отвечающий за свои публикации перед авторами, но в первую очередь – перед читателями. У Альманаха сложился свой стиль, свой почерк, своя концепция, выработанная за два с лишним десятилетия. В нём разделы: поэзия, проза, публицистика, мемуары, эссе и, конечно, – новые переводы из мировой поэзии.

Литература призвана объединять людей, которые ещё не забыли, что такое – «Книга». Но, «Книга» книге – рознь. Не у каждой складывается «роман» с литературой.

Альманах предлагает свои произведения только на русском языке, которым владеют его авторы. «До и После» – старается избегать конфликта с русским языком – на страже его профессионализма с первого выпуска (1997 г.) работает редколлегия.

«До и После» не допускает появления на своих страницах тем по физике, химии, математике, кулинарии и пр., поскольку раз и навсегда Альманах был заявлен, как литературно-художественный. «До и После» пресекает использование материалов, взятых из Интернета или других печатных источников без ссылок и не закавыченные.

В каждом номере публикуется материал о малоизвестном или забытом еврейском художнике, подкреплённый иллюстрациями его работ. В 23-м номере предлагается статья о художнике Грэгоре Рабиновиче из швейцарского города Цюриха (уроженце Ораниенбаума под Санкт-Петербургом). Для многих читателей и любителей изобразительного искусства, это – новое имя.

Для обложки и фронтисписов разделов этого, двадцать третьего, номера Альманаха использованы ксилографии замечательного художника – Соломона Борисовича Юдовина (1892 – 1954). Эти работы – часть сюиты иллюстраций к фантазмагорической повести классика еврейской литературы Менделе Мойхер Сфорима: «Путешествие Вениамина Третьего». Думается, повесть известна всем, кому дорога и

близка еврейская тема, отобразённая в большой литературе. Многие другие работы этого художника тоже насыщены темами судеб и быта еврейской жизни.

[6] В этом году широко отмечаются две даты, связанные с трагическими событиями мировой истории. Это – 80-летие начала Второй Мировой Войны и 75-летие освобождения Ленинграда от блокады немецко-фашистских захватчиков. Наш Альманах не остался к этим событиям безучастным. Читатель найдёт в Альманахе много материалов, посвящённых горьким страницам истории, как в разделе «Публицистика и мемуары», так и в других разделах. Это – свидетельства наших авторов, некоторые из них были участниками этих трагических событий. Память о величайшей трагедии XX века не должна кануть в небытие, об этом надо говорить, писать, чтобы никогда более Человечество не было бы поставлено на грань Катастрофы.

Как всегда, в Альманахе – много публикаций, соответствующих вышеупомянутым разделам. Надеемся, что и этот выпуск «До и После» не оставит читательскую аудиторию безразличной.

23-й выпуск Альманаха «До и После», как и все предыдущие, придерживается своей традиционной концепции: все работы публикуются в Берлине *впервые*.

Мы не станем останавливаться на отдельных авторах и их произведениях, ибо Альманах открыт, доступен каждому любителю и знатоку изящной словесности. Ваше внимание нам дорого и необходимо. Милости просим, Дорогие Читатели!

Редколлегия Альманаха

Леонид Бердичевский

СОН ЭМИГРАНТА

Миниатюра

[8]

Д и П / 2019

Эмигрант перешагнул порог пожилого возраста, но привычка, которой был верен последние четверть века, не покидала его. В любую погоду, к девятнадцати часам, он выходил на прогулку «проглотить» дозу вечернего кислорода. Шёл размеренным шагом, шепча надоедливый мотивчик, или просчитывая поэтические пассажи. Маршрут прогулки был недалёким: несколько кругов вокруг жилого квартала, затем – передышка на скамье у небольшого футбольного поля, окружённого металлической сеткой. Позади поля – концертный зал в виде шатра. Взгляд Эмигранта поглощал одновременно и футбольную игру, и постоянную толчею у зала – это отвлекало от мыслей.

Стало прохладно – осень настойчиво предъявила свои права. Лето скукожилось, уступив ей дорогу. Слабый ветерок нашёл ночлег в кронах дубовой аллеи. Вездесущие воробьи, казалось, не замечали ничего. Они шныряли повсюду в поисках крошек съестного. Небесная голубизна провалилась в серые сумерки. Эмигрант задремал. Сновидения увели его в родной город, туда, где он родился и прожил полвека. Родной город открыл ему свои объятья, погрузив в прошлое: в облики домов, парков, памятников. В дружеские застолья, диалоги, встречи, расставания. Сон привёл в квартиру, в которой прошла большая часть жизни среди книжных шкафов, живописи, фарфора...

Разбудил Эмигранта колючий дождик, упрямо проникая за воротник плаща, намочив остатки уцелевшей шевелюры, щекоча ноздри и застилая очки. Он открыл глаза, огляделся. Подумал, что заблудился в незнакомом пространстве. Всё было иным, чужим, словно надуманным временем с его спринтерским, неумолимым бегом, которое закружило Эмигранта в своём вихре. Он поспешил домой, в свою эмигрантскую квартиру, в которой, по приезде, попытался воссоздать мир своих грёз: прежний интерьер с книжными шкафами, живописью, фарфором и дружескими застолями...

Это хоть немного примиряло его со здешней реальностью...

Поэзия и проза

ТРОФИМ И ФИМОЧКА

Один из самых востребованных ВУЗ-ов страны. Факультетов – пять. Преподавателей и студентов, – поровну. Отношения между ними добрые, как и положено среди коллег. Кровь «портил» лишь один человек – заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, Трохименко. Студенты называли его Трофимом. Единственным человеком, с которым он был по «корешам» – студент Фимочка Левчук. Трофим называл его Юхимом, в знак приветствия кивая головой. На его угрюмом лице появлялась гримаса улыбки. Фимочка всегда сдавал экзамены играючи, в том числе, по марксизму-ленинизму. Он был любимцем института – помогал некоторым в учёбе, всегда был тамадой на застольях, после летних каникул привозил из дома продукты, которыми щедро делился с друзьями. Но близких друзей у него было несколько. Он поверял им всё, включая сердечные тайны. Единственное, что вызывало сомнение в его добропорядочности, – загадка успешной сдачи им экзаменов по кафедре Трофима.

– Скажи, Фимочка, как ты можешь выучить это марксистское варево? В институте этому нет аналога.

– Чем я провинился, что вы поверили в мои «глубокие» знания по марксизму? – ответил он растерянно. – Я выучил только названия произведений этих «классиков». Цитаты из них – плод моей фантазии, моя шалость. Не верите – проверьте.

Грянули дружный хохот и реплики о гениальности Фимочки.

Возвратимся к Трофиму – человек ниже среднего роста, с огромным обнажённым черепом, с одышкой. Его полуоткрытый рот издавал отвратительный запах кишечного заболевания, приправленный алкогольным аккомпанементом. Крупный носовой хрящ с малиновым оттенком под раздутыми ноздрями был всегда насторожен. Трофим, словно впитывал каждый звук. Щёки его валились вниз. Взгляд всегда был устремлён к ногам, точно в поисках ответа на незаданный вопрос.

Коридоры в институте – узкие и длинные. Разминуться в них сложно. Как-то, эта тропа свела Трофима с крупнейшим учёным, автором многих фундаментальных трудов, Смирновым. Тот вежливо попросил:

– Позвольте пройти, товарищ Трофимов?

Ответ был пространен и убедителен:

– Старый хрен, заруби на своём горбатом носу: моя фамилия Трохименко, или это твоему тусклому уму не под силу?

– Как вы смеете, я – профессор, академик, я не позволю, – взвизгнул Смирнов.

Фраза захлебнулась в свистящем вздрагивании Трофима:

– Насмешил, – у меня тоже все звания тут, – в кармане.

Вскоре, Смирнов был торжественно отправлен на пенсию. Помогли коллеги Трофима из обкома партии. К Трофиму стали относиться с опаской и с подчёркнутым презрением. Он, почувствовав превосходство, стал всё больше «садиться всем на голову», от ректора до уборщицы. Студенты задумались, как прекратить это. И придумали...

Однажды, возвращаясь домой, Трофим открыл парадную дверь и пробурчал:

– Сволочи-фашисты, опять лампочку свистнули?

На подходе к лифту он ощутил провал в бездну и несколько резких ударов в живот и спину. Со стариковским «Ой!» свалился на пол и замолчал, но отчётливо услышал:

– Лежачего не бьют.

Пролежав несколько минут, встал, стряхивая мешок, в который был укутан, и направился к лифту. В голове прочно закрепилась услышанная реплика. Он понял, что это был кто-то из институтских «шутников»: «Кто? Кто посмел подвергнуть его столь унижительному испытанию? Узнаю, убью», – утешал себя.

Стал прислушиваться к каждому голосу, но, увы, ни один не подходил к тому, – спокойному и уверенному.

Закончился учебный год. На курсе, где учился его любимец Юхим, – год был выпускным. Получение дипломов отмечали в ресторане «Поплавок», в гавани. В президиуме, среди преподавателей, – Трофим. В конце вечера Трофим подошёл к Фимочке:

– Ну, Юхим, поздравляю! Я думал, ты будешь работать на идеологическом фронте. Ан-нет, провёл ты меня, шельмец. Мать-то твоя еврейка, а ты молчал... Нехорошо, – проговорил он с яростью и обидой.

– Разве не видно, прищурь глаза, – переходя на «ты», улыбнулся Фимочка. – Дал бы тебе по тыкве, да ты и так смердишь, а мой принцип: «Лежачего не бьют!»

– Так это был ты? Стною в Сибири, сволочь! – зарычал Трофим.

– Не получится. Твой «паровоз» давно уже на металлломе пылится, старикан, – спокойно и с достоинством, ответил Фимочка. – К психиатру сходи, думается, даже классики марксизма были бы не в восторге от твоих убогих реплик...

Прошли годы, которые Фимочка вспоминал с грустью:

– Вот, какие у меня были яркие взаимоотношения с идеологией, безобразной и наглой. Слава Богу, её больше нет, место ей на свалке прогнутых историй...

В КАФЕ

Типичный для кануна лета мелкий, ехидный дождик, колючий, щекочущий лица. Кафе, на одной из набережных бесчисленных берлинских каналов. В углу, за столиком «tete-a-tete», рядом с девушкой свободное место.

У входа, – пожилой, слегка ссутулившийся человек. Прищурив близорукие глаза, ищет свободное место.

– Позвольте присесть? – спросил по-немецки. Его произношение типично для эмигранта. Девушка, японка, подняла голову:

– Да, пожалуйста.

Ему принесли чашку кофе и холодный бутерброд.

Пауза в два глотка.

– Вы не берлинка? – спросил пожилой.

– Нет. Студентка Гумбольдта, – ответила она по-русски.

Он вздрогнул, захлебнувшись горячим кофе.

– Как Вы определили во мне русского? – спросил он.

– Я учусь славистике, мне это не трудно: по артикуляции, по рывкам звуков, – ответила она. – Точно так же, как меня выдаёт разрез глаз. У японцев он отличается от других узкоглазых народов.

Дождь за окном превратился в ливень. Куда спешить? Остается развлекаться словесной вязью, под стать берлинскому климату.

– Почему вы остановили выбор на русском языке? – не глядя на собеседницу, спросил он. – Русская грамматика – сложнейшая в системе мировых языков.

– В Японии всё больше и больше проявляется интерес к России, её культуре, науке, и если позволите, бизнесу. Думаю, что мне не грозит безработица, – с пафосом ответила девушка.

– Вам ведь не более двадцати-двадцати пяти лет, откуда такое рациональное, логическое для карьеры, рассуждение? – слегка возмутился он.

– Я люблю русскую литературную и музыкальную классику, историю, больше, чем это заложено в университетской программе. Единственное, чего не хватает – это языковой практики. Вы ведь гуманитарий, я не ошиблась? – уверенно произнесла она.

– Не ошиблись. В вашем перечне нет изобразительного искусства, а именно к нему я имею прямое отношение. Уж, извините, – улыбаясь, сказал он. – Ладно, можно слегка зацепить и литературу. И я очень люблю вашу цветную ксилографию: Хокусая, Харунобу, Сяраку и, конечно же, Утамаро, впрочем, к чему это я? Ах, да... Они деликатно подтолкнули многих европейских мастеров...

Неожиданные слёзы: они несутся из её горизонтальных глазных впадин узким, тёплым благодарным ключом.

– Признайтесь. Вы не просто – художник, вы интеллектуал высокой пробы. Впервые за три года в Берлине судьба подарила мне такую встречу, – выдохнула она

– Вы заметили, что человек я пожилой, грешно ничего не знать о японских мастерах.

[12] – Но у нас, в Японии, многие даже не слышали их имён, – произнесла девушка.

– Значит, они не пожелали о них услышать. Их знания – в других областях. Ведь так? – не унимался он.

– Но эти художники – гордость Японии. Часть её визитной карточки, – распалилась она ещё больше.

– /Осень плывёт в тумане./Заунывно хлопочет дождь./Остановись, не серди дорогу /, – продекламировал он.

– Басё? – улыбнулась она.

– Зачем же? Это – Сайгё, его учитель, умерший за двести лет до него. А ещё, китаец Ду Фу, тоже его учитель. Вынужден признаться, перевод – мой.

– Вы знаете японский? – брови её приподнялись от удивления.

– Нет. Мой давний приятель подарил подстрочник. Он переводил Такубоку. Впрочем, дождь устал. Пора.

Пожилый встал. В её глазах – явная растерянность.

– Злобный бродяга-дождь прервал наш диалог. Мы встретимся? – требовательно спросила девушка.

– Разве что, неожиданно. Это часто случается в большом городе. Я – пожилой человек. К чему усиливать скорость пульса?

/Ночь проглотила обещанье./Правда – за ней./Время безостановочно, ритм его точен. /Ветер мчится за мной вдогонку/. – Вот это уже Басё. Увы, не «хокку». С ним не поспоришь. Прощайте. Спасибо за доброту и внимание. Рад встрече, – случайности непредсказуемы. И встречи – тоже.

Вскоре, в памяти почти стёрлась вздрагивающая сутулость плеч собеседницы при надоедливой суете берлинского дождя.

«ИГРА В БИСЕР»¹

Памяти Германа Гессе

День весело летел. Он был богат на встречи,
и всё же ночь смогла веселье погасить.
Но день оставил след, – он был очеловечен,
своею суетой, – дерзанья внёс и прыть.

[13]

И сновидения рассыпались по ночи,
иронии накал и суесловья бред.
Средь нецензурных фраз и плавающих строчек
кружился этот сон, хоть подходил рассвет.

Играла в бисер ночь, – в обычные стекляшки,
однако же, всерьёз, нахмутив мрачный взгляд,
чтоб не было ни в чём негаданной промашки,
и не нарушен был игры боезаряд.

Но в тот азартный миг явился Герман Гессе,
направив курс игры к надежде на успех.
И аргумент привёл – для этого он веский,
чтоб изменил игру её магистр Кнехт.

В чём, право, суть была? В Судьбе цивилизаций,
чтоб мировой прогресс не заковать в игру,
и в каждом, логикой подсказанном, абзаце,
дышала мысль тем, чтоб время шло к добру...

Но вот и ночь прошла, и день влетел беспечно, –
он повторил свои дерзания и прыть.
Чтоб время на Судьбе поставило засечку,
решила ночь игру в стекляшки повторить.

ВЕТРЫ

Здесь собраны ветры всех стран и эпох,
И каждый ведёт себя, как скоморох...

То мчит по пространству, то прячется в щель,
То в кружево морщит на лужах капель.
Его не пугают ни холод, ни зной, –
Он гонится вслед за своею судьбой.

Попробуй, о скорости с ветром поспорь, –
Он впрыснет усталость, и колкую хворь.
Проколет дыханье, как острым копьём,
Ещё улюлюкнет и свиснет притом.

На множество выдумок ветер горазд,
Достанет, что хочешь, – ведь он долговяз.
Он влезет в сознание, нашепчет стихи,
Добавит к сюжету капризы стихий...

Душе моей близок его аромат.
Общению с ним бесконечно я рад.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Взглянуть с иронией на день вчерашний:
ошибки, недомолвки и просчёт.
Он был, как фильм короткометражный,
или набросок быстрый, карандашный,
иль горизонтом скомканный восход.

Что на сегодня? Ждать ли обновленья, –
какой поставит хитрый день капкан,
иль мысль направит на хитросплетенье,
изменит он о дне вчерашнем мнение,
иль мудрый вдруг предложит вариант?

Надежды – крохи. Та же ждёт дорога, –
обочина не примет никогда.
Где выяснить, какая подоплёка

была для подведения итога,
чтоб времени утихла чехарда?

А впрочем, может быть, неразбериха
и есть, решительно, для жизни, суть?
Не суеты навязчивая прихоть,
а только лишь всего единый выход, –
дыхание перевести чуть-чуть.

[15]

ВСЯКО...

То настойчиво, то робко
или не подавши вида,
всё равно отыщут тропку, –
смех и слёзы, вдох и выдох.

Что-то вдруг, и что-то кстати, –
напряжению разрядкой,
чтобы весь запас истратить,
заеда всухомятку.

Иль споткнувшись, ненароком,
по пути, на гладком месте,
мысль придёт в мгновенье ока, –
зависть – рядом, в паре с мезтью.

И тогда, уже с досады,
задыхаясь от зевоты,
или только шутки ради,
той, что затаила что-то:

передёрнувши вопросы, –
ждут, поставив время на кон,
вдох и выдох, смех и слёзы,
только ждёт: возникнет всяко...

ХРУПКИЙ МИР

За поступки и проступки
отвечают хлыст и пряник.
Сохраняет Мир в скорлупке
то, что поощрит и ранит.

С Миром спорить бесполезно, –
всё фиксирует на годы.
Не затупит жала лезвий,
чтоб не пропустить чего-то.

Нет надежды на удачу, –
не придёт она спонтанно.
Может тупо замаячит,
но оставит запах пряный.

И погаснет безвозвратно,
огоньками светофора.
Грусть посеет, и досаду,
сокращая Мир простора...

Не забудут хлыст и пряник,
о поступках и проступках.
Мысли плёнкой затуманит,
хоть и Мир, до боли, хрупкий.

МИГ

Сколько миг имеет мнений, –
неприятья и желанья?
Словно бы, он не – мгновенье, –
у него – запас дыханья.

Подарить он может много
впечатлений и надежды.
Он пространней диалога,
трубных звуков, взглядов нежных.

Безразличья, счастья, горя
в выкрике и в робком слове.
То в мажоре, то в миноре,
то смешком, то взмахом брови.

Мимолётен, многогранен, –
плещет он противоречьем:
То ли будешь этим ранен,
то ли станешь им излечен.

[17]

ПОЛЁТЫ ОСЕНИ

...А осень летит проливными дождями,
спешит поскорей завершить листопад.
Навеки она подружилась с ветрами, –
бросает на всех свой презрительный взгляд.

И напоминает, что шутки с ней плохи,
что может послать она вирусный грипп,
стараясь не слышать угрозы и вздохи,
мольбу о пощаде и тягостный всхлип.

Ей сопротивляться никто не посмеет, –
лишь робкое солнце свой выбросит луч,
иль вдруг распушит ослепительный веер,
но осень замкнёт его в сумерки туч...

Три месяца осень – на троне природы.
Его пошатнуть лишь под силу зиме,
когда она волю даёт снегоходу, –
мороз у неё на холодном уме.

Так распоряжается жизнью планета, –
листают природы она календарь:
шлёт зимы и осени, вёсна и лета...
Уж так повелось, незапамятно встарь.

ПРОСТРАНСТВО

«...и выхожу я из пространства»

О. Мандельштам

[18]

Д и П / 2019

Освобождаю я пространство,
чтоб чище был скользящий звук.
Без хрипотцы, без интриганства,
не нёс угрозу и испуг.

Чтоб опустил на миг в истому,
взял на поруки циферблат.
Очнулся, и спешу бегом я,
вернуть упущенный мной взгляд.

Перекликаясь, ритм хлопочет,
слезами с хохотом вдогон.
Без передышки, – днём и ночью,
влезая в быт, тревожа сон.

Пространство сникло, и скучает,
звук нервным эхом искажён:
рычит, шипит, кряхтит и лает,
гремит настойчиво, как гонг.

Ну, что с того? Пространство вечно,
я – в нём, или меня в нём нет?
И никакой случайной встречей
не отпечатает мой след.

ЗАНОВО

expression

Скукой занавешено окно.
Поле неба сеет безразличие.
День прошедший не сумел постичь я, –
это с детства мне запрещено.

Разлеглась ночная неторопь,
просквозили издалёка звуки.

И по швам, плетью повисли руки,
словно мысли кто-то в кучу сгрёб.

Прёт рассвет, на горизонте – быт,
за стеной, всюю, шумит веселье:
смех и плач, и визг электродрелью, –
это день свой предлагает ритм.

Распалились в глубине мечты,
хоть и не хватает силы духа.
Бьётся о стекло упрямо муха,
предвещая приступ суеты.

Встать с постели, бросить взгляд в окно,
отшвырнуть брезгливо безразличие,
день из памяти, погасший, вычтя,
в новом – закружить веретено...

НЕОЖИДАННОСТЬ

Никем неслыханной, нигде невиданной,
нарушив ритм календаря,
свалилась на голову неожиданность,
принявши роль поводыря.

Её почувствовав уж нахохочешься, –
а выбор: хоть беги, хоть стой.
Она и тропами, и по обочинам
свой не нарушила конвой.

Раскрыв объятие на неожиданность,
на дар, ниспосланный с небес,
почти неслыханно, почти невиданно,
её я принял чудом из чудес.

БЕЗ ОГЛЯДКИ

Бег времени не признаёт оглядки.
Ничем его не урезонить пыл.
Ни шёпот тишины, ни беспорядки,
Ни хлёсткий ветер, и не мёртвый штиль.

Он беспощаден. Неуёмен в страсти.
Посулами его не проведёшь.
В его трахеях крепок корень власти.
Остёр и точен он, как финский нож.

Несёт он радость или наказание.
Не сможет время изменить свой бег.
Презреть оглядку, – вот его призванье.
Я думаю, что он, – Сверхчеловек.

* * *

Весь горизонт был заревом исхлёстан,
но начинает голубеть рассвет.
И зарево скукожилось, как остров,
и небо растворило красный цвет.

Нет сумерек, и пробудилось утро,
и обнажился города оскал.
Где ночь? Её и не было как будто, –
её луч солнца утренний сжевал.

Пространство забурлило песней шалой,
с которой жизнь вступает в новый день.
В нём суета не жалуется причала,
и каждый звук, – отдельная мишень.

БЕССЛЕДНО

...И распласталась ночь во мраке, –
не шелохнётся, чуть жива.
Одни лунатики-маньяки
бормочут сонные слова.
Да сердце, вроде, говорливо, –

биением радует своим.
А за окном качает ива
переплетением витым...

День возместил молчанье ночи, —
самовлюблённый, как бахвал.
Дождь поутру октавы точит,
не соблюдая интервал.
И, словно бы, по серпантину,
день мчится шумно, в никуда,
глотающая смог на дармовщину,
без откровенья, без следа.

[21]

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Тени, словно всадники, скачут
застилая стрелу дороги.
Разухабисты или строги,
иль с азартом, почти ребячьим.

То туманны они, то яркие,
то замрут, то вдруг — в плясовую.
То под утро, вдрут, заночуют, —
преподносят мыслям подарки.

Я за ними мчусь без оглядки,
расставляю памяти сети.
Но они, как умные дети,
ускользают, играя в прятки.

Не вернуть мне прошлого теней,
не привлечь ко мне их вниманья.
Позади сломались ступени, —
искорёжены расстояньем.

* * *

...И пусть в вокзальной торопливости
сквозь смех и слёзы расставания,
спешит ко всем очарование,
не ощущая непрерывности.

[22]

Мысль гонит время к размышлению
То ль об удачах, то ль – нелепицах,
и к прочему, – за что зацепится,
в чём трепет перейдёт к волнению.

Так, в суете вокзальной смешаны
мгновенья, лица и желания,
где перехлёстнуто дыхание,
святое, превращая в грешное.

Да, без движения несноснее, –
другим не показаться гордыми,
чтоб, застывая натюрмортами,
хлебнуть сознания вечной осени.

УТОЛЕНИЕ АМБИЦИЙ

«Музыка в поэзии, – прежде всего»

Поль Верлен

Аукаю. Зову к себе слова.
Уверен: дозовусь их непременно.
Работать с ними любит голова,
и отпускать на волю их из плена.

Их путь известен: напрямиком в строку...
Жаль, с падежами вечная морока.
Слова подобны точному стежку,
когда кроится стих из букв, по строкам.

Попробуй, – рифмой их слегка задень, –
они распределят волшебю звуки

для музыки стиха, – не для «трень-брень»,
чтобы сюжет стал плавным и упругим.

Со мною с детства так. Зову слова,
взываю к щедрости: «Не поскупитесь, –
шепчу им. – Тяга к вам ещё жива.
Вы градус держите моих амбиций!»

[23]

НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

Я ногами глотаю тропинку к весне,
Не протаптываю, а глотаю.
Совершаю я действие, приятное мне,
Отправляюсь в апреле я в это турне,
Чтоб тропа привела меня к маю.

Не заметив проделок природы лихих,
Удивлённых, насмешливых взглядов,
Я весне сочиняю восторженный стих, –
Никаких многоточий, тире, запятых,
Чтоб не рушить мотив звукоряда.

Вижу, май за углом ожидает меня,
Чтоб со мною весной поделиться,
И слегка ароматом цветенья пьяня,
Никакая его не собьёт суетня,
Выдыхает весну по крупицам.

ХАНУКА

Декабрь. Мы сидим за праздничным столом, –
там блюда в ряд стоят на скатерти крахмальной.
А за окном, вдали, расплетничался гром,
и фитили дрожат на свечках ханукальных.

Ладонью бабушка завесила глаза,
и звуки с губ её доносят текст молитвы.
И слышно: за окном закончилась гроза,
и музыка ясней в ивритском алфавите.

И халу преломив, всех поздравляет дед:
«Гит Йонтыв» – говорит, прижавши к сердцу руку.
И, кажется, сам Бог послал нам свой привет
и пожелал семье добра Он на Хануку.

А дети ждут того, когда же, наконец,
(подмигивая и придвинувшись друг к другу),
традиционно нас, наш собственный мудрец,
одарит деньгами на сладости, – в Хануку?

¹ Роман Германа Гессе «Игра в бисер»,
главный герой – магистр игры Йозеф Кнехт.

Давид Брацлавер

КАРТИНКИ НА СТЕКЛЕ

Картинки на стихи и прозу,
Фантазии, мечты и сны
Рисуют ангелы-морозы
На стёклах вязью белизны.

Пестрят в затейливых узорах:
Пейзажи лета и весны,
Небес бескрайние просторы,
Пенистый всплеск морской волны.

Листвой берёз и тополей,
Украшив земляную простынь,
Волшебной палицей своей
Морозы одарили Осень.

Старушка грозная, Зима!
Прохожих испугать негоже,
Когда рисуют на домах
Морозы – лепестки мимозы.

ЗОЛОТЫЕ КРУЖЕВА

Шумит опавшая листва,
Ей ветры не дают покоя,
Летят золотые кружева,
Как украшеньё дорогое.

[26]

Туманный облик октября:
Дожди, летучая порошка.
И запоздалая заря –
Нас поджидают у окошка.

Лес умывается слезой –
По небу мчатся птичьи стаи.
В объятьях дымки голубой,
Их след, как первый снег, растаял.

В далёкий путь они не зря
Летят осеннею порою
Туда, где яркая заря
Напомнит лето золотое.

Придёт Весна, и край родной
Их примет с радостью и с честью,
А лес счастливою слезой
Умоется при этой вести!

ТОСКА

Смотрю на жизнь издалека
Тех лет, ушедших быстротечно.
И надвигается тоска
На сердце мукой бесконечной.

Не ведаю, куда идти.
Не уставая, с неба хлещет –
Дождь дерзкий на моём пути,
И ворон каркает зловеще.

Что приготовила она,
Судьба, – доселе неизвестно,
Бокалы сладкого вина,
Или безрадостные песни?

Я вспоминаю день-деньской:
В тот миг прощальный, дав мне руку,
Сказала милая: «Друг мой –
Не одолеть любовь разлуке».

[27]

Быть может, утренней зарёй,
Или в погожий тёплый вечер –
Прощусь я навсегда с тоской
Подруге радуясь при встрече.

УХОДИТЬ СОБРАЛАСЬ ОСЕНЬ

Уходить собралась Осень,
В небе хмурится луна,
Древа спят с листвою врозень,
В окруженьи воронья.

Снег блестит, льдом серебристым
Покрывается река.
Ветры буйные со свистом
Рвут седые облака.

Лихо тройку подгоняя,
Будто малое дитя –
Кучер песню распекает,
Колокольчиком звеня:

«Пусть резвятся ураганы,
Злая вьюга и пурга.
Вихрем я помчусь к желанной,
Обгоняя облака.

На околице посёлка,
Не смыкая глаз от сна,

Ждёт меня в простой светёлке –
Королева у окна!»

СОНЕТ ЛЮБИМОЙ

Как в юности, весною ранней,
Любовь нарушила покой,
Заставив от душевной раны
Страдать осеннею порой!

Слух завораживают мой
Распевы нежного сопрано.
Они по нотам пьяно, пьяно –
Плывут серебряной волной!

Любимой женщины уста
Целуя, в чудеса поверил:
«Преодолимы все барьеры,
Сбывается моя мечта».
Души и тела красота
Мне дарит миг любви бесценной!

ДЕКАБРЬ

Бушуют ветры, снег обильный,
Не унимается пурга.
Зима на улицах Берлина
Бурчит, как старая карга.

Стыда не знавшие морозы,
Раздев деревья до гола,
Сначала довели до слёз их,
Ну, а потом – и добела!

И уступая ночи длинной,
День ускоряет свой уход.
А над небесной паутиной –
Вершится звёздный перелёт!

Сквозь бури, снежные метели
Спуститься с неба захотели
Все звёзды на вершины елей,
С подарком ярких ожерелий!

Декабрь, как прежде, так и ныне –
Сопровождает каждый год,
До тех секунд, когда в Берлине,
Наступит Нового черёд!

[29]

ОБИДА

Небесный покидая свод,
Снег серебристый тает.
Обиделся и слёзы льёт, –
Земля не принимает!

Злой ветер гонит стаи туч.
Куда? Зачем ? Не знает.
А солнце греет по чуть-чуть, –
И землю согревает.

Ну, а бесстыжая луна
Пришла на смену солнцу.
И, как заблудшая жена,
Глядит во все оконца!

Сиянье лунное. Земля,
С небес посланца видя,
Угомонилась: снег не зря
Простил свои обиды!

МАДОННА

Гляжу я из окна вагона –
Выходит женщина из леса.
Она прекрасна, как мадонна
И бесподобна, как принцесса!

Она явилась в лес из Рая –
В Раю – огромная проблема:
«Мне кавалеров не хватает
В садах прекрасного Эдема.

В Эдеме, – жалуется дама,
Возможно, и не без причины –
Помимо старого Адама,
Нет настоящего мужчины».

ПАРИЖ

Париж – всегда Париж.
Пусть грянут перемены.
Ничем тебя не удивишь
На этом свете бренном.

Ты конституцией своей
Явил впервые миру
Свободу, равенство людей,
И первый – гильотину.

А революции твои
Иль влево, или вправо
Творили верные сыны,
Овеянные славой.

Вождь – Робеспьер, герой – Марат,
Париж заливший кровью,
Вели французов на парад
С отеческой любовью.

Немало лет с тех пор прошло.
И в наши дни повесы
Смакуют красное вино
Под звуки Марсельезы.

МАСКАРАД

Вся наша жизнь – сплошная сцена.
Судьбой назначенную роль,
Играем мы попеременно:
Паяц, слуга или король.

Порою – в маске, иль – без маски,
Вся наша жизнь, как будто сказка,
Где добрый Ангел за собой
Ведёт нас в Рай, в Ад тащит – злой.

Скитаемся, как пилигримы,
Дорогою необозримой.
Проходим через Рай и Ад,
Чтобы попасть на маскарад.

Где лица прячутся под маской:
Добра, любви и нежной ласки.
И, к сожаленью, стар и млад
Предпочитают маскарад.

ДРЕВНЯЯ МОДА

Дремал Адам, вздыхала Ева.
А кто-то тихим голоском
Им повторял в садах Эдема:
«Прикройтесь фиговым листком!»

Адама с Евой нет в помине.
Прошли века... И вот уже
Бикини, шорты, юбки-мини,
И декольте, и неглиже.

И снова, как в садах Эдема,
Но современным языком
Озвучена былая тема:
«Прикройтесь фиговым листком!»

СВЕТ

Немало миллиардов лет,
Не знаю, сколько точно,
Блуждает по Вселенной свет,
Блуждает денно, ночью.

Бегут по космосу лучи,
Несётся свет по Свету,
Чтоб встретить на своём пути
Уставшую планету.

Мерцают звёзды над Землёй.
Заря зарю сменяет.
И Солнце, следом за Луной,
Земле свой лик являет.

По повелению Творца, –
О, как разумно это! –
Свет лучезарного лица
Светлей иного света.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Басня

Надоели посиделки
Белке с белками в лесу.
Захотела очень Белка
Перекраситься в Лису.

На рынке раннею весной
Купила шубу у Лисицы,
Хвост подняла, чтобы гордиться,
Как Лисы, лисьей красотой.

Глазами блудными сверкая,
Любви пленительной искра
Попала в сердце, завлекая
К ней в дом хозяйского Бобра.

Была хитруля весела,
Ведь счастьем не было границ,
Пока в известиях прочла:
«Пошла охота на лисиц!»

Запрыгнула туда, где Белки
Сидели на высокой ели.
И, продолжая посиделки,
Еловые орешки ели.

[33]

Ах! Перевоплощения, –
Премудрая идея.
Но ставьте под сомнение, –
Воспользоваться ею!

В КУРЯТНИКЕ

Басня

От зависти, иль чувства мести,
Иль от безделья балагурия,
Две куры, сговорившись вместе,
В курятнике подняли бурю.
Одна из сплетниц, между прочим,
Промолвила: «Моя соседка
Украла яйца этой ночью
У рыжей курицы-наседки»!
Ах, сплетня – ядовитый пряник,
Без доказательства, в бреду,
Взорвала криками курятник:
«Привлечь преступницу к суду»!
А, Рыжая, не без греха,
Любовью занималась рьяно.
Хотелось ей от Петуха
Иметь цыплят. Но не случайно
Петух решил сохранить –
Неодолимой страсти тайну.
Подговорил соседку красть,
И всё произошло сакрально!
Затем, промолвил он лукаво:
«Наш Петя – бабник, хоть куда».

В курятнике бытует слава,
Что он – исчадие вреда.
Завидя кур издалека,
Петух танцует, хулиганя,
Но, а гулять без Петуха
Для кур, – страшнее наказания!
И убеждали во весь дух,
Распространя ложный слух,
Что наслаждается Петух,
Когда с ним куриц, – больше двух!
За нарушение морали,
Ни в чём невиноватого Петра,
Все куры дружно прокричали:
«Изгнать из птичьего двора!

Известно, что нет подлости предела,
Когда берутся сплетники за дело!

Борис Бронштейн

[35]

САМОЛЁТИК БУМАЖНЫЙ

(письмо умершему другу)

Жизнь похожа на тот самолёт из белой бумаги,
Помнишь, как запускали и спорили, где приземлится,
И на каждом крыле рисовали мы звёзды и флаги,
И летели на них не в овраги, а прямо в столицы.

Самолёт вверх летит, два штурвала, два главных пилота,
А вокруг чистый воздух и будет, конечно, «Победа»!
Помнишь, как ощущали мы счастье шального полёта,
Не понимая, где приземлят и что курс неизвестен.

Мы выросли быстрее, чем растёт борода у мальчишек.
Наживали врагов, головой не кивая согласно,
Не могли промолчать, не хотели быть ниже и тише,
И плевали на то, что и правда бывает опасна.

Жаль, повторных полётов уже на двоих не случится,
самолёт улетел, не дождавшись второго пилота,
Вдруг увидел на небе тебя, ты сидел в колеснице,
В окружении дам, и травил им свои анекдоты.

У меня к вам билет. Правда, дата в билете открыта.
Я как прежде живу, суета побеждает порядок,
И всё ближе ложатся снаряды различных зениток,
И похоже на то, что не будет уже пересадок.

А у нас мелкий дождь. Одному мне под зонтиком грустно.
Он огромный такой, мы могли бы вдвоём поместиться.
Небосвод потемнел и от тучи немножечко сплѣснут,
Я иду не спеша, и мне светит огнями столица.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СОЛОМОНА

[36]

*Слова идут по многоточию в конце, –
Придѣт и это, – каркнула ворона.
Гарем большим был в царстве Соломона,
Ну что ещё сказать о мудреце? –
Давайте вспомним о его кольце...*

Среди нам памятных вещей,
По барахолке толпы бродят,
Упорно ищут и находят,
Остатки наших миражей.

Небрежно в руки их берут
С ухмылкой цену назначают
Напоминают волчью стаю, –
При торге их характер крут.

У них торговля – это страсть,
А у тебя необходимость,
Рукою опытной водимый,
Ты, как на удочке карась.

Мираж когда-то был кольцом,
Что обещало мир и счастье –
Всѣ изменилось в одночасье
И закрутилась жизнь волчком.

И вместо трона табурет,
Надета на глаза повязка
Ключи потеряны всей связкой.
Закрываются двери. Окон нет.

Не жди подарка от судьбы
И помни притчи Соломона:

универсальны в них законы:
«Пройдёт и это» Подожди!

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Сумасшедшее время здесь дни спрессовало в минуты,
И герои тут те, кто успел обмануть и предать,
Всё на криках, угрозах, командуют Бруты.
Но остались ещё, кто способен за правду стоять.

[37]

То один вверх поднимет в наручниках сбитые руки,
То второй, вырвав плеть, встанет сам и поможет другим.
Оживёт вся толпа, и волшебные трубные звуки
Огласят имена. Их запомним, и честь воздадим.

Нам осталось немного до цели, мы сможем пробиться,
Ночь не спать, день бороться и правду от зла защитить.
А когда победим, смоем грязь – надо сразу влюбиться,
И под доброй луной без конца о любви говорить.

Расскажите не всё, ведь понятно – есть личное очень,
Есть и гордость, и стыд, что по-разному красят лицо.
Нет святых на земле, каждый грешен и в чём-то порочен –
Мы забудем, простим и, конечно, подставим плечо.

ПРО АНГЕЛОВ

Летают ангелы над нами в высоте,
Кружат над вороньём, не тучей чёрной,
Всё ищут тех, кто был судьбой покорной,
Приговорён к несчастью на земле.

Не знаем мы как *там* проводят кастинг,
Но верим, что не ценится в жюри,
Объём груди, длина ноги и пирсинг,
Что в моде у зажавшейся попсы.

Невидимы, неслышимы. Легки,
как поиски свои осуществляют,

Не знаем. Но без устали *они*
Находят праведных и в рай их помещают.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

«Конец стиха совсем не подойдёт,
И середина тоже неудачна,
Начало поверни наоборот», –
Мой голос внутренний, мой цензор пристаёт.

«Здесь, вместо запятой, поставь тире,
в конце строки опять забыл про точку,
и не кончай строфу на слово с «бэ»,
и не пиши про вечер и про ночьку.

Ну, что ты можешь вспомнить о любви?
О музе, что давно не посещала?
С прищуром взгляд её во время бала?
Да ты же имени не помнишь визави!

Всё. Перестань. Не надо о любви.
Хоть ясно, что душа страдала,
с годами всё похолодало,
Писать про это, – думать не могли!

И не читай ты с выражением стихи,
твой голос раздражает очень,
Вирши твои и без того плохи.
Ну и зачем опять про осень?»

Рука застыла, не скрипит перо,
Мысль не бежит, зима её сковала,
Мне грустно, плохо, чувствую – не то.
Дождусь весны, и всё начну сначала.

К ВОПРОСУ ОБ ЭМИГРАЦИИ

Уходят за границу поезда,
Пилоты уж подходят к самолёту.
Судьбе билет вручив только туда.
Друзьям кивнув, готовы мы к отлёту.

Надежда есть, она не подведёт,
Не первые мы в этом спорте странном,
Где старт всегда был от родных ворот,
А финиш – в разных городах и странах.

Нам много надо будет пережить,
И потрудиться на различных нивах.
Чтоб в старости спокойно, тихо жить
В тени ветвей, растущих в них на ивах.

На родине воюют до сих пор.
Там коммунисты став капиталистами,
Все записались в православный хор,
Поют осанну голосами тенористами.

А как хотелось бы вернуться в дом родной,
Сорвать с окна пропыленные ставни,
Проветрить всё, и опыт нажитой,
Отдать друзьям, и детям, и державе.

*По требованию автора стихи опубликованы
без корректуры и редактуры –
согласно сданной им рукописи.*

[39]

Д и П / 2019

Борис Бронштейн

**Нора
Гайдукова**

**БАБУШКА
БАСЕНЬКА**

[40]

Д и П / 2019

В старом доме на улице Войнова, ныне Шпалерной, в семейной коммуналке, родилась девочка. Назовём её – Любой. Она выскочила на свет так быстро, что пуповина обвилась вокруг её шейки. Девочка могла задохнуться и погибнуть. Но ручка на горле не давала пуповине её задушить. Это было случайностью, но подоспевшие на помощь врачи, удивились. Пуповину обрезали, и девочка громко закричала – на её ручке так и осталось синее пятно на всю жизнь.

Через два месяца в той же квартире у другой пары родился мальчик – Фима.

Мама и папа девочки были врачами, а время было тёмное – 1953 год, по домам ходили какие-то люди в штатском и составляли списки евреев, к которым относились все родственники девочки, да и сама девочка. Евреи, да ещё – врачи. Люба и Фима этого не понимали, они сидели в одной кровати и наперебой кашляли, у них был коклюш. Мамы и папы, бабушки и дедушки были на работе, а дома оставалась только прабабушка Басенька – маленькая, чистенькая старушка, похожая на белую мышку. Она соблюдала кошерную кухню, все ложечки и вилочки, все кастрюльки стояли отдельно: мясные и молочные. Прабабушка родилась очень давно, поэтому она никогда не работала, и, как тогда было принято, занималась кухней и детьми. Делала рыбу «фиш»: покупала живого карпа, сама убивала его лопаточкой, как положено у евреев. Любе это очень не нравилось, она не хотела есть фаршированную рыбу, которую подавали в огромной светлой гостиной с окнами, выходящими на Неву. За круглым раздвижным столом в праздники помещались все её родственники. Остальные не понимали любиного упрямства и оставляли её сидеть за столом: «пока рыбу не съешь». Ещё долгие годы, при виде и запахе фаршированной рыбы, Любу начинало тошнить и она не могла на неё смотреть. Зато она очень любила селёд-

Поэзия и проза

ку, которую не считала рыбой. Бабушка Басенька с жалостью смотрела на маленькую, худую и бледную Любу, у которой был плохой аппетит, и каждое утро приглашала её в свою светлую гостиную и несла в руке блюдечко с кусочком чёрного хлеба с маслом и кусочком селёдки. Она говорила: «Это тебе, Любочка!»

Так Люба и запомнила свою любимую прабабушку Басеньку, за окном солнце и сверкающая льдом и снегом Нева, а перед ней стоит маленькая чистенькая старушка, фея из её детства с маленьким блюдечком в руке, на котором – бутербродик с селёдкой.

Всем счастливого Рождества! А сказку, если захотите, ещё продолжим.

[41]

ГОЛОВА РЫБЫ

Рассказ Фимы

Когда я был маленьким, наша семья по праздникам собиралась за большим столом в гостиной с окнами на широкую Неву и тюрьму «Кресты» напротив. Я тогда не знал, что это – тюрьма, и она казалась мне волшебным замком.

Всех родственников рассаживали в семейном кругу по их значимости. Мы с кузиной Любочкой сидели в самом конце стола, нам тогда было лет по пять.

Во главе стола сидели самые важные родственники, наша прабабушка Басенька и её сын Боря, мой отец. Всем раскладывали фаршированную рыбу, а её головы ел мой папа.

В моей взрослой жизни я никогда не ел рыбы головы. В рыбном магазине всегда просил головы отрезать и выбросить.

Но вот однажды, моего сына Илью – профессора права одного из американских университетов, пригласили с чтением лекций в Китай, и я увязался за ним.

В первый же день в его честь устроили почётный приём. Во главе стола должен был сидеть почётный гость, но ещё почётнее – отец почётного гостя, поэтому туда посадили меня. По правилам китайского этикета почётный гость должен был съесть голову рыбы. Хотя никогда прежде я её не ел, но вспомнив папу, съел голову – не подвёл сына. Голова была вполне съедобной.

МАГАЗИН «СТРЕЛА»

Памяти моего мужа Игоря

Хмурый день десятого декабря, присыпанный мелким дождём, не обещал приятных новостей. 1990-й год, когда все продукты продавались по карточкам. Но и по ним частенько нечего было купить.

[42]

Люба встала поздно. А куда торопиться? Всё равно в институт идти не надо. Проекты разваливаются, зарплату пока платят, но что не неё купишь? Дочка в – своем художественном училище, муж – в архитектурном бюро.

Люба надела старенькое серое пальто, модное когда-то, перешедшее к ней от мачехи. Они с отцом уехали в Израиль, там зимнее пальто ни к чему. Сапоги – тоже старые, но их ещё можно носить. Песцовая шапка – тоже не новая. Косметики никакой, зачем краситься в магазин? Вышла на улицу, прохожих – мало, все сидят по домам. Куда в декабре ходить-то?

Решила заглянуть в фирменный гастроном «Стрела», что находится рядом с их квартирой в Ротах. Купила что-то вроде мяса. Можно сварить суп. В молочном – длинная очередь, что-то дают. Обрадовалась, достала из кармана английский текст, чтобы в очереди не терять времени. За спиной почувствовала чьё-то дыхание, слегка попахивающее дешёвым вином. Обернулась. Позади стоял странный мужчина, одетый в линялую старую куртку и шапку-пирожок. Он тоже читал обрывок какой то газеты. Остальные стоявшие в очереди просто убивали время. Мужчина улыбнулся. Ни нелепая одежда, ни разноцветная неухоженная борода не могли скрыть красоты его тонкого интеллигентного лица, зелёные глаза смотрели мягко и внимательно.

– Почему Вы читаете Рея Бредбери по-английски? Он ведь давно переведён на русский? – спросил незнакомец.

– Упорно и безуспешно учу английский, – Люба в ответ тоже улыбнулась. – А Вы за чем стоите?

– Хочу дочке кефиру купить

– Я тоже хочу кефира, и сметаны, и творога. Давно ничего не было, – сказала Люба и отвернулась.

Мужчина – женатый, с детьми. О чём дальше разговаривать.

– Знаете что, я Вас на выходе подожду. – Он явно хотел продолжить знакомство.

– Хорошо, подождите. «В конце концов, почему бы не познакомиться?» А то все коллеги по работе давно надоели», – подумала Люба.

С авоськой, полной покупок, она подошла к выходу. Мужчина ждал её.

Они посмотрели друг на друга, и что-то в этот момент произошло.

Что-то пролетело над ними. Может, это был ангел? Он ведь не по заказу прилетает, а туда, где в «Книге Сулеб» записано.

«Вот как выглядит моя половинка», – вдруг подумала Люба. Сама не поняла почему.

А вслух спросила:

– В какую Вам сторону?

– Я тут недалеко живу, меня зовут Игорь. Давайте, понесу вашу авоську, ведь тяжёлая.

– Нет, спасибо, я сама. – Вдруг этот странный тип сиганёт проходными дворами, кто его знает. Дочку кормить будет нечем.

– Давайте посидим в скверике, покурим, поболтаем. Как Вас зовут?

– Люба. Покурим, у меня и сигареты есть, – она достала пачку настоящего Мальборо, привезённого месяц назад из Парижа, с международного конгресса.

Они зашли в сквер на Измайловском и с ногами забрались на скамейку, шёл противный мелкий дождь со снегом, в такое время года – частый в Питере. Снег сразу таял и превращался в слякоть.

– А я, между прочим, врач, – сказал Игорь. Люба с недоверием на него покосилась.

Тогда он достал из-за пазухи слегка помятый диплом. Люба его внимательно разглядывала.

– Мои родители-врачи в Израиль уехали, теперь осталась без мед-помощи – заметила Люба. – Я знаю, Вы — татарин, а я – еврейка.

– Откуда Вы знаете, что татарин?

– Не русский, не еврей, значит, татарин. В Питере много татар.

– Вы на еврейку не похожи.

– Думаете, это комплимент? Антисемиты меня узнают.

Они подошли к Любиному дому.

– Дайте мне номер Вашего телефона!

– Нет, зачем?

В это время к дому подошла Любина восемнадцатилетняя дочка.

– Мама, ням-ням, – заявила она бодро, жизнерадостно хлопнув дверью и скрывшись в подъезде.

– Я всё равно узнаю – сказал Игорь. – Или вот, возьмите мой. На клочке бумаги он нацарапал номер.

Через две недели, 26 декабря, в 4 часа утра, Люба смотрела в окно: через двор шёл Игорь с небольшой спортивной сумкой и приёмником «Филипс» под мышкой. По нему он слушал радио «Свобода». Больше ему ничего не было нужно.

– Я ушел из семьи, ты тоже разведёшься и выйдешь за меня замуж. И ещё человека родишь.

Мягкий и уступчивый Игорь умел добиваться своего. Они переселились на Петроградскую, в квартиру уехавших родителей Любы. Новый Год отпраздновали вместе с Любиной дочкой у лучшей подруги.

[44]

Д и П / 2019

Поэзия и проза

ГИМН ТЕЛЬ-АВИВУ

Рождается из моря
Это нагромождение нелепых зданий
Пальмы, огромные деревья
Спутанные корни, стволы
В кронах свили птицы гнёзда
Здесь раньше, говорят,
Была пустыня
Та самая, в которой сорок лет
А может, и другая
Все пустыни отступают
Перед величием духа
Волшебной палочкой
Махнул Он и повелел
Построить Тель Авив
Вот здесь, под солнцем,
ветром, трепетом цветов
Где голоса детей вплетаются
В звук серенады жизни
Коробки неуклюжие,
облезлые дома, асфальт
потрескался
Но на бульваре Ротшильда
Вы можете улечься в гамаке
На главной улице
Где по дорожке велосипедной
Мчатся электросамокаты
В урбан-галерее картины
Светом вечерним пронизаны
И всюду пахнет кофе с корицей
Это всё как будто снится
Как этот театр с стекляною

стеной светящийся фонтан
Голубое мерцание хрустальных
фонарей, в кафе при театре
Старые и молодые
Повсюду звук современного
иврита – чудесный новояз
а иногда вкрапляют идиш
Язык религиозных школ
На берег выйти где тебя
уносит ветер в далекие
столетья, твои отцы и бабки
здесь стояли в обнимку
Для вечности нет времени
Каких-то три тысячи
Текущих быстро лет
Наполненных победами
И пораженьями, слезами
Кровью, разрушеньем
Храмов, гибелью Моссата
Теперь Моссат синоним
Разведки лучшей в мире
Всё это город
Где в пять утра в троллейбусах
Народ одетый кое-как
Спешит куда-то заработать
Свой малый шекель
Где квартиру купить
Лишь равнину под силу
Или политику богатому
А русские мигранты
В автобусе трясутся
Конечно если ты –
не Абрамович
И все-таки сюда
Ха Шем велел вернуться
Растить детей и радоваться
жизни, ты здесь не вечный
скиталец, наконец,
а полноправный член
семьи еврейской
Ты здесь живёшь

Наперекор врагам,
Чтоб здесь Мессию
Встретить

КОМУ НУЖНА ЖИВОПИСЬ

*«Яд, подмешанный в краски,
яд для глаз»¹*

Кому нужна живопись?
когда глаз фотокамеры
куда точнее, чем рука
художника
все непрерывно щёлкают
смартфонами,
а кто покруче –
камера с огромным
объективом
запечатлеть стараясь
природные красоты
сэлфи, друзья-подруги
изыски архитектуры

Кому нужна живопись?
Наверное, всем тем
что мир хотят увидеть
по-иному, чем отражают
цейсовские линзы,
а так как его видят
глаза другого человека
Рене Магритт свое лицо
считает яблоком
Пикассо видит Дору
треугольной

Кому нужна живопись?
коллекционерам
нацисты обобрали всю
Европу, воруя из музеев

всё что можно вывезти
и жирный Геринг
наслаждался украденным
у Ротшильдов шедевром
теперь же Сотби и Кристи
за миллионы продают
страдания несчастного
Ваг Гога, отрезавшего
собственное ухо.

[47]

Кому нужна живопись?
ну если Вы тщеславны
портрет парадный закажите
у модного художника
возможно, порадуете
внуков они расскажут
с гордостью что были
вы неотразимы когда-то
и им оставили большое
состояние.

Кому нужна живопись?
Наверное, художнику
он страсть свою к холсту
и краскам пытается
нам передать, впиваясь
глазами в обнажённую
натуру
и этой его модели
что заработает на
чашку кофе за три
часа стоянья обнажённой
но она не знает что,
возможно, художник
ей подарит пропуск
в Вечность.

УКРАДЕННЫЙ ЛИМОН

Украденный в общественном саду
Лимон имеет особый запах
Когда его срываешь пронзительный
и острый, не сравнимы с ним
духи известных брендов.
А сам процесс – пробраться
и сорвать, пока никто не видит.
не купленный за двадцать пять копеек
и не подобранный из выброса
где роются и русские и немцы
в контейнере,
когда закончен рынок.
Вкусней всего на свете
и ароматнее – украденный лимон.

ЛУИС

Усталый красавец Луис,
Ах, почему мне не двадцать пять
Или хотя бы тридцать
Я бы отправилась с тобой
в твой Гондурас

Твои латиноамериканские
чёрные глаза с длинными
ресницами бледное лицо
коварного ангела
полные губы сатира
Это африканская примесь
есть и еврейская бабушка
немного индианская мама
Папа солидный испанец
Похож на Штайнмайера

Загадочные латинос
продающие нам волшебный
напиток – кофе. И сами
такие же притягивающие

и завораживающие
как эта маленькая чашка
С запахом утреннего
счастья проснуться
и увидеть такие глаза

Главное не увлекаться
Чтобы он не испортил
Вам жизнь как это было
со мной однажды...

[49]

БАКУ В ОКТЯБРЕ

В Старом Городе,
Среди платанов и гинкго,
Древних кирпичных стен,
Обветшалых ковров и
и потускневшей посуды
Запуталось время
В изречениях Корана
Под азербайджанскую
терпкую музыку
вдыхать ароматы кофеен.

Потом выйти к морю
Где серебряная вода
Сливается с серебряным небом
Сосны склонились от ветра
Кружат беспечные чайки.

На горизонте стоят
небоскрёбы в форме
светящихся фаллосов
Пейзаж разделился
На части: Хай-тек пополам
с ренессансом восточным

Дыхание ветра приносит
Запах соли и сосен
Приправленный

гулом машин
Шумно мчащихся
по автостраде

А в маленьких лавках
всю ночь можно
съесть чечевичного
супа с буреком.
Восток обнимает
вас нежно...

НОЯБРЬ

Тёмный месяц ноябрь,
Ах, не будьте к нему так суровы
Ведь придёт и декабрь,
Году скажет последнее слово

В ноябре не спеша
оппадают осенние листья
Под ногой мельгешат
Не торопятся с летом проститься

Ах, мой месяц ноябрь,
Будут сны необычные сниться
Перед домом фонарь
Улетели последние птицы

Но в забытом саду
В ноябре зацветут георгины
Жди, я снова приду
За мелодией старых мотивов...

¹ Михаэль Кругер в переводе Вячеслава
Куприянова. История живописи.

Елена Зельгер

**ОСОБЕННО ГРУСТНО,
ОСОБЕННО СЛАДКО**

[51]

Д и П / 2019

До рези внизу живота, до подвздошной боли! Надо! Надо вспомнить ещё раз. Вспомнить и почувствовать, будто увидеть. Пройти по уже давно не существующему коридору, заглянуть в комнаты. Сестра на подоконник.

В гостиной – два окна. Комната большая. Есть и другая, поменьше – полукомната.

«Полу» – потому что напополам с соседями.

Но начать нужно от входной двери. Коридор – прямо, а слева – сразу же кухня. Жёлтая от тусклого света, длинная, неудобная. Из кухни вход в огромную туалетную комнату.

Там живут массивная старая ванна, перекрашенный деревянный шкафчик и умывальник. Здесь всегда холодно. Мыться надо быстро и стараться не высовываться из тёплой воды. Серо и зябко, особенно, по утрам.

Когда-то весь этаж принадлежал модистке. До полудня тут деловито сновали посыльные от дам, желающих прихорошиться, призывно шелестели шелка, на шляпки водружались вуали и при примерках рождались замысловатые вырезы платьев.

Вечерами раздавались звонки, дверь то и дело раскрывала свои объятия. По этому коридору стучали каблучки, огромная зала наполнялась гостями, голосами, музыкой, смехом.

Сегодня надо идти по нему как можно тише. Идти, затаив дыхание, потому что темно, потому что страшно. И лишь на «перекрёстке», в большой прихожей, там, где пробивается свет из-под дверей, можно перевести дух. Ух!

Три семьи населяют ставшую коммунальной квартиру. Они не дру-

жат. Не разговаривают, не здороваются и не прощаются. Стараются не встречаться ни на кухне, ни в коридоре, поэтому иногда из-под двери видна прислушивающаяся тень. Но я здороваюсь со всеми соседями и даже бываю в «гостях».

Справа, в той, танцевальной зале, живут соседи-невидимки: бабка, мать, дочь. Шикарная штора на двери, красивая и пыльная, защищает от случайных взглядов. За ней – комната-лабиринт: вся перегорожена шкафами, буфетами и великолепными расписными перегородками – ширмами. Окна – огромны. У одного из них столик с тремя зеркалами – трюмо. Пахнет жареной курочкой, валерьянкой и сладкими духами. Мне предлагают сесть на разложенный диван-кровать, угощают конфетами, вареньем, чаем. Его подают в розовой широкой чашке на подносе. Чашка такая тоненькая, что я боюсь разбить её и всегда отказываюсь, а конфетку беру. Осмелев, подхожу к диковинному столику с зеркалами, он заставлен сокровищами! Бутылочками и коробочками необыкновенной красоты. Фотографии в затейливых рамках, гребешки для волос, открытки – от богатства невозможно отвести глаз.

Если идти по коридору прямо, то упрёшься в дверь других соседей. Там живёт мой дружок, мальчик десяти лет. Нас отпускают вместе гулять или посмотреть кино. Он кудрявый и похож на маленького Пушкина. На улице мы «бесимся»: бежим наперегонки, громко разговариваем, едим печенье! Делаем всё, что нельзя!

У него своя комната! Вернее, полукомната, та что прилегает к нашей половинке. Странная комната – треугольная. В торце, на острие, – узкое, высокое окно. Мальчик всегда один. Он увлекается химией и его стол заставлен колбами, пробирками, разноцветными пузырьками. К ним нельзя прикасаться. Сосед озорной, непослушный, стремительный. Кажется, если он присядет, то что-то случится. И случилось.

Нарочно или случайно – этого никто уже не узнает, он отравился во время химического опыта. Умер мой дружок. Его родители живут, не поднимая глаз...

Если на «перекрёстке» пойти налево, то попадёшь в тёмную не то – прихожую, не то – чулан. Это вход в бабушкино царство. Из темноты шагнёшь в светлую, большую гостиную. Всё, как положено: и буфет тёмного дерева, и фикус, и круглый обеденный стол под гобеленовой скатертью, и даже оранжевый абажур. Но моё любимое место – уютный подоконник. В те дни, когда я гощу у бабушки, вполне могу заменить кошку, что сидит на окне и неотрывно следит за происходящим на улице, мурлыча себе под нос. Почему у бабушки всегда хорошо? Нет,

меня здесь не балуют. Наоборот, строгий распорядок дня: в девять – подъём, затем – завтрак, прогулка, обед, тихий час, полдник, прогулка, ужин и спать – в девять! Всё в назначенное время. Будто ты – поезд и отправляешься в путешествие. Я – послушный ребёнок. Поезд идёт по расписанию: младенчество, юность, молодость...

О, если бы было возможно прокатиться в детском вагоне! Высмотреть что-то неувиденное за окном. Прогуляться с бабушкой по Таврическому. Взять и разбить все склянки у соседского мальчишки – пусть ругается! Выпить чай из хрупкой розовой чашки... Ан нет, не получится. И мелькает, мелькает, болит. И *особенно грустно*, и *особенно сладко*... А следующая станция уже видна. Неуклонно приближается. Что там написано? Не разберу...

[53]

Д и П / 2019

ВМЕСТО ПОЦЕЛУЯ

Девушка проснулась, записала что-то в малюсенькую тетрадь. Что-бы, встав с постели, не увидеть себя в зеркале, она закрыла глаза и вышла на балкон.

Осмотрела окрестности: за ночь ничего не изменилось. В терракотовых горшках росли её говорящие цветы: фиалки, ромашки, маргаритки, бегония и герань. Отправилась дальше. Звери уже изныли от голода. Она подумала: «Если этого не сделать, то никто не знает, закончится ли день?» Девушка давно не боится их и ей даже кажется, что Огненный уважает её правую руку, а Чёрный – так зовут второго – любит левую. Утром звери неласковы, но покормишь, и они довольно заурчат. Теперь не страшно идти по тёмному тоннелю до конца и, повернув направо, на ощупь открыть дверь. За ней светло. В проёме большого окна стоит белая чаша. Надо, тихонько ступая по солнечным пятнам, подойти и заглянуть в неё. Если там пусто – можно совершить омовение.

«Омовение очень важная деталь утра, без него не будет дня, а если не настанет день, то не свершится ночь, – так учила её бабушка. – А ночь и есть главный страж и его нельзя подвести». ЭЯ

Слишком часто девушка видит будто написанные строки, а в конце две буквы «ЭЯ» – «*Это я*». Так подписывала бабушка свои письма.

Мать не унаследовала той пронизательности, некоторые говорят «прорицательности», а она – да. Она – «ведает». Знает – подойдя к чаше у окна, надо дождаться светового знамения. Только тогда, когда струя воды закипит от его луча, можно начинать. Для омовения мед-

Елена Зельгер

ленно снимает ночную фиалковую грусть; тяжесть спутанных, как волосы, мыслей; смаргивает с ресниц остатки сна и звёздную пыль. Встаёт в чашу. Раскинув в стороны руки и расставив груди, просит воду о согласии и молчании.

«Молчание воды – твоя сохранённая тайна здоровья. Что ушло – не вернётся, что пришло – всё твоё». ЭЯ

Вода согласна. Теперь девушка берёт обеими руками свою косу и наполняет её пеной Афродиты, усердно растирает тело, начиная с правой ладони и заканчивая мизинцем левой ноги. Слышно, как переговариваются и лопаются жемчужные пузырьки на щеках.

«Надо дать пене отдышаться». ЭЯ

Даёт пене отдышаться...

«След от лапы птицы и пена Крита родят Афродиту». ЭЯ

«Венерины зеркала для Венеры». ЭЯ

«Не ищи себя в отражении...» ЭЯ

Кадрами чёрно-белого кино мелькают строчки, как всегда – кружится голова... Каждый раз, когда девушка уже была готова посмотреть в зеркало, вмешивался резкий мужской запах. Такой сильный, будто мужчина и на самом деле присутствовал при обряде. Он был галантным кавалером и подавал ей руку. Она принимала его ухаживания, взбираясь на край чаши. Он поднимал девушку высоко, как балерину, и опускал на мозаичный пол. Она вставала на цыпочки и слегка прикусывала мочку его левого уха вместо поцелуя. Они были знакомы. Но вот Имя, Имя... неизменно улетучивалось.

Когда-то Имя приснилось ей в виде праздничной шёлковой ленты. И буквы струились, и девушка никак не могла прочесть, и вдруг поняла, что букв не хватает. В одном она была уверена: что они уже давно не на месте и, что они разного цвета! Да! Неизвестные буквы были, как её звери: золотого и чёрного цвета. Одна из них будто растворилась в ярком луче, другая же устремилась в темноту ночи.

С тех пор постоянная тревога о незнакомце не давала покоя.

Но сегодня девушка увидела прошлогодний сон и записала его, нарушив обряд утра. Вероятно от этого ей не по себе или оттого, что она всё ещё боится заглянуть в зеркало и стоит к нему спиной.

«Можно нарушить обряд утра, если ночью тебе сделан подарок». ЭЯ

«Венерины зеркала любят подарки». ЭЯ

Помогает голос бабушки, словно разворачивая внучку лицом к древней амальгаме. От волнения лицо и тело молодой женщины будто окаменели, руки стали ледяными и сердце словно остановилось. Она подошла к огромному, старинному зеркалу, в нём оказа-

лась незнакомая ей комната: тёмно-синие обои с золотым тиснением, множеством картин, других зеркал, многожды отражённых друг в друге, своды высоких потолков, уводящих в неизвестность. Перед зеркалом на беломраморной скамье сидели две кошки. «Как это я не замечала? Мои звери – кошки, рыжая и чёрная», – подумала она. Шерсть рыжей блестела в солнечных потоках. Как червонец. Так говорят, подразумевая блеск золота. Кошка потянулась и устроилась на левом краю, а другая – замерла на правом, выпрямив все четыре лапы и странно прогнув спину. В глубине отражённой комнаты белела обнажённая женская фигура. «Мраморная – подумала девушка – прекрасная Афродита!»

Левое плечо Венеры прикрывала туника, стянутая высоко под грудью широкой лентой. Как будто шёлковая, а не из камня, она перехватывала талию и раздваиваясь спускалась к ступням статуи. Девушка прочла: «I L O R A D», затем шло: «P A» и римское «VI». Кошки прыгнули со скамьи, но не в комнату, а туда в Зазеркалье и стали играть с ожившим шёлком. Лента неслышно упала. Звери, причудливо изгибаясь, легли на неё, и тут девушка прочла потерянное во сне имя: «MILORAD PAVIC!»

Она замерла и больше не смогла пошевелиться.

«Венерины зеркала для Венеры». ЭЯ – мелькнул последний кадр.

P.S.

«Растениям, в их числе и цветам, приписывают волшебные свойства: фиалкам – тайную любовь, ромашкам – счастье, нежность, маргариткам – чистоту и невинность, бегонии – предупреждение об опасности, герань – легкомысленность». ЭЯ

КАМНИ ПРЕКЛОНЕНИЯ

Истёрлись карты переулков, улиц.
Исчезли очертания домов.
Жильцы в них так и не вернулись.
И комнаты не видят больше снов.

[56]

Ступай, прохожий, очень осторожно
И бережно по камням мостовой.
Смотри, какой рисунок – страшно-сложный
Из золота, имён и дат – живой..

И за чертой...
И был, как не был...
Но нет, не небывь!
Бывь! И горечь лип.

Здесь город был...
Как очертанье мелом...
Здесь город жил...
Здесь – город будет жить!

Иду по «Hansa» – прохожу сквозь стены...
И дождик – слёзы начинает лить...
Мы вместе плачем, но пичуги пенье твердит:
«Живи-чтоб-жить, чтоб-жить, чтоб-жить».

Почту молчаньем «Камни преткновенья»¹.
Я помню, что не в праве позабыть!
И побегу. Как кровь бежит по венам –
Чтоб жить!

ИЗУМРУДНЫЙ АПОЛЛОН

Дорога в райский, дивный парк,
И можно каждый день вот так:
Оделся наскоро и в путь,
Беги-лети куда-нибудь.
Куда глаза твои глядят,
Куда мечты твои хотят,

Хоть в этот век, хоть в прошлый век
Стремятся взгляд, ходьба и бег.

Навстречу солнцу – по прямой.
Дубы и клёны – за спиной.
И сумасшедшая сирень!
Прекрасный день!

Укромный уголок – там Паж,
Свиданий тайных вечный страж,
Но он не видит ничего
Коня он кормит своего.
И ко всему давно привык
В тени кустов – печальный бык.

Беги же дальше, вольный бег,
Сквозь толщу лет, по венам рек.
Аллеи приведут сюда – к тиши пруда,
Где изумрудный Аполлон
В воде зеркальной отражён.
И вместе с ним отражены
Года и прелесть тишины...

В даль, в путь, но свой замедли ход:
Там, слева, вроде теплоход?
Иль колокол? Ну, чем не Рай?
Звени! Играй!
Венерин пруд – недалеко.
Серебряные высоко
Взметнулись кроны тополей,
Но лишь один из них милей
И краше всех.
Они из рода одного,
Они из корня одного,
Пять братьев – все за одного –
Один за всех.

Луизин остров, сад и мост.
Она – во весь свой белый рост:
И белые пажи у ней,
И белые собаки,

И гривы белы у коней –
 Во мраморном, во мраке...
 Теперь садовник ей родней
 Пажей, коней и королей –
 Он украшает забытьё
 Цветов шитьём...
 Он ей любовник и слуга
 На все века...

Прощай Луиза, до среды,
 А я пойду в свои сады.
 Аллеей, что среди берёз,
 К садам из роз.
 Благоухая и дразня,
 Они зовут, зовут меня
 Мечтать в тени до полудня,
 Следить стрекоз...
 И бабочек порханье – дней,
 И Эльзы золотой моей
 Я настроение ловлю –
 Её люблю.

Пора обратный путь держать
 Уже идти, а не бежать,
 Звериный сад, Английский рай –
 Пока! Прощай!

КОРАБЛИК-ЖУРАВЛИК

Над розовым островом – дымка,
 Там в небе корабль-невидимка.

Корабль, кораблик-малютка.
 Нет, это не выдумка – шутка.
 Выдумывать мне не резонно.
 Найти не могу горизонта.

От самого берега – небо?
 До солнца, до самого, море?

И белый малютка-кораблик,
Птенец – белокрылый журавлик.

А чайки клекочат печально,
Когда же кораблик причалит?
Летать он совсем не обучен,
Нет крыльев, и парус измучен.

[59]

ЛИЛИТ

До Евы, до древа, ещё до запрета,
Задумана только, дыханьем согрета –
Чистейшая первая Дева – Лилит,
Меж лилий гуляет, на лилиях спит.

Нежнейшие росы, первейшая Дева.
Распущены косы, движенья несмелы.
Неведомы Первой смущенье и стыд –
Босой и нагою явилась Лилит.

В душе удивлённой рождаются звоны.
Ещё не раскрылись лилеи бутоны.
Цветок поцелуем случайным дарит.
Не знает, не ведает. Не говорит.
Но – звоны! Внутри эти странные звоны –
И грудей её вызревают бутоны.

ПЛЕТЕНЬЕ КОС

Занятие для рук – плетенье кос.
Сплетенье рук – сердечное занятие.
Двойной струной безумия наркоз,
Вдвойне сильнее взаимное объятье.

Кос (под колена!) плен,
Двойной обвив жгутом.
На обнажённость стен, –
Теней шальных фантом...

Бутон тюльпана – ртом
Червонной дамы.
И междометий трон,
И многоточий раны...

Сплетенье рук...
Косая тень от рамы...
Плетенье кос –
Навязчивый наркоз.

ЯНТАРНЫЙ АВГУСТ

Барон цыганский, огневой и страстный.
В рубахе шёлковой – навыпуск – красной.
Янтарный Август, яхонтовый² Август.
Поёт медовым и тягучим басом.

Ах, где моё звенящее монисто?³
Давай плясать цыганочку со свистом!
Поглядывать задорно и лукаво,
Потряхивать плечами! Эй, кудрявый!

Возьми меня! Целуй, мой Август, в губы!
Сжимай в объятьях, но не очень грубо!
Цветную шаль и звонкие монеты
Дарил мне Август позапрошлым летом,
А этим – изумрудные серёжки,
Да мягкие, сафьянные⁴ сапожки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОСЕНИ

Ещё вчера листвою гордился дуб,
А нынче – гол, и в небе сером – тишь.
О, Осень! Мой давнишний, лучший друг!
Прости – прощай. Но что же ты грустишь?
Я твой навек, пронзён стрелой насквозь,
И сердцем, и душой – до слёз я твой.

Жгуч аромат почти увядших звёзд...
Давай станцуем этот вальс с тобой,
Под ливнем из листвы, под золотом

RÜCKKEHR ZUM HERBST

Noch gestern war der Baum blättervoll –
Und nun – erschrockener Himmel ins Graue schwenkt –
Unglaublich herber Herbst – verzeih, leb wohl...
Dank Dir – diesen letzten Tag uns Freude schenkt –
Schieß goldener Pfeil ins Herz! Ich bin nur Deinz!
Mein ewiger Freund, wie schön Du duftest, Herbst –
Ich bin bereit zu tanzen Deinen Walz`
Wir tanzen mit dem Blätterregen jetzt!

[61]

Ди П / 2019

¹ *Stolpersteine (нем.). Проект немецкого художника Гюнтера Демнига. Этот мемориал создан, чтобы напоминать людям о судьбах жертв нацизма, о тех, кто был убит, выслан или вынужден пойти на самоубийство.*

² *Устаревшее название драгоценного минерала (рубина или сапфира).*

³ *Ожерелье из монет, разноцветных камней и т.п.*

⁴ *Кожа козы, продублённая и выкрашенная в какой-нибудь из ярких цветов.*

**Саади
Исаков**
ХОХ-МА

[62]

Д и П / 2019

Говорят, человек, это существо, по замыслу рождения, заточенное, как сейчас принято говорить, на бескорыстие, добродетель, бесконечность и счастье, а вынуждено отвлекаться на занятия всяческой ерундой, чтобы кое-как просуществовать и коротать жизнь. При этом, только оголтелый оптимист может не замечать, пуще, отрицать, что жизнь конечна, а потому, трагична, и бывает растрчена зря, то есть на пустяки.

Русский израильтянин Вадик Эпштейн, признаюсь, только недавно осознал необходимость пометать, в каком таком углу земного шара живёт мой герой под условным названием еврей-русачок, иначе читатель не сможет до конца понять, в чём суть повествования, и ненароком обидится. Так вот, весьма заметно, что Вадик Эпштейн в англо-саксонских краях уже другой, чем в европейских, давно перенял у аборигенов удручающе-глупую, инфантильную улыбку равнодушного дурачка. Европеец, понятное дело, горд до заносчивости мутными европейскими ценностями, не понимая их смысла, а израильтянин отягощён знанием Господнего промысла и ожиданием, что Мессия вот-вот сойдет с площадки иерусалимского трамвая. Впрочем, есть кое-что несомненно общее – это борьба с ожирением и самозабвенное хождение по врачам, как фанаты ходят на футбол, а заядлые театралы – на премьеру.

Не мудрено, что наш израильский Вадик на этом фоне пытался разобраться в хитросплетении бытия, в трагикомизме жизни, сыскать гармонию и баланс, чтобы не впасть в пессимизм или, наоборот, не витать за облаками. Тем паче, что ему пришлось жить в разное время на две страны, и обе эти жизни были мало похожи друг на дружку, как канарейка и атлантическая сельдь.

Эффект перемены места оказался совершенно неожиданным. Вадик,

от природы – романтик, сорвиголова, с тёмным прошлым спортсмена-биатлониста и фантазёра в одной стране, в итоге раздумий и сомнений стал самым обыкновенным бургером, филистером, середнячком в другой, евреем, где-то глубоко в промежутке между Эйнштейном и Эйзенштейном, то есть, в сущности, никем. Впрочем, на таких, как утверждают философы и моралисты, держится мир, а аномальные экземпляры будоражат, двигают человечество вперед, притом, живут невпопад со всеми, как птицы божьи или божжи, что, если вдуматься, одно и то же.

[63]

По зрелости лет Вадик взял моду, по меньшей мере, раз в год паломничать к Стене Плача, благо было всего-то полтора часа езды с пересадкой на Центральном вокзале в Тель-Авиве, откуда другой автобус довозил до одноимённого вокзала в Вечном Городе. Там прямоходом вдоль трамвайной линии – дался мне этот трамвай – до Яффских ворот, – а здесь уж мимо сувенирных лавочек и назойливых арабских торговцев до цели рукой подать.

Никто не подозревал толком, зачем он это делал. Прямой корысти у него самого тоже не наблюдалось. Он, если загадывал заранее желание, то у Стены тушевался и никак не мог его воспроизвести, точно крепколобый школяр у классной доски. А если вдруг вспоминал, оно казалось теперь неважным, если не ничтожным перед внушительными камнями, свидетелями коленопреклонения самого Александра Македонского, за что еврейским детям разрешено в его честь носить имена.

Понимая, что любое его желание тянуло на слабую троечку, Вадик скромно благодарил Б-га за то, что покамест жив и здоров, ни в чём особо не нуждается, не хватает, что называется, семи пядей с небес, что, как известно, чревато непредсказуемыми последствиями по закону всеобщей компенсации таланта за счёт душевного и физического здоровья. И что надоумил однажды круто изменить жизнь.

Написать записку, как это делали другие, он считал пошлостью. Б-г, в его интерпретации, мог всё. Он мог уметь читать, но с таким же успехом, мог и не уметь читать. Это исходило из допущения, что если Он может всё – значит, может не мочь ничего. Срамно Вадик было и другое – вдруг кто-то посторонний, кто выковыривает записки из стены и складывает в холстяной мешок, как у Деда Мороза, прочтёт из любопытства и прознает про его заветную мечту. Он искренне верил, что сеанс связи состоялся и так.

Была у него всё же одна заветная просьба, но из тех, о чём не просят, но искупают. Но это он хранил глубоко в себе и никогда не произносил вслух.

Не смея занимать надолго Время Господнее, он почтительно пятился от Стены, и был «таков» до следующего появления в местах по-

вышенной Концентрации Всевышнего Внимания и Участия в делах мирских.

Вадик не мог конкретно объяснить, что с ним происходило у Стены, и зачем он всё это ежегодно исполнял, как ритуал. При этом он ещё покрывался холодной испариной, и у него леденели руки до такой степени, что их можно было в оздоровительных целях прикладывать к синяку.

[64]

– Меня там вставляет, – говорил он товарищам с завода полимерных изделий, унылого кладбища амбиций советской и русской интеллигенции нескольких поколений, когда возвращался в свой городок на берегу Средиземного моря.

Товарищи, кто с пониманием, но в основном скептически смотрели на него, как на блажного, однако эти его ежегодные отлучки общей погоды не делали. Короткое время кое-кто относился к Вадиду с холодным недоверием и легковесной иронией.

– Может, ты вообще уверовал в воскрешение душ? – поинтересовался Лёва Брянский, кандидат физмат наук, циник и активный безбожник из цеха производства молочной тары. – Или грехи замаливаешь, братан?

– Какие тут грехи? – говорил Вадик и отходил в сторону, увиливая от разговора. А руки его холодели, как у арестованного на допросе.

– Темнишь, я нутром чую, что ты из тех, кто в Израиле круто садится на дно, – кричал ему вслед Лёва.

Спасало обычно то, что Вадик, несмотря на известную всем странность и скрытность, и в дальнейшем оставался хорошим товарищем, честным и порядочным семьянином, прекрасным собутыльником, человеком, в общем и целом, компанейским и относительно – ничего.

Так совпало, что накануне последней поездки в Иерусалим у Вадика с правого запястья исчезла красная нить. Пробовал найти в квартире, чтобы, как положено, сжечь – бесполезно. Ещё вчера он её видел, осматривал и даже слегка подёргал. Она казалась надёжно прочной, долговечной, хотя и тонкой. Он, помнится, внимательно пересчитал узелки. Их оказалось девятнадцать. Неужели столько грехов скопилось у него за отчётный период с прошлого лета?

Жена Фира, обыкновенно знавшая лучше, где что надо искать, тоже была в недоумении и растерянности.

Вадик искренне удивился этому обстоятельству и стал составлять негативный реестрик собственных дел, беря любые прегрешения на карандаш, но кроме мелочей и промахов ничего значительного не припомнил. Он зачислил туда, что отговорился болезнью, чтобы не пойти на день рожденья к Лёве Брянскому, не слушать в очередной раз его

атеистическую белиберду и отвечать на неудобные вопросы о таинственном прошлом, хотя был в тот день совершенно здоров, то есть, соврал. Но врать, как известно, – отнюдь не тяжкий грех, тем более, если во спасение.

– Что я, по-твоему, если мне стреляют в правый бок, должен подставить левый? – произносил Лёва свою регулярную шутку.

– В правый бок, в печень, стреляют только любители, негодяи, шпана и энтузиасты. Профессионалы стреляют в лоб, – однажды сорвалось у Вадика явно со знанием дела, о чём он сразу пожалел.

– Походка у тебя, будто ты только-только лыжи скинул, но винтовка ещё на плече, – пошутил в ответ Лёва.

Вадик сконфузился, но смолчал.

Засчитал он в грехи и тот факт, что не смог устоять и съел уху из осетрины в некошерном ресторане «У Натали». И как заподозрил невинного коллегу Рому Черноморского в том, что тот спёр наушники от iPhone, хотя Вадик сам позабыл их дома, а когда нашёл, из гордости не извинился и нарочно оставлял их теперь дома, чтобы не объясняться в липовой пропаже. Успокоил он себя тем, что страдал и внутренне каялся, а коллега, скорее всего, уже позабыл об этом случае, – вот, собственно, и все, почти невинные злодеяния за тот отчетный срок.

Значит, решил Вадик, если других грехов нет, то остальные узелки – попытки сглазить и конспиративно причинить ему зло. И сделал вывод – но оберег уберёт.

Кто это мог быть и напакостить в таком количестве, он тоже не определил. Трудно составить перечень бед и несчастий, если они пронесли мимо, не оставив следов или хоть сколь заметных рубцов на памяти.

В этот раз Вадик вернулся из Иерусалима уже с двумя красными нитками. На правой и левой руке. За десять шекелей подаяния – у Вадика не было монеты мельче – их завязал ему с виду унылый праведник с ярко-красным лицом, будто его покрасили заодно с шерстью на той же прядильной фабрике. Есть такой вид румянца, выдающий хворь, как ярко-красный язык – признак цирроза печени.

Он стоял с десятком девственных нитей, свисавших с ладони, как дохлые змейки.

Произошло это как раз возле площади им. Неизвестного Рабиновича, то есть не в честь кого-то конкретного, а всех безымянных однофамильцев вместе, даже если они отец, сын и брат. Тот, ради кого зарезервировано это место, ещё жив, а в честь живого улицу даже в Израиле пока ещё ни за какие деньги не назовёшь.

Вадик давно привык к тому, что Государство Израиль хоть и иудейское, с религиозными традициями, без конституции, с раввинами вместо суда, однако с такой разнузданной демократией, полярными страстями и большими странностями, что диву даёшься, как оно умудряется вообще существовать. Он недавно и с удивлением усвоил, что в секулярной Польше, куда он ездил в турпоездку по местам Холокоста, где католическая церковь отделена от государства, в воскресенье на автотрассе ни души, зато между городами Хайфа и Тель-Авив в шаттл бывают такие пробки, будто весь Израиль проголодался и отправился за покупками. Из чего он смог сделать вывод, что в религиозном государстве на религию и запреты большинству граждан наплевать, а там, где этот вопрос поставлен на самотёк, сознание верующих подчас много крепче, показательнее и нравоучительно на высоте.

В каком-то смысле, на этом общем фоне окружающего безбожия Вадик был отщепенцем и, как говорили, себе на уме. Он, с некоторых пор, искренне поверил в скорое воскрешение всех умерших, поэтому решил сэкономить, не блуждать туда-сюда-обратно, а переходный период как-нибудь благополучно и, по преимуществу, нравственно переждать, чтобы получить ещё при жизни привилегию на вечное бытие и не оказаться в потоке хаоса, в неразберихе и толкучке движения внушительного большинства, десятков поколений усопших, возвращающихся на кошерную Землю, словно в Московском метро после работы в часы пик.

Испытав в очередной раз насыщенное, но необъяснимое умом воздействие у Стены Плача и нравственный подъём, а также, будучи человеком, как уже было сказано, себе на уме, Вадик в автобусе по дороге назад надумал впредь вести показательный образ жизни и сформулировал правила, практически совпадающие с законами Божьими, только на свой упрощённый, понятный ему манер.

Сочинённые им попутно Общие Законы Существования имели, однако, ещё и то свойство, что не давали спуска никакому злодею или обидчику, любому, даже мелкому, кто хоть как-нибудь пытался посягнуть на права человека вообще: обидеть, обхитрить, обмануть или нагадить ему. Представителем его интересов и защитником заделался Вадик.

В общем и целом получилось, что Вадик добровольно становился невыносимым для нарушителей спокойствия, порядка и окружающей среды, пытаясь реформировать потомков Адама к лучшему. Он жёстко следил за тем, чтобы во время молитвы верующие вовремя вставали, чтобы читали правильную браху на вино и еду, делал замечание, если кто неправильно надевал талес или стартовал к Торе не с той ноги.

В повседневной жизни он мог, например, выйти из дома с пустой

бутылкой из-под кока-колы с той целью, чтобы, находясь на пешеходном переходе, со всей силой ударить по крыше автомобиля-нарушителя, водитель которого, очумев от звука, в панике тормозит у бордюра, бежит назад и ищет на переходе ненароком сбитого им пешехода. Или гуляет по набережной с медной боцманской дудкой, купленной случайно у соотечественника на барахолке, начищенной до золотого блеска. Когда Вадик чувствовал запах дыма сигарет, он быстро определял источник зловония, подходил к нему совсем близко и свистел прямо в ухо. Это он называл несимметричным ответным звуком на запах.

[67]

Окна его квартиры выходили на проспект Жаботинского. Когда там случалась пробка, и водители сдуру давили на клаксон, наивно полагая таким образом разогнать поток, Вадик выходил с баллоном в руках, к которому была прикручена труба, издающая громкий футбольно-спортивный гимн команды Маккаби, выбирал самую активную жертву, подходил к двери автомобиля, круговым жестом просил открыть окно, просовывал туда своё орудие мести и дудел в замкнутое пространство. Шок был такой мощи, а испуг столь неожиданным, что Вадиду эта выходка всегда сходила с рук. Он переходил от одной машины к другой, третьей. Через месяц таких проделок на проспекте Жаботинского, во время пробок мирно спали дети всех окрестных домов и в близлежащем парке.

Вадик записывал себе за это в реестре жирный плюс.

И так бы он дальше ходил «с хохмой по жизни», как едко поддразнивал Лёва Брянский, пока не заметил, что на веревочках, как левом, так и на правом запястье, стали активно образовываться непредвиденные, непредсказуемые узелки, и призадумался.

Работал Вадик Эпштейн, как уже сказано, на заводе полимерных изделий, на производстве кошерных пластиковых бутылок для молока, баночек для йогуртов, майонеза и прочих жидких и полужидких продуктов. Он следил, чтобы в здание не залетали птицы, не порхали над готовой продукцией и не гадили где попало, особенно, перед проверкой на кашрут. Если раввин находил в помещении следы активности птиц, – выбраковывал всё, что было в цеху и на складе. Готовая продукция отправлялась на помол в мелкий порошок, а затем в другой цех, где отливали пластиковые трубы для будущей канализации отходов жизнедеятельности людей.

Работа Вадика была ответственной. Он запускал беспилотники или дроны в цехах и по всему периметру завода. Склады и цеха были обычно открыты. Туда въезжали грузовики и электрокары. Один БПЛО должен был всегда висеть над въездом и наблюдать, ястребом выслеживая

птицу, и при её появлении приближаться к ней, издавая звук хищной птицы, на самом деле противный и громкий, как у павлина. Другие аппараты летали то тут, то там по всему периметру завода, издавая прочие неприятные птицам звуки.

Вадик сидел в тесной, душной комнате перед шестью мониторами, сотрудничавшими с израильской жарой, в белом халате на голом теле и в белой шапочке-сетке, постоянно сползавшей у него набекрень, как у французского солдата. Потeya, он через видеокaмеры наблюдал за дронами и за происходящим на территории завода. В конце смены Эпштейн сажал свои синие квадрокоптеры на специальную площадку, откуда сменщик уже успел запустить жёлтые, свои. Так было заведено, что менялись дрончики и дроны тоже, каждый отвечал за свои, обеспечивал их готовность, проверял смазку, проводил плановый техосмотр и необходимый мелкий ремонт.

После смены Вадик в насквозь промокнушем халате аккуратно укладывал беспилотники в коробки, любовно прокладывая не пупырчатым пластиком, а ветошью, принесённой из дома. Он обожал свои дроны, называл нежно женскими именами и заботливо берёг.

Раньше, до появления беспилотников, птиц палками гоняли сторожа, все, как положено в Израиле, с высшим образованием и даже, как Вадик, с научными степенями. Некоторым счастливицам с хорошим зрением перед сменой вместо палки выдавали малокалиберную винтовку с оптическим прицелом, чтобы попадали наверняка. Но это был несовершенный и, в некотором смысле, варварский способ. Цех приходилось потом отмывать от крови и собирать перья, причём, останавливать станки и конвейерные линии, проводить строжайшую дезинфекцию и ждать разрешения проверяющего раввина на возобновление работ. Техника, в свою очередь, после неплановой остановки никак не хотела соблюдать качество, печки перегревали пластмассу и плевать хотели на предписанный технологический процесс.

И только один Вадик, как бывший спортсмен, был в каком-то смысле профессионалом и на особом счету. Он был лучшим стрелком, умел убивать наповал, исключительно в голову, и не развозить кровавую слякоть и некошерную грязь.

С появлением на заводе беспилотников, Эпштейну вручили винтовку в подарок, как поощрение – как раньше в СССР – личное наградное оружие.

В благодарность за доверие, чтобы не утратить навыки и по старой памяти, Вадик иногда подрабатывал стрелком – помогал городской службе соблюдения порядка, – если кто на городском пляже нарушал правила эксплуатации летательных аппаратов, вёл незаконную видео- и фото-

съёмку посетителей городского пляжа женского пола с воздуха, Эпштейн аккуратно, чтобы не повредить хрупкую плоть дрона, одним выстрелом спускал его на землю. Квадрокоптеры обыкновенно были той же несложной модели, как на заводе, только настроенные умным еврейским программистом не на птицу, а на обнажённое женское тело в бикини или без.

На берегу моря с высоким обрывом, будто специально созданным природой для охоты, объект обыкновенно оказывался в плоскости глаз Вадика. Хозяин аппарата, как правило, находился далеко внизу, в укрытии, под зонтиком или в ресторанчике «Бермуды». Подняться наверх, где располагался стрелок, можно было с левой стороны на лифте, или с правой – воспользовавшись широкой лестницей в двенадцать маршей. Это бы заняло минут двадцать, так что при любом раскладе Вадик всегда успевал скрыться от гнева.

Что тут говорить, – это была ювелирная работа. Пуля должна была попасть аккуратно в край крылышка одного из четырёх пропеллеров, чуть срезать его. Беспилотник вздрагивал, слегка покачивался и медленно снижался. Повредить камеру, попасть в моторчик было строжайше запрещено – по инструкции из Министерства внутренних дел повреждение и ущерб полагалось наносить легкие, незначительные.

Дрон, оставаясь при трёх исправных пропеллерах, терял ритм движения, скорость и высоту, когда медленнее, когда быстрее, но никогда не разбивался вдребезги. Муниципальная еврейская хитрость заключалась в том, чтобы ущерб не превышал размер штрафа за запуск дрона в общественных и неположенных местах. Таким образом, улаживались взаимные претензии сторон друг к другу и никто никому не был должен – вроде, как квиты.

Обычно Вадик, хохмы ради, оставлял на паперти записку на тот случай, если разъярённый владелец квадрокоптера станет искать, откуда стреляли по его имуществу и придёт в поисках сюда наверх: «Уважаемый нарушитель общественного порядка! – писал Вадик. – Советую впредь так больше не поступать. Замучаешься ремонтировать свои вонючие приборы. Мы знаем, что ты фотографируешь преимущественно полуобнажённых блондинок славянской внешности, выставляешь их в интернете, а потом такие убудки, как ты, на них друют. Прекращай, тварь, а то хуже будет. Мы знаем, как тебе зовут и где тебя искать. Твоя мэрия».

– И нечего тут летать, – итожил Вадик каждый раз вслух свою работу.

Однажды о нём была статья в местной газете: «Русский биатлонист сбивает беспилотники-нарушители». Соседи, прочитав заголовок, пришли прощаться, решив, что Вадика на старости лет призвали

в ЦАХАЛ и скоро отправят на границу с Сирией или сектором Газа.

«Эпштейн, выходи в квадрат 12/18, у тебя сегодня дронаотстрел», – позвонил ему как обычно Бенья Шмукис, мелкий чиновник из мэрии.

Вадик надел сандалии на белый носок, достал из сейфа малокалиберную винтовку, уложил её в футляр, скупно поцеловал на прощанье жену Фиру, как в фильме про войну, и пошёл на указанное Шмукисом место.

– Береги себя, – сказала заботливо Фира, будто муж действительно собрался на палестино-арабский фронт, поправила ворот его рубашки и поцеловала в лоб.

Вадик отправился на набережную пешком. Замечу, в Израиле к человеку с ружьем или прохожему с автоматом относятся спокойно, как если у него с собой были удочки, и он собрался бы на безобидную рыбалку, или как будто при нём разводной ключ, если, конечно, он с виду водопроводчик, а не араб. Патроны, как и положено, Вадик нёс отдельно в коробочке, и они звонко пощёлкивали при ходьбе. Это только в боевом оружии их держат в патроннике, фактически в стволе.

На набережной стрелок подождал, пока по небу медленно проползут с севера на юг вертолёты береговой охраны, огромные, тяжёлые, похожие на бабушкины чугунные утюги, и думал о своём, совсем далёком от этих Б-гом насиженных мест.

«При коммунистах, – думал Вадик, пока мимо пролетали охотники за палестинскими диверсантами и их международными пособниками, – в магазине не было колбасы, туалетной бумаги, жили на картошке и квашеной капусте. Ботинки были такие, что сняв их, час приходилось отлеживаться ногами вверх, чтобы расправилась ступня. Портки были одни на двадцать лет, – Вадик думал и провожал глазами вертолеты, похожие на разжиревшие дроны, только с людьми внутри. – Приличной книги было не достать, кино без блата не посмотреть. Мы тогда думали, что во всём виноваты коммуняки и главные политбюросы. Вот их не станет – заживём, как люди».

Вадик прилежно и умышленно ждал, когда пролетят мимо вояки, чтобы ненароком не засветиться с оружием или нечаянно не задеть выстрелом армию и получить «ответку» прямо в лоб от снайперских коллег.

«Гонка вооружения, – продолжалась его свободная мысль, весьма косвенно связанная с его актуальным житьём-бытьём, – кончится, не будем помогать всяким там друзьям и сводным братьям из Азии, Латинской Америки, перестанем содержать голопузую Африку, компартии в Европе, которые вяло борются с капитализмом на наши деньги

исключительно в свою пользу. Думали, освободятся несметные капиталы, и мы заживём, как боги. Свобода слова даст нам новую, великую литературу, и Нобелевские премии все будут наши. – Он достал патрон двумя пальцами, как достают из банки маслину, положил аккуратно на ладонь и стал перекачивать вниз-верх, пока не уронил на красноватый рыхлый грунт. – А я теперь, в итоге, подрабатываю форменной ерундой. Этого ли я хотел?» – задал себе Вадик резонный вопрос, поднимая пулю с земли.

Полтора десятка бродячих кошек общего пола и сборной масти обступили его полукругом, пока он готовился к стрельбе. Вадик присмотрелся к ним. Почти все были с обрезанным на четверть ухом – признаком кастрации. Тем не менее, по городу коты и кошки бродили стаями.

Бездомных собак в городе, наоборот, давно нет – их упорно и безжалостно истребили арабы, как скверное животное, ослушавшееся Аллаха и совокупившееся в Ноевом ковчеге. В этом смысле, подумал Вадик, арабы оказались эффективнее ветеринарной службы. Мысль о том, что было бы, если бы Аллах запретил нелегальную фотосъёмку с беспилотников, повисла в воздухе.

Он распаковал винтовку, загнал патрон, вскинул, левым локтем упёрся в круглые железные перила. Другая рука осталась навесу. Вадик прицелился через оптику.

«Возьми чуть ниже», – услышал он впервые в своей жизни подсказку Сверху.

Вадик послушался, однако выстрелил будто в замешательстве. Рука досадно дрогнула. Кошки разлетелись в разные стороны, как осколки. Пуля впервые в его практике попала в тело дрона. Беспилотник отлетел сперва в бок, очертив дугу, стремительно упал в песок.

В этот раз Вадик оставил другую записку, адресованную неизвестно кому и схожую с эпитафией: «Прости, братан, – написал он. – Сегодня что-то пошло не так».

Сделав на телефон снимок сбитого квадрокоптера, зарывшегося боком в песок, и отослав его в мэрию Шмукису, стрелок собрал вещишки и отправился назад. По обыкновению, после таких дел по пути домой он заходил в ресторанчик съесть рыбный суп с пышным пирогом или грузинское харчо, или из бараньей головы с мозгами, аккуратно порезанными на квадратики языком и щёчками, и выпить рюмку-другую водки. На этот раз вышло особенно к месту, будто справлялся «за упокой», как если бы после убийства Деда Хасана киллер грустил за рюмкой водки, расслабляясь от мокрушных дел в ресторане «Каретный двор».

После второй рюмки Вадик обмяк и от душевного истощения слегка прикорнул. Ему снилось, как душа сбитого дрона возносится на небеса. Его долго, насколько хватило сил под обжигающим и плавившим пластмассу солнцем, провожали дроны с завода полимерных изделий, а когда вернулись вниз, дрониха по имени Наденька жужжа, как крупный шмель, подлетела к нему и сказала Вадика прямо в глаза: «Убивец ты, Эпштейн. Гад. Киллер, мокрушник, урка, люберецкая ты шпана. Ненавижу!».

Вадик во сне сильно пригорюнился, особенно обиделся на шпану. Разница между стрелком, киллером или шпаной приблизительно такая, как если ты радостно живешь, считая себя иудеем, потомком Авраамова племени и виртуозом своего дела, например, науки или кинематографа, а тебя исподтишка называют еврейчиком или жидом.

Пока Эпштейн мрачно дремал на эту вечную тему, к столу подсел Бенья Шмукис, еврей из Черновцов, тот самый служащий мэрии и постоянный заказчик «мокрушных дел». Он всегда рассчитывался с Вадиком наличными за проделанную работу в тот же день. Пока стрелок кемарил, Бенья положил на стол поощрительный конверт и уже собрался было уходить, как Вадик, не открывая глаз, scomандовал:

– Садись!

Бенья послушно сел за стол.

– Шмукис, муниципальная твоя душонка, вот объясни мне, дураку, почему так устроена жизнь, что что бы я ни делал, о чём бы ни думал, всё равно выходит кукиш с маслом и никакого навару для удовлетворения и успокоения души. Так было раньше, так и теперь, – говорил он с нарочно закрытыми глазами.

– Это ты о чём таком? – удивился Бенья.

– А вот о чём, – Вадик продолжил начатую ещё на набережной мысль. – Вот мы тогда со всеми друзьями расплевались, кого и просто предали, потеряли чуть ли не треть собственной территории, а лучше не стало и денег не прибавилось.

– Когда это было «тогда»?

– Когда СССР развалили.

– Ничего себе, вспомнил!

– Я всегда помню. Мы думали, что если у фабрик, заводов, земли появится собственник, хозяин – тогда мы этим словом бредили, то еды у нас будет хоть завались, и ботинки со штанами появятся в неограниченном количестве, а качеству их позавидуют сами французы. Так?

– В общем и целом так, – согласился Бенья, не очень вникая и думая, что это у Вадика полусонный бред.

– Для этого, думалось тогда, надо только перейти к капиталистическому способу производства, были готовы пройти через шоковую терапию, через неё перестроить экономику, а там, глядишь, и всё наладится. Однако новые капиталисты из прежних барыг и партийно-комсомольского актива усвоили для себя только одно из капитализма – это рентабельность и прибыль. И помнишь, что сделали?

– Помню.

– Правильно, что помнишь. Позакрывали фабрики, заводы, потому что наш работник и производство обходились дороже, чем там, где всегда лето и не надо тратить энергоресурсы на отопление помещений зимой, а рабочие могут питаться одним рисом и круглый год ходить без штанов.

– От меня-то что надо? – удивился Бенья.

– Подожди, я к этому сейчас подведу. В итоге, вместо того, чтобы наладить производство, наши капиталисты закрыли заводы, сдали оборудование на лом, в цехах открыли торговые центры и стали торговать там товарами из Китая. А мы-то думали, что заживём как в Европе, где климат не сильно лучше нашего, но зарплаты как у людей. Потом заколотили наше НИИ. Наука стала не нужна – её некому оказалось содержать. Творческая и научная интеллигенция, самые ярые сторонники новой жизни оказались в полной заднице. Литературы не стало, кино пропало. Народ обнищал, и каждый стал спасаться, как мог. И самым ценным оказалась не моя диссертация, а то, что я бывший биатлонист, стрелок по мишени.

– Так ты уже сто лет как здесь.

– Это правда. Я свалил сюда, и что я здесь вижу? Везде в руководстве сидят евреи из Черновцов, Кишинёва, Житомира, реже, из Днепра, будто в этих городах нарочно готовили новую израильскую элиту, провинциальную, местечковую, как ты. А потомственная интеллигенция работает на заводах и фабриках, и хорошо, если как я, чистеньким дронщиком, а то ведь простыми упаковщиками, а по совместительству – операторами станков за девятнадцать шекелей в час. Какими же надо было быть блистательными идиотами, чтобы разрушить сверхдержаву с людьми первого сорта в пользу убогого периферийного капитализма и добровольно стать людьми второго сорта? И какая-то сволочь всегда готова поживиться за твой счет.

– Не знаю, мне всего хватает, и я своей жизнью доволен.

– А мне ещё после всего пережитого приходится подрабатывать муниципальным Робинотом Гудом.

– Что тебя опять не устраивает?

– Я сегодня дрон пристрелил, как последний мокрушник, – Вадик снова сник, как на поминках, когда в шумной компании вдруг вспоминают, для чего, собственно, собрались.

– Ладно, мэрия заплатит, если возникнут претензии. Не переживай.

– Я не за это переживаю. Между прочим, твоих денег хватает только на то, чтобы расплатиться за харчо, рюмку водки и дать пять шекелей официанту на чай. Аккурат твои шестьдесят. А пуля, выходит, опять же за мой счет. А знаешь ли ты, дорогуша, что раньше я без двадцатки долларов с места не уходил.

Беня, по своей мелочности, перемножил двадцать зелёных по курсу, и у него получилось восемьдесят восемь шекелей.

– Я тебя понял, – сказал Беня, – но так сразу не получится. Для этого надо утвердить повышение расходов в городском бюджете.

Вадик дико улыбнулся, встал, взял со стола конверт с деньгами, потом бросил его на стол, посмотрел на ниточки – на них узелков становилось с каждым часом все больше. «С чего бы это, ведь неспроста?», – задумался Вадик.

– Я тебе сейчас главную хохму расскажу, – сказал он Бене.

– Какую? – Беня сделал специальное лицо, готовое поржать.

– Знаешь, вообще, что такое хохма у наших богословов?

– Нет.

– Мудрость. Откровение Господа, – перевожу с их языка.

– Да ты что?

– Не знал? Мое счастье в том, что я больше не имею дела с людьми. Да и их счастье тоже. Работаю с дронами, пасу квадрокоптеры, а отхожу и успокаиваюсь тоже на беспилотниках. Представь, если бы на их месте были люди? Сколько бы вас, сук, полегло?

– Это хохма?

– Нет, хохма в другом. Б-га нет, Беня, никакого нет!

– С чего ты это взял? – Беня хмуро насупился, потому что был уверен, что у него Б-г есть.

– А с того, что Б-г может всё. Захочет, поведёт твоей рукой, захочет – не поведёт. Он может быть, а может не быть. Захочет, вот он – есть, а не захочет, так его никакого и нет. А человек – дурак. Был, есть и будет! Вот и вся суть бытия, в том-то и вся хохма, – Вадик в сердцах оборвал обе веревочки на запястьях, бросил их на конверт.

– У меня сегодня впервые рука дрогнула, – сказал он и удалился.

«Вот как человека проняло, – подумал Шмукис, – с чего бы это?»

Официант принёс счёт на пятьдесят пять шекелей. Беня открыл конверт, достал из него десять, взамен положил пять, а пять взял себе.

День, с точки зрения Шмукеса, удался, был проведён хоть и по мелочи, однако не зря, достойным, даже, в каком-то смысле, нравоучительным образом.

«Видел ли Вадик что-то хорошее, положительное в жизни? – подумал о нём Бенья. – Например, сразу сто тысяч или даже миллион вместе?» – И расплылся в самодовольной и блаженной улыбке.

А мне стало понятно, почему мы, евреи, вместе с русскими остаёмся самым загадочным народом на земле, а может, что и вдвойне.

Вот она где самая хохма.

[75]

Константин Кербель

«РОМАШКА – ЦВЕТОК НАДЕЖДЫ»

*«От морей и от гор вее свежестью, вее веками.
Как увидишь – почувствуешь: вечно ребята живём.
Не облачками путь мой усеян, а облаками.
Не чужим коридором уйду я, а Млечным Путём».*

Юрий Визбор

- «Первый, первый!»! Я – «Ромашка».
- «Ромашка», Ромашка!»! Я – «Первый».
- «Первый!»! На объект вышел.
- «Ромашка», Ромашка!»! Переходи на запасной вариант.
В эфире – тишина...
- «Ромашка», Ромашка!»! Туда – нельзя!
В эфире – тишина...
- «Ромашка», Ромашка!»! Рома, милый. Там – засада.
Тишина...

– Проверь, сыночек, всё внимательно!

– Мамуля! Я не в первый раз в горы... «Снежного барса просто так не дают».

– Барсик! Одно дело – боец, совсем другое – командир. Ответственность – за всё. За всех.

– Мам! Да всё я знаю. Проверил, сверил, заверил... Наша группа «схоженна» годами. Правда, накануне подкинули корреспондента из «Комсомолки». У них там – колонка: «С места событий». Профком озадачил: «Должен освещать проблему распределения питьевой воды на планете». Не отвертеться – будем тащить «писаку» к вершинам...

В квартире не наблюдалось мелкого бардака, связанного с длительной командировкой. «Абалаковский» станковый рюкзак – внушитель-

ного размера. Самостраховка и ледоруб с изогнутой рукояткой для защиты от соприкосновения со склоном были прикреплены чуть выше бокового кармана с одной стороны. С другой – защитный шлем и «темляк» – нейлоновая полуверёвка – страховочка от падения на скалистой и ледяной поверхности. Венчала рюкзак кукловатая палатка-мешок со смешным названием «Здарка».

– Гляциолог! Это же надо выбрать такую профессию! Ледышка!

Она подошла к крепко сбитому двадцатисемилетнему «сыночку». Сто семьдесят девять сантиметров возвышались, увенчанные мягкими, пушистыми русо-золотистыми локонами. Нос – прямой, вдохновенно-организационный, заканчивался незаметной вздёрнутостью. От него расходился оптимизм и человеческая доброта. Взгляд карих глаз был ошутим, серьёзен и сосредоточен.

Приподнялась на цыпочки и ласково развела кончиками пальцев полёт густых, пышных бровей, поправляя косынку-берет.

– Мамуль, опять прихорашиваешь?

– Рома, это наши крылышки. Они должны летать. На вокзал не поеду. Не люблю провожать. Да и на работу никогда не опаздывала.

Показное недовольство не устояло перед материнским теплом и любовью. Сын склонился и нежно чмокнул косую чёлку под пробившимися сединами волос, туго стянутых на затылке в пучок. Ему всегда нравилась такая простая, удобная и изящная причёска.

– Беги на своё «радио». Там ведь никогда без тебя не начинают.

Московское утреннее небо было чуть облачно и сумрачно. Видимо, готовилось улыбнуться солнечными лучами. Потеплеть, удивить контрастами, порадовать столичных жителей и многочисленных гостей щипками-укольчиками ультрафиолета. Казанский вокзал вытянут в линию, строения с островерхими кровлями – различны по высоте, ширине и ритмике объёмов. Часовая башенка и высокая, угловая. На фасаде здания – часы со Знаками Зодиака на циферблате. Ромашин почувствовал тёплые и красочные мотивы московского «барокко» – в нём сплелись национально-романтический стиль и нерусское искусство Востока. Сумасшедший, московский ритм дополнялся вокзальной суматохой. Человек, непроизвольно, подхватывается этими скоростями. Делает ненужные движения, что-то поправляя, сдвигая, перекладывая. В «дело» вступают ноги – отходят в сторону, разворачиваются. Взгляд становится блуждающим: видит всё и, конкретно, – ничего. Но вот – огромные часы... Скорость сбрасывается. Пронумерованы вагоны: первый, пятый, седьмой...

Отряд – в сборе. Без суеты, в ожидании.

– Здравствуйте всем! – сказал как-то сухо-административно Ромашин. Раньше, бывало: «привет», «салям», «ало».

Радист, Жорка Везунов, поправив ремень заброшенной за спину гитары и пожав Ромашину руку, спросил:

– Командир, грузимся?

– Журналист должен подъехать. Время – есть.

[78]

Резко развернув своё стройное, сухопарое тело, Везунов пропел трём женщинам:

– Экспедиция намечается с творчеством...

Женя Зеленская, Полина Найверт и Лена Левочкина – геотермист, морфолог и картограф соответственно, отреагировали одинаково – никак. Женщина – загадка, тайна, разве её поймёшь? И новичок в отряде не желателен. Экспедиция – не воскресный пикник. К тому же, у Жени – мысли о детях, муже. Полина – разведена. Леночка – заневестившаяся аспирантка. Геофизик, Борис Никитин – новосибирский кандидат в кандидаты, развернул свою аэродромную спину, дав прикурить Антону Ветрову и Михаилу Дронову. Топограф, геодезист и метеоролог ценились не только своей альпинистской известностью, но и успехами в науке. С высоты своего корабельного роста, затянувшись «беломориной», топограф бросил: «Эффект “Не ждали” будет наш». Троица развернулась к «голове» состава. Пассажирская «шуга», как перед ножом бульдозера, расходилась по бокам, оставляя небольшой плацдарм «чистой полыни». По ней свободно дрейфовал по курсу, широко и твёрдо, генерал. Отставая на полшага, девушка на высоких каблуках, прижимала к груди фотокамеру. Замыкающий ординарец нёс играючи два дорожных чемодана, чему-то улыбаясь и поглядывая вокруг. Генерал, как вперёд смотрящий, вычислил главный объект, но его опередил голос Ромашина:

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

Небрежно козырнув, генерал ответил:

– Служивый? Это хорошо.

– Так точно. Сто шестьдесят восьмой, отдельный, горно-стрелковый гвардейский полк.

– Вот, гвардеец! Доверяю тебе свою единственную Катюшу. Следи, не обижай!

Не оглядываясь и протянув руку, подтолкнул девушку вперёд. Кивком отдал приказ ординарцу, тот встрепенулся и потащил чемоданы к проводнику. Без сантиментов, молча приобняв дочь, генерал развернулся и направился к выходу.

Роман продолжал стоять по стойке «смирно». Передёрнув плечами,

сбросил оцепенение и расслабился. Взглянул на девушку, любопытно улыбающуюся уголками губ.

Высокомерно, снисходительно, насмешливо, не доброжелательно. Роман увидел всё сразу: высокие каблуки «лакировочек», безупречные разрезики на брюках, дорогой шерстью аккуратно обнимающих выступающие бёдра. Широкий пояс «вытягивал» вверх фигуру среднего роста, подчёркивая узкую талию и приподнимая грудь. Девушка ненавязчиво демонстрировала себя. Глядя на такие символы женственности и чувственной красоты формы, вспомнил о песочных часах – оптимальном варианте женской фигуры. Подумал: «Да, экспонат, – их взгляды встретились и моментально разбежались. – Хлопотно, больно жжёт, туманя всё вокруг». Обернулся к ребятам и негромко скомандовал:

– Садимся.

В вагоне успокоились, забыв о передрыгах. Кто-то курил в тамбуре, кто-то мыл руки. Разносили кипяток, все готовились к завтраку. Отряд расположился в трёх купе. В дверь постучали:

– Роман Романович, извините! Не могли бы Вы провести экипировочный инструктаж?

– Да инструктаж необходим.

Красно-голубой шёлк, расписанный драконовскими цветками, журчал и переливался по всей длине укороченного халатика. Получившие уже где-то ультрафиолет ноги блестели молочной шоколадкой. Казалось, с каждой из них поработал отдельный мастер. В сочетании, они приобретали спортивную форму, покрытую бархатистым налётом. Заканчивались ножки домашними туфельками, покрытыми плюмажной парчой.

Не поднимая головы, отметил глубокий треугольник декольте. Глаза... Опиет ударило и закружило. Как килевая качка сбросила с гребня волны в пучину, да ещё постукивали колёса на стыках. «Почему она всё себя показывает? Ведь, и так видно – хороша».

Роман сложил билеты и документы в пакет:

– Я ненадолго в соседнее купе. Не ждите, начинайте завтрак без меня...

Не отрываясь от своего электроразведочного измерителя Борис кивнул. Жорка выкладывал домашние заготовки и «варганил» завтрак:

– Скоро будет всё в ажуре. Вы попали в хорошую струю. Приходите, приглашаем и имеем Вас в виду, – он пропел свой спич, широко и гостеприимно разведя руками.

Купе было куплено на одного пассажира. Неудивительно – на двух нижних полках стояли открытые два чемоданища. Дорожные баулы – под стать купеческим.

– Роман Романович! Мне...

– Катюша! Давай договоримся – мы здесь все на «ты» и без отчества.

– Отлично! Роман – имя и сочинение в прозе, содержащее полный рассказ вымышленного или украшенного вымыслами случая, события.

[80]

Я хорошо училась и определения жанров не забываю.

– Не сомневаюсь. Катюша – имя и шутивно-ласковое название миномёта со снарядами реактивного действия. Я тоже кое-что не забываю. Экипировка – профессиональная.

– Да. Папины инструкторы даже ботинки «разнашивали».

– Конечно, время прошло. Сейчас, даже смешно вспоминать, как мы сами в утеплённую обувь набивали гвозди. «Кошки – зубастые шипы», надеваются на подошву непосредственно перед ледяной горой. Идёшь спокойно наверх по крутым склонам или скалам без проскальзывания. Ботинки ставятся под «крыло» палатки в «базовом» лагере, а в «промежуточном» или в «штурмовом» – в изголовье.

– Ботинки около головы? Фу!

Она сморщила свой прямой, с небольшой горбинкой, носик. Приподняв верхнюю губу, поддержала её оттопыренной нижней.

Это не могло не вызвать улыбки:

– Конечно, всегда под рукой, как будильник. Можно и в ногах, но шнуровать только стоя.

– Роман Романович! Ой, извините... Может, мы почаёвничаем? Тётя Маша, наша кухарка, столько всего в дорогу наготовила...

– Катя! У Жорки уже всё готово. Не отказывайся от приглашения, а кухаркины мы попробуем и оценим по достоинству. Аппетит в горах отменный.

Двухмесячный сезон заканчивался. Жорка-радист и врач, Леонид Антокольский, постоянно находились в «Базовом» лагере на высоте 2300 метров. Прогноз погоды – главное, – осадки, сила и скорость ветра. В их обязанность входило и пополнение провианта, который из соседнего посёлка доставлял местный проводник. Сам лагерь разбили в «языковой» части ледника, конец которого имел форму грота, откуда вырывался мутный поток талой воды. «Промежуточный» лагерь, где находились основные участники экспедиции, расположили на высоте 3700 метров. Здесь «хозяйничали» девчонки, делая замеры ледника, снимая показания приборов, ведя топографическую съёмку. Катюша вела «дневник», брала у членов группы интервью, не расставаясь с фо-

тоаппаратом. «Штурмовой» – высота 4300 метров, здесь определялись истоки ледника, его питание и рост. Борис «торчал» на гребнях скал со своими приборами, измерял и «ловил» только ему известные частицы. Мишка Дронов анимометром «ловил» ветер, определяя его направление, рассчитывая высоту над уровнем моря, определял коэффициент увлажнения. Он искал пещеры, подледниковые озёра и реки. По очереди, один раз в неделю, спускались в «Промежуточный». Оставляли документы, расчёты, прогнозы. Забирали продукты, керосин для при- муса, меняли одежду.

[81]

В этот раз наступила очередь командира. Ромашин стал спускаться после утреннего чая.. «Подпитка» из сыра с колбасой, сухой рыбы, печенья и гущёнки сбросили вчерашнюю усталость, разогнала остатки сна. Спуск всегда труднее подъёма. Он не торопился, хотя очень хотелось увидеть Катюшу. Две недели – громадный срок. Тогда он задержался на двое суток. Они провожали закат. «Почему он всегда минорный и чуть печальный?» Виноваты фиолетовый, жёлтый и оранжевый цвета, которые всегда присутствуют в солнечном освещении. Он стояли близко-близко друг к другу. Он обнимал её за плечи – Катюша была такой маленькой и беззащитной перед этой громадой гор. «Оградить её, единственную, от этого неумолимого завершения дня, медленного угасания кругооборота жизни». Перед ним обозначилась ясная цель: «Она и только она. Никакого минора. Прочь из сознания тщетность человеческого бытия! Любовь, радость и счастье! И дорога... Без конца, без края, как мечта!»

Продолжение следует...

Людмила Кузнецова

БАСЯ

Неожиданность можно смело отнести к разряду событий, независимо от того, положительное оно или отрицательное. Так было и в этом случае... Поток дождя, резко рванувший из серых туч, мгновенно освободил улицы от людской массы. Укрывались от этой напасти, кто как мог. В поисках укромного местечка, Ольга влетела в вестибюль станции метро, чтобы стряхнуть дождевые капли и отдышаться. Вдруг она увидела её – взгляды их встретились. Пообщавшись, они поняли, что нужны друг другу. Бася, так звали новую знакомую, прочно вошла в студенческую среду, но не собиралась что-то менять в своей жизни, жила по своим правилам. Все окружающие очень любили её, хотя она была пока несуразной: худая, длинноногая, ещё не сформировавшаяся, но обещающая стать красавицей.

Прошло время, Бася становилась взрослее, менялась её походка, в движениях появилась грация, какая-то независимость.

Летом семья Ольги выехала на дачу в Подмоскowie. Басю тоже взяли с собой. На фоне густой дачной зелени, она смотрелась очень экзотично: натуральная блондинка с ярко розовым ободком. Часто она забиралась на козырёк над крыльцом и там загорала, не утруждая себя какими-то заботами. Её никто и не трогал, только звали поесть. Если она игнорировала приглашение, то просто оставляли её еду.

О том, что на даче появилась городская красавица, вскоре узнали местные кавалеры. Каждый день по два-три претендента на благосклонность Баси приходили на дачу. Сидя в тени деревьев, поглядывали на крышу, откуда с томным видом на них взирала красавица. Она принимала эти знаки внимания, как должное, никому ничего не обещая и ни с кем не общаясь. Однажды ночью Ольга застала на кухне тёплую компанию: Бася и два кавалера, приходившие днём, молча сидели на стульях и переглядывались. Нисколько не смутившись, они вели молчаливый, но выразительный, разговор.

Дневные визиты повторялись дня четыре, Бася женихов игнорировала. Но, вдруг, в её поведении что-то изменилось. Она спустилась со своего высокого наблюдательного пункта, забежала в дом, остановившись на кухне, с удивлением посмотрела на домочадцев и выбежала обратно. Потом опять вернулась, и вновь убежала. Так несколько раз – как будто она кого-то искала. Потом все поняли, – исчезли местные женихи, потеряв всякую надежду получить малейший знак внимания от красавицы-москвички. Утром следующего дня Бася вспомнила о своих прямых обязанностях, ради чего была взята на дачу. Она стала ловить мышей в саду и складывать их возле дома, показывая, что не зря её привезли, что и от неё тоже есть польза.

[83]

КАРЛУША

В стороне от других стояла странная группа людей. Было не понятно, кем они друг другу приходятся. Дама, лет семидесяти, высокая, нескладная, некрасивая, в строгом сером платье и с таким же строгим аскетическим лицом. Полностью седые волосы распущены по плечам, как у молодой девушки. В руках – потёртый чёрный клатч с монограммой. Рядом – мужчина, не более пятидесяти, чем-то похожий на женщину: тоже высокий, с седыми висками, в мешковатых брюках и рубашке навыпуск. Он внимательно прислушивался к каждому слову спутницы, стараясь ничего не пропустить. За его спиной – двое мальчишек шестнадцати-семнадцати лет что-то оживлённо обсуждали. В их разговоре мелькали слова «немцы» и «Германия». Юноши – оба блондины, похожие друг на друга, голубоглазые, не по возрасту высокие. Один – с мягким, добрым лицом и приветливым взглядом, второй – холоден, в лице – жёсткость. Рядом – несколько чемоданов, перехваченных кожаными ремнями. Было видно, что чемоданы грустно пылились на антресолях не один десяток лет, и вспомнили о них только перед предстоящим путешествием.

В стороне стояла, не сводя глаз с пожилой дамы и мальчишек, светло-русая женщина.

Её внешний вид сразу бросался в глаза: стоптанные, напоминающие мужские, тяжёлые и грубые, осенние туфли; штапельное платье устаревшего фасона, очень изношенное и блеклое. Её руки были красными, покрытые ссадинами – руки тяжело работающей женщины, никогда не знавшие крема. Только присмотревшись, можно было понять, что эта, рано состарившаяся женщина, ещё довольно молода. У её ног –

небольшой старенький чемоданчик. Она пыталась поймать взгляд хотя бы одного из мальчиков, но они не обращали на неё внимания.

[84]

Трёхэтажный дом из красного кирпича был построен заводом в 1954 году для руководителей цехов и отделов. Одна из квартир на третьем этаже была шестикомнатной, комнаты в ней располагались по кругу. В дальнем конце круглой гостиной – винтовая лестница, ведущая в башенку, которая возвышалась над квартирой ещё на полтора этажа. В этой квартире находилась заводская гостиница, где останавливались московские специалисты, командированные на завод.

В башенке жила хозяйка гостиницы Анна Карловна со своим сыном-подростком. Его имени никто не знал, во дворе его называли – Карлуша. Жители дома не знали, как появились эти люди в закрытом волжском городе. В доме было много детей, игравших во дворе, но Карлуша никогда не выходил во двор, его видели только в сопровождении матери.

Ирочка жила в квартире напротив гостиницы. С Анной Карловной она познакомилась, когда училась в первом классе. Дома телефона не было, а в гостинице – заводской телефон с коммутатором. Можно позвонить и попросить телефонистку соединить с отделом, где работала мама. Ирочка стучала в дверь гостиницы, входила и сразу видела Анну Карловну, спускавшуюся по винтовой лестнице из своей тайной обители. «Можно, я маме позвоню?» – спрашивала Ирина. В ответ – только кивок головой. Не сказав ни слова, Анна Карловна уходила к себе.

Карлуша повзрослел, работал на заводе, но по-прежнему выходил на прогулку только с мамой. Однажды, в его жизни появилась девушка Валя: соседи увидели возле подъезда Анну Карловну, Карлушу и эту девушку, тащившую тяжеленный тюк с вещами. Карлуша женился. Молодая жена – крепкая, «кровь с молоком». Говорили, что она приехала из деревни в город работать. Скоро у молодых родился сын, следом – второй. Никто из соседей ни разу не видел молодую маму с сыновьями или мужем. С детьми гордо гуляла только Анна Карловна, их неизменно сопровождал Карлуша.

Как-то Ирина, как обычно, пришла позвонить, но Анна Карловна из комнаты не вышла. Девочка удивилась и, набравшись храбрости, поднялась по лестнице, подошла к приоткрытой двери, заглянула в комнату. Анна Карловна сидела за столом и рассматривала фотографии в старом альбоме. На стене висел портрет мужчины в военной форме. Она медленно переводила взгляд с фотографий в альбоме на военного. Ирина пошевелилась, хозяйка гостиницы сразу захлопнула альбом – это прозвучало, как выстрел. Девочка испугалась и убежала.

Как-то Валя мыла лестницу. Анна Карловна, выйдя из комнаты, велела невестке в приказном тоне: «Домоешь полы и быстро в магазин. Вот – список». Перешагнув через тряпку, как всегда, с прямой спиной, спустилась вниз. «Можно я куплю сладости детям?», – спросила Валя. В ответ – тишина.

Летом Ирина столкнулась с этой семьёй в парке: Анна Карловна толкала впереди себя детскую коляску, локтем прижимая сумочку, на которой Ирина успела рассмотреть выбитые украшения и замысловато переплетённые буквы: «A von Karl».

«Проходите на посадку!» – проводник начал проверять билеты. Пассажиры направились к вагону. Пожилая дама, войдя в тамбур, встала у двери. За ней поднялись мужчина с мальчиками. Оба парня оглянулись на оставшуюся на перроне женщину, но под строгим взглядом пожилой, отвернулись и скрылись в вагоне. Молодая женщина, подняв старый чемодан, тоже хотела войти в вагон, но Анна Карловна преградила ей путь.

«Провожающие, покиньте вагон, поезд отправляется через три минуты», – проводник убрал лестницу, закрыл вагон. Поезд тронулся.

Из окна уходящего поезда на женщину, одиноко стоявшую на перроне, смотрел один из мальчиков, другой повернулся спиной. Женщина, протянув руки, крикнула: «Сынок!». Он проводил её грустным взглядом.

Поезд исчез, она долго смотрела ему вслед. Присела на чемодан, опустив голову. Долго сидела, не замечая ничего вокруг. Незаметно стемнело. Прозвучало объявление: «Граждане пассажиры, по первому пути транзитом проследует скорый поезд. Будьте осторожны!» Женщина поднялась и пошла... Состав с рёвом вынырнул из темноты, дёргаясь и скрежеща, промчался мимо. На перроне одиноко остался стоять старый чемодан.

Альберт Леин

* * *

Ветер, осень, непогода,
Холод, дождь косой,
Ах, уходят наши годы,
Как всегда, в песок.

Полудремлют лицемеры –
Чувства и мечты,
Вечер, празднуют химеры –
Выход темноты.

Неизвестность и неясность,
Как сверчок в ночи,
Истомившиеся страсти –
Прошлого ключи.

И усталые стремленья,
Растревожа сны,
Тихо шепчут на коленях
О путях весны.

Отпуская всё в молитвах,
Чем грешна душа,
Осень, – дождь стучит по плитам
Долго, не спеша.

* * *

Дождь идёт, гвоздит декабрь,
Бьёт по улицам и крышам,
Будто пьяный дворник вышел
В лужи бросить облака...

Быть снегам, а не дождям,
Встречам быть, а не разлукам,
И деревьев ветви-руки
Равнодушьем машут нам.

Пляшут капли по воде,
Не к обеду ожиданье
С белоснежностью свиданья,
Распахнутого в метель.

На себя сам не похож
Зимний день, декабрь и вечер,
Может быть, сегодня дождь –
Зимовластия предтеча.

* * *

Стесняясь собственного чувства,
И сказанных негрубых слов...
Обучены ли Вы искусству
Увидеть за дверями слов?

Входите. Детская. Без стука.
Глядите, радости игра,
Наручников не знают руки,
А рукожатие добра.

Здесь ветер осени не служит.
И в беззаботности бытья,
Я знаю, каждый в мире нужен:
Кому-то – Вы, кому-то – я.

[87]

Д и П / 2019

Альберт Леин

* * *

Мы каждый день идём в атаку:
Урвать, украсть и захватить,
Вдруг Эсмеральдою в клоаке
Оборванную видим нить...

То вашей совести остатки,
Как ни завязывай узлы –
Когда дома давили танки –
Уют нам не вернёт углы.

И оправданьем успокоюсь
Незначимости жеста, слов,
Мы снова, как под алкоголем,
Кандалим совести послов.

* * *

Разрешат иль не отпустят,
Чёт, нечёт – который год,
Эмигранты, будто гуси,
Отправляются в полёт.

Если кто-нибудь и спросит:
«Что там было в те года?»
Родина была, как осень,
Холода да холода.

Напряжённые и суровы
Судьбы – в грязь, и вкось, и вниз,
царь в Москве мохнатобровый,
Вновь указ, хоть задавись.

Навсегда, в туман, в неясность,
Часто вовсе наугад,
Эмигранты, как ненастье, –
Лишний Родины багаж.

Из столиц и захолустий,
Чёт, нечёт – который год...
Эмигранты, будто гуси,
Отправляются в полёт.

* * *

Чего ты хочешь – славы или богатства?
Я и ни то, ни это не хочу,
Хочу я человеческого братства,
Одну на всех зажжённую свечу.

* * *

Я среди вас чужой
Под зонтиком инерций,
Я пламенюсь душой,
Рассчитываюсь сердцем.

В небрежности листов
Не растерял акцента,
Коль получу на сто –
Верну с большим процентом.

Я в парнике «Земля»
Лелею нежность востока,
Все чувства от меня
Хорошею погодой.

Генриетта Ляховицкая

ДИСГАРМОНИЯ ТРЕУГОЛЬНИКА

Треугольник – вечная загадка
остроты и тупости угла.

Треугольник – с ним всегда не гладко:
острый угол – колкий, как игла,

и прямой – он тоже не отрада –
не всегда приятна прямота,
большинству её совсем не надо,
лучше пусть не открывает рта.

Предпочтут, пожалуй, даже *тупость* –
выгодней соревноваться с ней,
ведь не так заметна будет глупость.
даже бред покажется ясней...

Треугольник – три угла. Так мало,
а проблем так много в нём встаёт.
Далеко колючке до овала,
ей гармонии недостаёт.

К ПОЭЗИИ

Поэзия!
Хочу плащом любви
укрыть
твои опущенные
крылья,
от злого слова
охранить
и с лёгких ног твоих
омыть
скитаний бесприютных
пыль я.

Присядь, усталая, согрейся
у огня,
зажжённого на Алтаре
твоём.
Какое это счастье
для меня –
хоть иногда побыть с Тобой
вдвоём!

О ПУБЛИКАЦИИ СТИХОВ

Когда свои стихи создавший их поэт
на суд читателей в мир выпускает – в свет,
не вправе больше он считать их лишь своими,
он должен разделять владение с другими,

которые порой поймут стихи не так,
как думалось ему, прочтут, сбивая такт,
нарушат мыслей ход, внеся в них отчужденье,
да так, что не узнать своё произведенье...

Терпи и не суди других людей, поэт.
Зато, когда в душе читателей ответ
желанный получать всё чаще ты сумеешь,
тогда почувствовать себя поэтом сумеешь.

РАЗГОВОР О КРАСОТЕ

Памяти Володи Зыкова¹

С тобою мы наш разговор вели,
в вечерних красках красоты витая,
и розы образов в речах цвели,
пока последний луч в ночи истаял.

И ты касаться мне не разрешил
земных, обиденных, сухих понятий,
и против строгой логики грешил,
и против истины нагих распятий...

Но, милый грешник, я тебя прощаю
за то, что трезвости моей велел молчать,
и налагать почаще обещаю
на резкость губ моих смирения печать.

Когда последний луч в ночи истаял
и мы с тобой расстались до утра,
я поняла, что даже сквозь усталость
наш разговор мне записать пора:

«Верь, в мире нет конца для красоты –
она равна объёму всей Вселенной.
Созвездия на небе, как цветы,
красою наделённые нетленной.

И пусть кружится злое наважденье
и сеет мрак свой губительный посев,
но красота нам дарит наслажденье,
на троне безграничности воссев.

Мы, устремляясь к цели вожаденной,
наводим над теснинами мосты,
чтоб насладиться красотой Вселенной,
в которой нет конца для красоты».

ПАМЯТЬ ОБ УШЕДШИХ ДРУЗЬЯХ

Слева в груди пустота холодеет...
Даже среди хлопотливого дня
память тревожит и гложет меня
и неотступно душою владеет.

Раньше, вступая в свой круг повседневный,
знала, извечную спешку кляня, –
хоть в телефон, но услышит меня
единомыслящий друг задушевный.

Непоправимо и страшно пустеет
мир с каждой смертью. Всё чаще одна
я сиротливо стою у окна.
Слева в груди пустота холодеет.

[93]

Д и П / 2019

МОЁ ЕВРЕЙСКОЕ НАДГРОБИЕ

*По еврейскому обычаю следует приносить
на могилы в знак памяти не цветы, а камни.*

Приносите камешки на моё надгробие –
пусть лежат «свидетельства памяти» подобием –
кто-то, может, всё-таки вспомнил обо мне,
проходя по кладбищу, что в чужой стране.

Приносите камешки на моё надгробие –
ведь у них – у камешков свойства есть особые:
не завянут, как цветы вянут на жаре,
не сгниют от сырости в земляной норе.

Приносите камешки на моё надгробие –
пусть лежат зарядами против юдофобии,
чтоб в пращу Давидову² заряжали их
против *голиафов*, сильных, но тупых.

Приносите камешки на моё надгробие –
ведь не только «ненависть» перевод от «фобии»,

Генриетта Ляховицкая

«фобия» по-гречески означает «страх»,
пусть у недоумков бьётся он в висках!

Приносите камешки на моё надгробие...

[94]

Д и П / 2019

¹ Владимир Зыков – неординарный, высокой культуры человек, память о котором я обязана сохранить для истории русской литературы. Был в свойстве с Анной Ахматовой. Организовывал её трагические похороны, о чём поведал в своих воспоминаниях.

² Давид поразил камнем из пращи громадного, в тяжёлых доспехах, филистимлянина Голиафа, обратив в бегство воинство филистимлян, напавших на Израиль. (См. Пятикнижие, 1 Царств, 17).

Валерий Матэтский

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ¹

Юмореска

[95]

Д и П / 2019

Я вошёл в метро вагона. Женщины, пощёлкивая длинными клювами, призывно водили ими из стороны в сторону. Мужчины, подчёркнуто изображая равнодушие, нервно закидывали свои задние, мускулистые, как у кузнечиков, ноги на плечи сидящих напротив соседей. Соседи, как ни в чём не бывало, сбрасывали чужие ноги обратно. В целом, публика выглядела вполне благодушно, и казалось, ничто не предвещало беды. Я задумчиво приземлился на свободное место. Моё левое ухо, прогнувшись затылком, почесало право:

«Что же делать? Или не делать ничего, делая вид, что всё уже сделано?»»

Не выдержав чудовищного напряжения мыслящих извилин, мои брови, изогнувшись крутыми дугами, друг за другом взлетели надо лбом, сделали крутой вираж над теменем и, помахав закрылками, лениво вернулись на прежний плацдарм.

– Ну что ты там ищешь, Ханни? – Умильным голоском спросила мамаша, стоявшая, широко расставив ноги, в тамбуре вагона, у пятилетнего малыша, забравшегося ей под юбку. От усилий мамочки выгнать его оттуда, её юбка постепенно задиралась всё выше и выше.

– Между прочим, здесь не бордель! – суровым тоном обратился я к мамаше.

Тотчас взгляды всех пассажиров, как по команде, устремились к тому месту у женщины, которое раньше называлось причинным², а сегодня, – местом, откуда ноги растут (да-да, то самое место, где кончается живот, и тело, странным образом, начинает раздваиваться, а после чего, так до конца жизни, больше уже, никогда, ни у кого не срастается). Дело в том, что стараниями малыша, юбка мамочки задралась уже, аж, «по-самое не могу», и даже, несколько выше, так что стали видны розовые трусики с надписью «Wednesday» и, поскольку дело происходило действительно, в среду, каждому стало понятно, что чи-

стоплотная мадам меняет нижнее бельё каждый день, соответственно дням недели.

– А ты мне платил? – ничтоже сумняшеся ответствовала мамаша.

Теперь все прожекторы глаз попугачиков скрестились на мне. Сбитый с толку такой непредвиденной наглостью, я впал в ступор. В голове, что-то запрыгало вверх-вниз, как лягушка: «чав-чав», или «Quatsch-Quatsch»³... В висках зашумело и как-то захлюпало, а из моих ушей вдруг забили горизонтальные, обжигающе-ледяные, упругие струи воды.

«Главное, не потерять лицо!» – свербело в запотевших мозгах и я, старательно изображая полную непричастность к происходящему, стал методично разжёвывать собственный, как-то враз одеревеневший язык. Одновременно, в другом, совершенно чужом, но чем-то неуловимо близком мне измерении, я изнемогал от неевклидовой задачи: заглывать язык целиком и сразу или по частям, так, чтобы никто, никогда не догадался. Так и не справившись с этой метафизической⁴ дилеммой, со ртом полным розовой «простокваши», я вскочил, как туго разжавшаяся пружина и, на неверных, зябко поддрагивающих ногах, задом-задом, как рак, нечаянно встретившийся с огромным налимом в о-о-очень мутных глубинах, стал пятиться в сторону спасительного выхода. Как будто по заказу, именно в этот момент, состав резко затормозил, створки дверей, на японский манер, плавно разошлись в стороны и меня, спиной вперёд, как из катапульты, выбросило на платформу.

История закончилась, так и не начавшись. «А был ли мальчик?»⁵ – спросил я. – Но бордель определённо был», – уверенно отвечивал я своим мыслям, и сплюнул за платформу остатки того, что когда-то, было «великим и могучим»...

СИБИРСКИЙ «ГАНГ»⁶

Этого огромного, почти с телёнка ростом, кобеля сибирской аборигенной лайки, с задорным кренделем загнутаго хвоста, звали Булгаш. Он нервно метался вдоль берега мощного, прозрачного потока, не отрывая взгляда от погружающейся в зеленоватые волны фигуры. Поскуливая и припадая на передние лапы, иногда оглушительно, гулко лая, он то норовил броситься в воду, то отскакивал назад, на берег.

Борясь с гигантским напором ледяного течения, «оленьи ноги» с трудом, удерживались на скользких придонных камнях. Уши, до хруста прижимались к черепу; глаза как будто приклеились к далёким,

серым, патриархальным скалам на противоположном берегу. Ноздри широко раздувались, а по телу пробегали волны озноба от ледяного холода и страха быть сбитым с ног неумолимой скоростью воды.

«Оленьи ноги» были... мои. Точнее, те бесчувственные кости, которые я переставлял в воде, когда-то были моими ногами, так как в эти мгновения, пытаясь преодолеть могучий напор струй, я просто ничего не чувствовал ниже пояса. Моей целью было – погрузиться в воду хотя бы по грудь, чтобы затем окунуться в волны с головой. Задерживаю дыхание; из последних сил направляю себя поперёк потока.

[97]

Мимо меня стремительно проносятся мегатонны жидкой жизни. Парадоксальным образом, именно они, эти мегатонны жизни, в любой момент могут стать причиной моей смерти, отнять мою собственную жизнь. И тогда..., моё бездыханное тело, обглоданное рыбами до костей, может быть, когда-нибудь, найдут на несколько километров ниже по течению в сторону Северного Ледовитого океана, так как течение, со смертельным напором которого в эти минуты я боролся, было течением великого «ИОНЕССИ», более известного в современном мире, под названием «ЕНИСЕЙ».

Родившись однажды на берегах этой легендарной реки, ветром судьбы в колесе моей Сансары⁷, меня как-то закатило на тот кусок материкового базальта⁸, который с древних времён германцы называют «Еигора». Именно к этим берегам пришвартовал тогда Корвет⁹ Моих Надежд. Теперь, почти полвека спустя, вырвавшись на финишную прямую своей жизни, я решил направить, всё ещё белоснежные, но сильно потрёпанные паруса моего корвета назад, в державный порт Красного Яра. Мне неожиданно захотелось омыть «грехи блудного сына» в великих водах обожасмой с детства реки.

За одни только сутки лето, вдруг, превратилось в осень. Деревья, вчера ещё зелёные, вмиг сбросили с себя шуршащий жёлтый прах, и униженно кланялись посиневшими стволами и ветвями струям дождя, ледяным, косым и жёстким, как стальная проволока. Садистские порывы по-разбойничьи свистящего ветра лихорадочно подготавливали всё живое к суровой северной спячке. После такой «анестезии» жизнь природы остывала на глазах. Услышав о моём желании пройти символический «обряд очищения» в водах священного сибирского «Ганга», мои родственники дружно крутили пальцами у своих висков и многозначительно закатывали глаза. Но я был уверен, священнодействие необходимо совершить сейчас, так как другого раза может и не быть.

Шаг, ещё шаг... Разворачиваюсь корпусом против течения; с судо-

рожным всхлипом втягиваю в себя воздух и, без надежды увидеть белый свет когда-нибудь ещё, захлопнув рот и глаза, стремительно падаю в тёмные, ледяные глубины. С отчаяньем вслушиваюсь в пульсирующие мгновенья... Сердце пытается выскочить из горла... И вместе с сердцем, осколком разбитой льдины, выстреливаю всего себя из брутальных ледяных объятий вверх, на волно. Негнушимися, давно остывшими ногами, как на копытах, выношу себя на берег. Булгаш, обезумев от радости, счастливо бросается лапами на мою «оленью», задубевшую грудь и жадно вылизывает мне лицо, огромным, влажным, горячим языком.

– Жизнь, ты прекрасна!!!

Над моим берегом, в серебристых каплях клубящейся над рекой влаги, возникает сияющая, широченная дуга радуги. Как будто индийский священный слон в праздничной сбруе, усыпанной бриллиантами, встав на дыбы, радостно трубит, задрав свой хобот к глубокому, синему потоку неба.

Омовение состоялось! Ионесси принял мои грехи!

¹ Слова из знаменитой фразы И. С. Тургенева: «Ты один мне – поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

² Половые органы (разг.).

³ Чуть, чепуха, вздор (нем.).

⁴ Отвлечённо-беспочвенный, не основанный на опыте, абстрактный (перен., неодобр.).

⁵ Историки приписывают эту фразу Борису Годунову.

⁶ Самая полноводная река северной Индии – священная река для индуистов. По легенде, река Ганг берёт свое начало в космосе, откуда спускается на Землю и протекает по Индии. Ганг в индуизме считается мистическим порталом между Землёй и Космосом, магической дверью, помогающей страждущим перейти в иной мир и не возвращаться обратно на эту бrenную землю.

⁷ «Блуждание, странствование» (санскр.) – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии: душа, тонущая в «океане сансары», стремится к освобождению и избавлению от результатов своих прошлых (кармы), которые являются частью «сети сансары».

⁸ Магматическая порода основного состава. Базальтовый слой распространяется как на материковой (основной, греч.), так и на океанической коре.

⁹ Старинное трёхмачтовое военное судно (франц., мор. ист.).

ЖЕМЧУЖИНА

Жемчуг
В несколько рядов
По высокой шее

А одна бусинка
ВРОЗЬ

По ложбинке в груди
Лебяжье-белые

Затаилась

Не дышит
Несогласная

Думой по кругу бегаёт
По жемчужному

Да думы её не блещут
Всё ниже скользят

Так низко
И не положено вовсе

А сладко как
И уютно

И по соседкам своим
Жемчужным не тоскуется

А только
Круглое блаженство
Жемчужно светится

И сияет... и сияет

И млеет услада

НЕ земным светом –

Жемчуженным

[99]

Д и П / 2019

Валерий Магэцкий

БИРЮСА¹⁰

Л. М.

Она вошла...
Сместились тени

Неслышно дрогнуло стекло...
Шелка заката тихо тлели

Отливом на песочной мели
Светилось юное лицо

Зависли звуки...
Хрупкость мига...

Весомость бабочки крыла
Пыльцой слетала на глаза

И
Опрометчивостью блика
В меня
втекала
Би-рю-са

[100]

Д и П / 2019

Поэзия и проза

ВНУТРИ ЛОЛИТ¹¹

L. X.

Ты ствол
Я пуля
Лежу в тебе горячий
Без лести тяжесть
Страсть ядра внутри –
Царица утра

[101]

Утраченное жжёт
Желанья капсулю
Прекрасной-Дамы-
Без-Сожалений
Оленей гона
Гоняющей нагой
Навстречу пуле

Подранок –
Сукин сын
Казнишься болью
Без воли
Плётки сил
Сверкают в поле
Без-ропотной
Звездой

Лёд дали тонок
Близится пурга
И хрупок сплин
Спелёнат долей

Вне зоны
Звон звонниц –
Знакомец страха
Ликующая
Кавалькада шлюх
Ты
Большого не стоишь
И
Стыд

Д и П / 2019

Валерий Магэцкий

Дыханье пара
И пара апельсин –
Эмблемой жара
Жара
Разрозненных глубин
Бинóm Ньюто́на¹²
Теноры Ла Ска́ла¹³
Скал скользкие бока –
Оковы о́стры
Ты – Остров Уолл-Стрит

Стремгла́вая вода
Безмерных отношений
Внутри Лолит

НИЦШЕНИАНА¹⁴

Лауре de Нов

Полусумрак. Комната. В кресле ты...
Тишина порхает вокруг мышами.
Полумрак смыкает твои черты,
Наступая стен четырьмя ушами.

Я машу желаньем, спине дивана.
Лани прыгают через черту тиши.
Штиль всегда – это то, где Ницшениана
Образует омут во тьме межи.

Мельтешат муравьи. Ползут рекой.
Блестит чешуями лак окалин.
Мы алкаем воли, её одной,
Пограничной плотью своих окраин.

С нами Окон Бог, или мы в окне...
Гомоним прозрачной пластиной слёз.
Сон смывая с глаз, льём дожди вовне,
В очень звонкий берег молчащих рос.

ПАДЕНИЕ БЕЗ ОКОВ

Аэропорт

Вертикальные тонны света

Параллели

Стрел выстрелов

Горизонталей строк

Искр

Серебристых перьев

Спаривающих в пространстве

Лёта

Свободу бодать

С дном погоды

Оды

Паря́т облаками

Задумчивых грёз

Зрение лжёт простору

Просто в глаза

И за

Замкнутыми ресницами

Сна

Крыльев

Выкраивает окраину

Бесконечности

Аэропорта порта

Утраченной тяжести

Жеста

Падения

Без оков

[103]

Д и П / 2019

Валерий Магэ́тский

ТЕНЬ ТВОЕЙ ТЕНИ

Н. Д.

Он водил кисточкой вдоль её позвоночника
от основания шеи до той ложбинки
которой раздваиваются ягодицы

[104]

«Хочу стать тенью твоей тени
чтобы пребывать с тобой вечно»

Миры и звёзды молча протекали мимо
пока двое тонули в блаженной неге

Двое и колонковая кисть
выплетающая строку стиха
позвонок за позвонком длинной косицей

ПОЗА ТАНЦУЮЩЕГО ЖИВОТА

Н. Д.

Мысль о тебе
Удаляется с мысика лобка
Струится к коленям

Рваным узором
Извилистых листьев
Стряхивается к полу

Укладывается там
В позе младенца леденца
И тает...

Тайком мечтая
Слететься к темечку
Ускользящего лица

Стынет и тянется
К памятнику о тебе
В Москве

«Скорым»
Прячется в ХанаАн¹⁵ реке
Устремляется

В рельсы рук
На которые оседает
Звёздный косяк¹⁶ Тоски

Запорошенные его носки
Смещают тебя
В позу
Танцующего Живота

АСЬ?
Дел-то, всего на рупь
Тяжестью
Грудь на грудь...

Грусть
Не тоска – слякоть
Зиждется на песке

Дай-ка
И я вот
Слягу
К памяти о тебе

В этой
тугой
зыбке
Может и мысль
уснёт

Там
Где в твоей улыбке
Пчёлы
пасут
мёд

[105]

Д и П / 2019

Валерий Магэцкий

СТИХ-НЕТ СОЛНЦЕ

Л. Х.

Обниму тебя
положу головой на Луну
ноги брошу на Солнце

[106]

посмотрю в голубые-голубые глаза –
два колодца
полных жидкого хрустала
с поездами
задумчивой скоростью спящими в них

стих –
нет солнце в холодных искрах
твоих оглушительных зрачков

я готов...

тога
падает с круглых плеч заката
вата
стада
тлеющих облаков
обречённо томится
впиться
мечтая в твои солнечные ступни
завидуя протуберанцам
плюющим в них
золотым
безумием
багрянца

СТИХ, КОТОРЫЙ ТРЕПЛЕТ ВЕТЕР

Лауре де Нов

Ветер треплет твои волосы
А я пишу этот стих о тебе

Ветер треплет и его тоже
Нас всех треплет ветер

Твои волосы ласкают твои губы
Твои глаза летят вместе с ветром

Всю тебя давно уже унесло ветром...

Это мою память о тебе
Всё треплет и треплет ветер

Ты хочешь услышать правду

Но правда как серая мышь
Бегает между ножками стула

Четыре ножки – четыре стула

Слышатся выстрелы
Это стреляют ножки каждого стула

Ветер всё треплет и треплет волосы
Длинной памяти о тебе

Летит стрела твоих грёз
Чтобы пробить сердце оленя

[107]

Д и П / 2019

Валерий Магэтский

ТИГРИЦА

Проходя через подсобные помещения
Я увидел слева, на верстаках у стены,
Огромную, размером почти с бизона,
Лежащую на левом боку тигрицу-альбиноса,
На бело-чёрной шкуре которой атели кровавые пятна.

[108]

Нисколько не испугавшись,
Так как глаза тигрицы не выражали агрессии,
Я, спокойно проследовал вперёд
И свернул направо, в комнату,
Которая была моей спальней.

Уже проваливаясь в сон,
Я вдруг почувствовал, что моя кровать
Прогибается под непомерной тяжестью.

Открыв глаза, я обнаружил у себя в ногах тигрицу,
Которая возлежала на моей постели с таким видом,
Как будто это была наша общая спальня.
Я ей, нисколько не мешал...

Она смотрела на меня глазами собственницы,
Как женщина в постели своего любовника...
На левом боку тигрицы
По-прежнему атели кровавые пятна.

ПАМЯТЬ ПАРЧИ СИМФОНИЙ

И. В.

Осень...
Падают листья
Пялятся снизу на солнце
Целуют друг друга...
Скука
Оранжево-жёлтого друга
Дёргает
Льёт слезами-

Листами
Слезится небо
Слепо
В упор не видя
В скользкой планете опору
В пору
Ему как вору
Здесь бы и застрелиться
Озлившись в жёлтые лица
Листьев
Статьи
Печали

Я ли
Иль Вы
Но где-то
Мчится трясась карета
Кучер
Бичом полощет
Конские спины ночи
Влажно
Седеют морды
Пеной
Пьянятся орды
Звёздно-колочей пыли
Крылья
Впрягая в мили

[109]

Д и П / 2019

Валерий Магэцкий

Знаю
Несут те кони
Горны
Моей погони
Бездну
И мрак агоний
В память
Парчи
Симфоний

ТРИКОЛОРНАЯ КОЛОННА

Встав на пуант
Одной ноги
Обнажённая балерина
Вытянула другую
Вертикально вверх
И стала тянуться руками
К верхней стопе

При этом опорная нога
Вытягивалась вверх
Синхронно с движением рук
И таким образом
Увеличилась метров до трёх
Переливаясь при этом
Оттенками тёмно-голубого

В то время как
Верхняя нога
Осветилась нежно-розовым
Оттенка пинк
А тело стало
Совершенно
Снежно-белым

И вся балерина
Выглядела при том

Как огромная
Странная
Триколорная колонна
Розово-бело-голубого цвета

[111]

¹⁰ Сибирская река; приток Енисея.

¹¹ Роман В. Набокова (англ. *Lolita*)

¹² Формула для разложения на отдельные слагаемые целой, неотрицательной, степени суммы двух переменных.

¹³ Оперный театр в Милане, основанный в 1778 г.

¹⁴ Философское, самобытное учение, которое носит подчеркнуто неакадемический характер, созданное немецким мыслителем Ф. В. Ницше (1844-1900).

¹⁵ Ханаан - (финикийск.) означает «Страна пурпура»; Ханаан также известен, как «Земля обетованная».

¹⁶ Косяк – (молодежный сленг) доза наркотика.

**Марина
Овчарова**

**СКАЗКА
ПРО СИНЕГО
ОРЛА**

[112]

Д и П / 2019

Жил-был орёл. Его крылья были синими, голова белой, а тело – коричневым, как у большинства орлов. Целыми днями летал орёл над землёй, выискивая добычу. Выбирая жертву, тщательно и долго кружил над ней в ожидании единственного мгновенья точного попадания.

Он хватал добычу, падая с высоты так быстро, что в воздухе оставался огненный след от его полёта, а кончики перьев на его крыльях обугливались. Так на краях его синих крыльев образовался чёрный, словно кристаллический, узор.

Он не строил гнёзда, с птицами не общался и, вообще, вряд ли подозревал о наличии других существ. Во всём мире были только он и его добыча – единственная, выслеженная и терпеливо выжданная, предназначенная ему самим фактом своего существования.

Со временем орёл настолько отточил мастерство охоты, что его невозможно было заметить ни в небе, ни на земле. И хотя никто его не видел, были доподлинно известны некоторые интересные детали, а именно: размах его крыльев составлял два метра – ровно столько необходимо, чтобы вынести на плечах кровать со спящим человеком; длина его клюва равнялась двадцати двум сантиметрам, этого как раз хватало, чтобы проткнуть человеческий мозг от темечка до сердцевины; длина же когтей соответствовала точно шести сантиметрам – расстоянию, достаточному, чтобы вонзившись жертве в грудь, зажать в лапах трепещущее от неожиданного восторга сердце.

Так носился орёл по вселенной, то удаляясь от земли, то приближаясь, нырял в океанские волны, устремлялся ввысь и снова рвал крыльями небо, разрезая тишину длинным пронзительным свистом.

Иные, очнувшись на миг среди ночи в своих домах, вздрагивали: «Дворники, что ли, ни свет, ни заря, улицы убирают!», – думали они и вновь проваливались в сон. А некоторые и вовсе не просыпались.

Те, кто не спал, вообще на посторонние звуки внимания не обращали.

А орёл, выбрав очередной объект, бесшумно проникал ночью в дом сквозь крыши и стены. Подхватив спящего человека вместе с кроватью, молниеносно взмывал вверх. Потом летел траекторией, похожей на параболу, в середине которой лёгким движением затылка подбрасывал человека так, чтобы тот, описав небольшую дугу над головой орла, начинал падать вниз. И тогда, одновременно протыкал клювом человеку голову и вонзался когтями в грудь, бережно обхватив его сердце.

[113]

Наутро жертва, как ни в чём не бывало, просыпалась в своей кровати. Иногда, правда, человеку спрросонья казалось, что в комнате что-то изменилось, но что именно, обычно не мог понять. Из сознания быстро ускользали обрывки странных снов, тревожно и смутно напоминавших о реальной возможности счастья.

Однажды, во время очередного полёта, жертва повела себя необычным образом. Это был мужчина неопределённого возраста, внешности довольно неприметной, не считая непомерно огромного большого пальца на правой руке.

Во время обычных манипуляций орла, когда он слегка подбросил мужчину вверх и тот, описав дугу над головой орла, начал падать открытой грудью прямо в его когти, этот самый непомерно большой палец задел за чёрную обугленную каёмку синих крыльев орла, и человек, вскрикнув от резкой боли, проснулся.

Орлиный клюв успел уже проникнуть мужчине в мозг, но не державшись там как обычно, начал удлиняться, расти и расщепляться на множество серебристых лучей, пронизывающих тонким светом всё тело мужчины изнутри. Человек в оцепенении застыл в неподвижной точке, расположенной в самой середине когтистых лап.

Орёл летел дальше, раскраивая ночное небо, сам не понимая, что произошло. Голод мучил его, а он не мог насытиться. Когти словно онемели, непослушная голова не поворачивалась на шее, и только могучие синие крылья привычно несли его вместе с жертвой над землёй.

* * *

Мужчина проснулся с ужасной головной болью. Одно ухо его было расцарапано в кровь, опухло и смешно оттопыривалось. Глаз заплыл. В углу рта застрял остаток недожжёванного дешёвого табака.

Уродливо-огромный большой палец правой руки, постоянно перепачканный то чернилами, то краской, из-за которого в детстве его дразнили, над которым смеялись, пожелтевший от табака, испещрён-

ный мелкими белесыми ниточками шрамов, потому что всегда что-то задевал, палец, который мужчина ненавидел и любил, хотел оторвать, откусить, спрятать или зашить в специальный чехол. Палец, о котором он придумывал различные небылицы: как он охотился на медведя, и тот оставил в его пальце свой коготь, или как он тонул во время шторма, отбиваясь от акулы, которая в свою очередь оставила в его пальце кончик острого зуба, и ещё много всяких историй. Палец этот был сейчас обожжён, поранен в нескольких местах и залит собственной запёкшейся кровью.

Мужчина поднялся с кровати и подошёл к окну. Светало. Серое зыбкое небо покачивалось совсем низко над тихой улицей, вдоль которой стояли покрытые росой велосипеды. По главной улице, не видной за домами, проехал, сотрясая воздух, мотоцикл.

Мужчина поморщился от боли, пошёл на кухню, взял с плиты чайник и долго жадно пил из носика холодную воду. Потом вернулся в комнату и стал рассматривать свой палец. Палец ныл, опух от порезов и сделался совсем невероятного размера. Пошевелив им, снова поморщился. Потрогал другой рукой – было больно. Он вернулся на кухню и подставил палец под холодную струю воды. Боль стала утихать и сделалась приятной.

Обмотав палец туалетной бумагой, подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрел мужчина неопределённого возраста, неприметной внешности с заплывшим глазом и оттопыренным красным ухом. На лице его вместо носа, маленького, ничем не примечательного, носа «сапжком» – красовался огромный белый, словно точёный из мрамора, великолепный орлиный клюв. За спину опускались, переливающимися синим потоком, два крыла, отороченные кристальной каймой чёрных обуглившихся перьев.

Мужчина повёл плечом, крылья мгновенно выпрямились, исчезла ванная, растворилась вместе с комнатой, кухней, домом и улицей с велосипедами в серо-синем пространстве, и он, выгнув шею так, что клюв устремился вперёд наподобие истребителя, взмыл вверх по траектории, напоминавшей параболу.

Облака, белой пеной обступившие светлеющее небо, засмеялись, и забавы ради начали превращаться в различных животных.

Мужчина летел, сжимая кулаки. Ему казалось, что если он разожмёт пальцы рук, то полёт прервётся, жизнь остановится, и этот бездонный синий цвет, наполняющий мир, исчезнет навсегда.

С каждой секундой он летел всё увереннее и спокойнее. Нелепый, как ему вначале показалось, клюв вместо носа больше не мешал ему. Крылья свободно держали его в пространстве, и он постепенно разжал

кулаки без опасения, что синий цвет исчезнет. Его больше не беспокоил заплывший глаз, оттопыренное ухо, не мучила жажда.

А главное, палец, его уродливо-огромный большой палец правой руки оказался ни больше ни меньше, как центром управления полётом. Это был мотор, парус и навигатор одновременно. Вот для чего, оказывается, дан ему этот палец! Счастье переполнило мужчину, отчего полёт его сделался ещё более стремительным и ловким.

Когда под вечер крылья принесли человека домой, ему показалось, что там кто-то побывал. Всё находилось на своих местах, и в то же время неуловимо чувствовалась перемена.

Он подошёл к плите, попил из чайника воды и поставил вариться суп. Пока тот варился, вернулся в комнату – до потолка она была залита радужным цветом. Цвета были повсюду, они двигались, большие и маленькие, холодные и тёплые, шептались и смеялись, звучали разными голосами.

Когда он вошёл, все, как по команде, выстроились в чёткие шеренги. Каждый точно знал своё место и роль. Цвета зашевелились и стали превращаться друг в друга. Он наблюдал за их игрой, пока в голове не прозвучал хлопок, похожий на выстрел: «Стоп», – воскликнул он. Всё затихло и остановилось. «Спать», – сказал самому себе и лёг в постель.

Наутро, проснувшись, долго бродил по городу, по-весеннему прохладному и тёплому одновременно. Крылья аккуратно укладывались под пиджак, а на клюв, как ни странно, никто не обращал внимания. Его просто не замечали, также, как не замечали огромный большой палец правой руки.

* * *

Наступило лето. Комната мужчины наполнилась огромным количеством нового цвета. Он удивлялся, как могла уместиться в его крохотном жилище целая армия цвета. Он не замечал, что комната его стала больше и продолжала увеличиваться с каждым днём.

Клюв и крылья совсем прижились к телу, он перестал замечать их присутствие, равно как и свой большой палец. Иногда он летал, иногда нырял в воду, со всего размаха падал со скалы в пропасть, в последнюю секунду резко взмывая вверх. Это было смешно и весело. Ни с людьми, ни с птицами он не общался.

Однажды, ближе к осени, мужчина заглянул в парк, что был неподалёку. Редкие гуляющие выводили на поводках собак. По стволам деревьев бегали суетливые белки. Их было больше, чем людей.

Мужчина шёл, не глядя на прохожих, как вдруг боковым зрением обнаружил нечто странное, настолько странное, что пропустить это не представлялось возможным.

На низкой ветке дерева сидела большая птица с женским лицом, поворачивая голову из стороны в сторону. Из её хвоста торчало несколько ярких длинных нелепых перьев. На голове был маленький оранжевый беретик. Сама же она была довольно скромного оперения.

Яркие перья на хвосте птицы показались мужчине вызывающими. Его охватило внезапное раздражение, переходящее в ярость. Он хотел быстро пройти мимо, но птица в беретике улыбнулась – ему от этой улыбки неожиданно стало тепло, и он бессознательно шагнул ей навстречу и тоже улыбнулся.

Птица, хлопнув крыльями, тяжело взлетела, но улыбка её осталась на ветке. Мужчина зашагал прочь вдоль аллеи, улыбка последовала за ним, дошла до дома, вошла, направилась на кухню, попила вместе с ним воды из чайника, прошла в ванную, почистила зубы, потом легла рядом, тихо и мягко прижавшись к нему под одеялом, не снимая оранжевого беретика.

Проснулась улыбка рано и, когда мужчина встал, была уже везде, заполнив собой всё пространство. Была даже в тёмном чемодане под диваном, в старом цветочном горшке, треснувшем в нескольких местах и перевязанном верёвочкой. Цветок, непонятным образом, продолжал в нём своё земное существование, несмотря на отсутствие ухода.

* * *

С того дня мужчина стал часто навещать парк, проходя, словно ненароком, мимо ветки, где увидел однажды птицу-женщину в оранжевом беретике. Если бы он встретил её, он бы сказал: «Здравствуйте, Вам уже говорили сегодня, что вы прекрасно выглядите?». Она бы удивлённо взглянула на него и промолчала. А взгляд её был бы грустным-прегрустным, потому что она ведь оставила на ветке свою улыбку. А он бы продолжил: «Отчего вы так грустны? Уж не обронили ли чего на этой ветке? Не волнуйтесь, Ваша вещь у меня, я подобрал её и сохранил. Пойдёмте со мной, здесь совсем недалеко. Вы получите свою улыбку назад».

Так он думал всякий раз, проходя мимо дерева, но больше ни разу не увидел птицы-женщины в оранжевом беретике.

И цвета в его доме перестали слушаться. Они померкли, путаясь под ногами и больше не подчинялись ему. Он пил воду, летал, нырял,

надолго уходил из дома и возвращался, теребил свой большой палец, стучал клювом в окна и стены, хлопал крыльями, но всё напрасно. Цвета, разбредясь, гудели. От этого гула во рту становились сухо, в середину головы от самого темечка проникало горячее острое жало, но не разливалось по телу, как прежде, прозрачным серебристым светом, а скатывалось к ногам металлическими стружками, отчего ноги, наливаясь тяжестью, немели и плохо пахли.

[117]

Мужчина уже почти не спал, но глаза открывать не хотелось. Он лежал на кровати, натянув на голову одеяло. Наконец, он всё-таки приоткрыл глаза. Был грязный, мутный серый полдень. Небо повисло ключьями на мокрых ветках деревьев. Давно неубранные листья валялись вдоль тротуара липкими гниющими кучами, заполняя в подъезды, прилипали к подошвам и, поднимаясь по лестнице вместе с ботинками, проникали в квартиры.

В комнате было темно. Цвета расползлись по углам, повиснув сероватыми хлопьями на стенах, зацепились за «бабушкину» люстру, оставленную прежней хозяйкой, и болтались, раскачиваясь, касаясь пола, время от времени срыгивая по-детски зеленоватую кашу.

Холодные батареи противно гудели, напоминая о неизбежности зимы. Хотелось пить и курить, даже не курить, а сосать кислый потемневший окурок, сосать до изнеможения, до сведения скул, пока в мозгу не начнёт пульсировать, нарастая крошечными иголками, мысль. «Какая?» – Любая. Вздрагивающая, как раздавленная агонизирующая мышь, но не подышающая, а чудесным образом становившаяся крепче, обретающая ясную форму, цвет и звук, пока не забьёт громко в маленький детский барабан, затрубит в трубу: «Папа, вставай!»...

Мужчина окончательно проснулся. Слабый свет пробивался в окно. На табуретке сидела она – женщина-птица в оранжевом беретике. Она сидела, заложив ногу за ногу, улыбалась и курила. Из-под плаща смешно высывались длинные перья.

Он смотрел на неё и пытался вспомнить, как давно она здесь сидит, и как она сюда попала. И вообще, кто это? Но знал точно, что эта женщина-птица – часть комнаты, и этого города, и его самого, и всей его жизни. Она давно, теряясь среди красок, рассыпалась солнечным зайчиком по обоям, пряталась в чайнике, когда он пил воду из носика.

«Так вот почему по утрам его всегда мучила жажда, и он никак не мог напиться! Вот кто привёл его цвета в хаос, сломал, перепутал хрупкие сетки, так ловко и точно связанные в единый пластичный шар, заполнявший его дом и принимавший любые формы, всегда оставаясь шаром!»

Злоба наполнила его тело. Синие крылья раскрылись и с хлопающим звуком начали крушить стены комнаты. Оконное стекло со звоном посыпалось на улицу. Голова мужчины чуть запрокинулась назад, клюв стал расти, задевая «бабушкину» люстру, проткнул потолок и продолжал удлиняться. Когтистые лапы сомкнулись вокруг невидимого предмета, медленно сжимаясь и разжимаясь. Они искали сердце очередной жертвы.

«Вот же оно – сердце внутри женщины-птицы в оранжевом беретике. Так близко и доступно вместе с ней, закинувшей ногу на ногу, курившей свою нескончаемую сигарету. Но, чтобы поразить жертву, нужно сначала взлететь высоко и сделать несколько кругов. Нет, он не сможет обнять сердце, которое находится рядом!»

Тогда, собрав силы, он резко подпрыгнул и воспарил над городом, полетев над полями. Он впервые увидел реку сверху, удивившись, какая она изгибистая, похожая на бесконечную змею. Его синие крылья сливались с небом, и только чёрная окантовка обгоревших кончиков перьев очерчивала в небе силуэт большой птицы с огромным мраморным клювом на белой голове.

Он летел всё выше, удаляясь от города с его прелыми листьями и велосипедами вдоль улиц, где в одном из домов на табурете сидела женщина-птица в оранжевом беретике, улыбаясь ему вслед.

Январь, 2019 г.

СКАЗКА ПРО САХАРНОГО МАЛЬЧИКА

Один мальчик очень любил сладкое. А мать прятала от него все конфеты и леденцы. И даже запрещала пить чай с сахаром. И так он страдал от этого, что только о сахаре думал – ни о чём другом больше думать не мог.

Бывало, пока никто не видит, заберётся с головой в мешок с сахаром и сидит так целый день. А сахар в него потихоньку впитывается. Спустится мать в подвал за сахаром – варенье варить, а на полу пустой мешок валяется, только на самом дне и по краям несколько белых хрустящих песчинок застрянет.

«Где сахар?» – спросит мать. А ответа нет. Нет сахара. Растворился. Мать покупает новый мешок сахара. И так повторялось несколько раз в год.

Мать рассказала соседкам. Стали те за своим сахаром присматри-

вать, но ничего подобного у них в доме не происходило. Вот и стали думать: «Что-то здесь неладно».

А мальчик, знай себе, в очередной раз в сахарный мешок заберётся и сидит тихо, ждёт, пока сахар в него впитается.

Однажды пришла мать поздно с работы, а мальчика нет. Она сначала подумала, что он с друзьями, и решила пока не волноваться. Стенело совсем. А мальчик не возвращался. Испугалась мать, стала по соседям расспрашивать, но никто мальчика не видел.

Пошла по всему дому искать, заглянула в подвал, а там в темноте что-то светится и всеми цветами радуги переливается, то ярче вспыхнет, то замерцает тускло или маленькими огоньками, как звёздочками рассыпается.

Подошла мать ближе и увидела огромный леденец. Присмотрелась, а это её сыночек в леденец превратился. Стала мать кричать и плакать, а леденец сидит неподвижно в углу и, голову, руками обхватив, на колени опустил. Ну, точь-в-точь, сыночек её, когда она от него сладости прятала.

Подошла мать к нему, хотела обнять, а он липкий, не дотронешься, сразу таять начинает.

Стала мать плакать пуще прежнего, да так, что слёзы ручьями из глаз прямо на леденец потекли. Так она всю ночь до утра над леденцом проплакала и не заметила, как заснула. И во сне продолжала плакать.

А слёзы её солёные сахар растворили, и леденец снова в мальчика превратился. Обрадовалась мать, стала теперь от счастья несказанно плакать и сыночка своего обнимать и целовать. А он показался ей сладким-пресладким, хоть весь сахар из него вышел, только радость одна осталась.

А радость во стократ всякого сахара слаще.

Январь, 2019 г.

В ЛЕСУ

Уже ль до гробовой доски
Я буду вспоминать,
Как ты стирал в ведре носки
И не давал мне спать?

Как ты рычал и хохотал,
Пугая сонных мух,
И с легкостью в себя влюблял
Молодок и старух?

С утра заваривал чаёк,
Серьёзно – долго пил.
А я лежала, как брусок,
Средь вырытых могил.

Как я хотела умереть!
И как хотелось жить!
Седую включенную шерсть
Враз выпустить из жил.

Подняться в рост и побежать,
Ломая бурелом.
Кобылой белой поскакать
К опушке напролом.

Забрезжит дальний огонёк.
Над озером – урман.
Присядем на сырой пенёк... –
Осколки дальних стран

Закружатся в рассветной мгле
Лоскутным миражом.
И снова мы, как нить в игле,
Окажемся вдвоём.

Ещё клубится над мостом
Серебряный туман.
Давай оставим за холмом
Наш вековой обман.

Давай присядем у воды,
И, не касаясь рук,
Мы без предчувствия беды
Закончим этот круг.

Рассвет, мой друг, прозрачный свет
В ладони наливай!
А ты иди и сотни лет
Меня не узнавай.

[121]

Январь, 2019 г.

БЕРЛИНСКОЕ МЕТРО

Здесь можно встретить пьяного поэта,
Усарых тётюк, юношей в трико.
Мужчин в ажурных розовых штиблетах...
И это всё – берлинское метро.

Араб, прильнувший к трубке телефона,
Как будто пьёт в пустыне из ручья.
Седой старик в поношенных кальсонах
Познать стремится тайну бытия,

Не забывая попросить при этом
На бутерброд с копчённой колбасой...
Здесь каждый миг, скажу вам по секрету,
Наполнен ветром, солнцем и росой.

Его почуять – это ли не чудо?
В раскате звуков, скрежете колёс
Я вас люблю... Я до рассвета буду
Лететь вперёд, катиться под откос.

И слушать, так похожий на кандалный,
Неспешно приближающийся звон,
Привычный голос: «Zurück bleiben!¹».
...«ZURÜCK BLEIBEN!»...
По кругу едет новенький вагон.

Берлин, 2018

В ПУТИ

Сколько лет ты совсем одна!
Сосчитать бы, сколько лет.
Над дорогой дрожит луна.
В изголовьи висит портрет.

Это дедушка старый мой
Охраняет меня в пути.
Сотни лет я иду домой.
Сотни вёрст мне ещё пройти.

Сколько солнц надо мной взойдёт,
Натянув ненасытность струн?
Серебро надо мной прольёт
Сколько ласковых добрых лун?

Берлин, 2018

ДОМ

*В нас поселяются дома,
в которых мы жили когда-то.*

Я видела дом, увитый плющом,
Где мы на пороге стояли вдвоём.
Вдоль озера – сад, и в нём – виноград,
Гранатовых яблок дневной звездопад.

Опустится ночь, и вспыхнет рассвет.
Прольётся над озером розовый свет.
И дом этот старый появится вновь.
В покинутых комнатах бродит любовь.

В разбросанных по полу пыльных альбомах,
В поблекших портретах чужих, незнакомых
И в залитых солнцем каминных часах
Любовь поселилась, от мыслей устав.

Берлин, 2014

ЛЕНИНГРАДУ

Нигде я города не вижу,
Он потерялся среди домов.
Какие Римы и Парижы
Ведут с тобою диалог?

Я в этом городе бродила.
Теперь блуждает он во мне.
Его невидимая сила
Зажгла огни в моём окне.

Взорвалось яростно и звонко
В моей душе его тепло.
Я снова – там, где я ребёнком
Смотрела в мёрзлое стекло.

И в ожидании капли
Листала дни календаря.
За окнами синицы пели,
Светлей казались вечера.

Нигде я города не вижу,
Он растворился в проводах.
А я бегу на красных лыжах
Вокруг замёрзшего пруда.

Берлин, 2018

ЧЕТВЁРТАЯ ВЕСНА МАРИКА ЛИФШИЦА

У вас в Атланте расцвели нарциссы.
У нас в Берлине крокусы цветут.
А в Тель Авиве – роты кипарисов
Вдоль набережной медленно бредут.

В Санкт-Петербурге, то есть в Ленинграде,
Идут дожди одной сплошной стеной.
На Красной Площади в торжественном параде
Гарцует конь по гулкой мостовой.

[123]

Д и П / 2019

Марина Овчарова

Мы с Мариком сидим и смотрим нежно
Назад в те дни, когда стена дождей
Казалась самой сладостной надеждой,
А самый серый из осенних дней

Был до отказа счастьем переполнен,
Росой жемчужной ласково омыт.
Ты вспомни, Марик Лифшиц, просто вспомни,
Как колокольчик на лугу звенит!

Марк, подавив с трудом зевок случайный,
Преодолев стремление ко сну,
Поведал мне свою большую тайну
Про юную четвёртую жену.

Берлин, 2016

¹ *Проходите назад (нем.)*

**Масуд
Панахи**
СОКУРСНИКИ

[125]

Ди П / 2019

На стене – галерея из фотографий. Счастливая пара прижалась друг к другу, она – в белом, свадебном наряде, он – во фрачном костюме. На другом фото – они же, влюблённо глядят на младенца в колыбели. Дальше, на фоне детского садика, – малыш в очках с плюшевым медвежонком. В рамке снизу – тот же мальчик с портфелем, возле таблички «Школа №157». Рядом, в большой рамке, – взрослый парень с товарищем. Оба смотрят в камеру. Вот, на стене выцветшее место от висевшей когда-то фотографии.

Интерьер комнаты: диван, кресло, напротив – телевизор, над ним плакаты с изображением Тома Джонса и Артура Брауна, выше ещё один с четвёркой известных парней из Ливерпуля.

За столом – мужчина средних лет, в измятом костюме и рубашке, но при галстукке. Из круглой вазы свисает увядшая роза на длинном стебле.

Не отрывая взгляда от «хенди» старого образца и очков в круглой оправе, мужчина медленно раскачивается. Брошенный взгляд на часы: кажется, что секундная стрелка давно остановилась. Он глубоко вздохнул. Вдруг пронзительно зазвонил «хенди» и, вроде бы, пополз по столу.

– Привет, привет, – улыбка озарила его лицо. – Я тоже, – он напрягается. – Где? Ты помнишь? Как называется? Конечно, найду. – После небольшой паузы, – ну заказывай. Я лечу.

Официантка ставит на стол полную стопку, наливает пиво в фужер, улыбается гостю. Посетитель рассматривает на свет содержимое стопки и улыбается в ответ, предлагая присесть рядом.

– Нельзя, – говорит она.

Он провожает её долгим взглядом.

– Ну, будь здоров! – Ставит пустую стопку на стол.

К столу приближается мужчина. Сидящий, приветствуя его, встал. Они обнялись:

– Садись, – повернулся в сторону официантки. – Прошу вас.

– Момент, сейчас подойду.

– Привет, Игорёк! Давно не виделись.

– Да, до переселения прошло уже тринадцать лет – отвечает пришедший.

– Чёртово время, летит, как угорелое. Ну, рассказывай, чем занят?

Игорь смущённо смотрит на сокурсника:

– Семьи у меня нет, не везёт.

– Как это, не везёт? Приличную бабу найти не можешь? – горько усмехнувшись и пожимая плечами, произносит собеседник.

– Павел, лучше расскажи о себе. Выглядишь, как местный, не различишь.

Официантка снова подошла к столу:

– Чего ещё желают господа?

Павел, обращаясь к Игорю:

– Есть будешь?

Тот отрицательно кивнул.

– Ну и девка, ништяк. Тебе – такую бы?

– Не надо, вдруг поймёт? – произносит Игорь.

– Не понимают они ни хрена, – сказал Павел. – Обратился к официантке на ломанном немецком языке, – через десять минут, повторите всё то же.

Она грациозно направилась к стойке.

– Добрая бабёнка. Давай, для начала, тяпнем за встречу, – весело произносит Павел.

Он стал рассказывать, как оставил Ленинград, друзей, жену и всё прошлое.

Зная своего собеседника со студенчества, как весёлого, непринуждённого рассказчика, Игорь внимательно слушал, замечая, как Павел также рассматривает его.

Перед Игорем сидел его сверстник – мужчина крепкого телосложения, с гладко выбритыми широкими щеками, с утопленной в ухе серьгой, запястье сжимали массивные золотые часы, палец был обвит крепким, тяжёлым перстнем. Белоснежную рубашку украшал пёстрый галстук, поверх неё – кожаный, жёлто-коричневый пиджак Из задумчивости Игоря вывел уверенный, кряжистый голос друга:

– Выпьём! За нас.

Пропустили ещё по стопке.

Игорь спросил:

– Как ты оказался в Ленинграде? Помню, ты жил на Сретенке?

– Верно, чёрт меня дёрнул жениться, – ответил Павел. – Маринку помнишь? Параллельный курс. Жили в одной комнатке, работал как лошадь, допоздна.

Бабой она оказалась капризной, думаю, ты знаешь их. Вхожу как-то в дом, – она в коридоре, руки скрестила на груди, как статую, молчит. Разделся, пальто на вешалку, сумку на тумбочку, надел шлёпанцы, а она: «Молока нет». – Я взглянул на неё: «Что, совсем офигела? Не могла минутой раньше?» Взял авоську, и в шлёпанцах – в магазин, в мороз. У входа встречаю Ирочку. Да, ту Ирочку. Она, после окончания в Ленинград переехала. Поговорили немного, а она мне: «Брось всё, поехали со мной, там у меня есть всё». Сели в такси, и – на вокзал, в Кронштадт. Жили неплохо, потом – началось, ребёнка захотела. Сбежал и от неё. Вот, дружище, теперь – я здесь. Курсы закончил. Стал маклером, – могу помочь «купить-продать».

Павел опустил глаза, на лице ненадолго промелькнула грусть:

– Захочешь, могу и тебя продать богатой вдовушке, постарше лет на двадцать. –

Он громко расхохотался. Что-то вспомнил. Посмотрел на дверь кафе, – давай, тяпнем.

У двери кафе, прислонившись к косяку, курила официантка. Следила за посетителями, предпочитающими дворик. Взгляд её замер, улыбнулась, погасила сигарету и исчезла за дверью. Появилась с подносом. Разлила остатки спиртного и отошла.

– Вижу, она тебе понравилась. Знаешь, чтобы найти нужную женщину, надо знать таблицу, куда это приведёт. Независимость – это привилегия избранных. – Павел достал из внутреннего кармана блокнот. – Покажу тебе наглядно. Такой совет имеет определённую цену, но мы, ведь, друзья.

Он стал писать в блокноте:

«Чтобы найти нужную женщину, необходимы две вещи:

Время и Деньги.

А это значит.

Женщина = Время x Деньги.

Но,

Время – это Деньги.

Значит:

Время = Деньгам.

Поэтому:

Женщина = Деньги x Деньги.

Или

Женщина = (Деньги)²

Игорь нахмурено смотрел на этот маленький блокнот. В стёклах его очков отражалась рука друга, решавшего математическим путём проблему мужчины и женщины, предсказывая другу его будущее.

Итак:

Деньги являются корнем всех проблем:

Деньги = √(Проблема)

Соответственно:

Женщина = √(Проблема)²

Следовательно, извлекая корень, что остаётся?

Женщина = Проблеме.

– Ты всё понял? Вижу – понял. Но без этого жизнь скучна. – Он протянул листок Игорю, – Береги. Пройдёт время, будешь благодарить. – Посмотрел на часы, разведя руками, – ну, дружище, мне пора. За мой совет со временем сможешь рассчитаться, – и он расхохотался. – Ну, давай, на посошок!

Выпили, протянув Игорю руку, он исчез за дверью.

Игорь посмотрел ему вслед и на мгновение задумался. Не заметил, как подошла официантка.

– Ваш друг оставил вас одного?

– Да, у него дела, – ответил он.

Чуть ли не с ужасом он взглянул на неё и прикрыл ладонью записку:

– Вы говорите по-русски? Извините, за слова моего друга, – проворчал он.

– Я не помню, о чём он говорил, но кафе закрывается.

Оплатив счёт, несколько осмелевший после выпитого, Игорь предложил:

– Позвольте, я провожу вас?

Она усмехнулась:

– Я живу очень далеко.

– Это не имеет значения.

– Дома будут беспокоиться?

– Беспокоиться некому.

– Мне нужно двадцать минут.

– Не важно. А вы давно приехали??

– Двенадцать лет.

– Я тоже – один.

– И я...

Слабый ветерок закружил листок. Он замер, свисая с пепельницы.

Начало моросить, дождевая капля погасила дымок сигареты. Оставшиеся буквы гласили:

«Женщина +... =...» Бледно-голубые размытые буквы тонкой струйкой стекали со столика...

КРОВАВАЯ ЛУНА

[129]

Это случилось в разгар лета. Из-за бетонных небоскрёбов появилась голубой шар. Жители города готовились ко сну. В соседнем окне – дама у туалетного столика. Мужчина, направился к массивному столу, торопливо перебрал содержимое ящика. Ниже этажом, другой мужчина рассматривая что-то в сейфе, обернулся ко входу. Захлопнув дверцу, быстро спрятал коробок в кармане. Опустив плакат, драпирует им сейф. Обычная жизнь небоскрёбов.

Луна поднимается всё выше, и начинает багроветь. Слышится мужской голос:

– Алдакорра, взгляни, даже луна противится твоему уходу.

Парочка у автомобиля. Крепко обняв, он притянул её к себе:

– Может, останешься, – произнёс почти шёпотом.

– Не могу, – ответила она поцелуем. – Пора, он прилетит утренним рейсом.

Открыла дверцу автомобиля, бросила вовнутрь сумку...

– Когда встретимся? – спросил он.

– Я позвоню, – лаконично ответила она.

Вдруг что-то сверху грохнуло, дверь автомобиля резко открылась, и волной отбросила его в сторону. Она, по инерции, закрыла лицо руками. Звон разлетающихся стёкол нарушил ритм обычных звуков. Включился сигнал автоугона. Из приоткрытых окон послышался собачий лай и громкий возглас: «Звони в полицию».

Она не могла понять, что происходит – на руках не было ни единой царапины, они только дрожали. С крыши автомобиля медленно сползла безжизненная рука жертвы. Раздался истерический крик. В нижних этажах стали включать свет. Женщина не могла успокоиться, не переставая, кричала. Он тоже был растерян, по его щеке струилась кровь. Он обнял её, попытался оттащить от автомобиля. Вокруг них тесным кольцом собрались любопытные. Вспыхнули огоньки смартфонов и ворвался сигнал сирены. Под ногами тучного полицейского захрустели осколки стекла. Он снял шляпу и протёр платком взмокшую лысину. Затем заглянул в кабину, отключив сигнализацию. Повернулся к сержанту:

– Займись ими, – кивнул в сторону двоих и собравшихся любопытных. Девушка с микрофоном, пытаясь взять у них интервью, обратилась к оператору:

– Ты снимаешь?

– Прошу всех разойтись, – приказал полицейский.

Комиссар стал рассматривать труп, – тело провалилось в кузов.

– Ну, вот – ещё один самоубийца. Что творится с людьми? Запросто уходят из жизни.

Полицейский пытался определить с какого этажа выпал незнакомец, вес покойника, марку автомобиля, глубину вмятины, и высоту падения. Его внимание привлёк цвет луны:

– Ну и ну. Краснующая луна, вот так чудо.

Появился врач-криминалист:

– Что у тебя, Серж?

– Ещё один, утомлённый жизнью...

Мужчина всё ещё обнимал женщину, на вопросы комиссара она не реагировала.

– Как вы? – спросил комиссар мужчину. – Что произошло?

Тот мотнул головой, лишь произнёс:

– Бум...

Комиссар обратился к врачу:

– Ну, что, я прав?

Криминалист, указательным пальцем нажимал на тыльную сторону руки покойника, прошёлся по пальцам, проверил ногти.

– Нет, не прав. Смерть наступила не менее, чем четыре часа тому назад. Завтра, после экспертизы, узнаешь точно.

Сняв шляпу, комиссар взглянул наверх:

– Послушай, док, что случилось с луной?

Тот посмотрел на тёмное небо и отчётливо произнёс:

– Интересно. Это бывает крайне редко. Если мне не изменяет память, в некоторых культурах, это явление называется «Кровавой луной».

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»

Шумный кондиционер, приятно охлаждающий комнату, был истинной отрадой. Ибрагим и Джесика тут же повалились на прохладный кафель, взглянув в знак благодарности в мою сторону. Прикрыв глаза, оба замерли, и только их дыхание подтверждало, что старик и старуха

ещё живы. До вечерней прохлады оставалось время. Надо бы позвонить друзьям и знакомым: для встречи с каждым из них нескольких дней моего пребывания здесь может не хватить...

– Алло...

– Оооо... Привет! С приездом! Давно в наших краях?

– Нет, пару дней.

– А надолго?

– Дней на десять...

– Так мало?

– Так получилось. Надеюсь увидеться.

– Я тоже.

– Ну, до встречи.

– До встречи.

Отсутствовал почти год. Знакомые узнавали по голосу, редко приходилось представляться. Обзвонив многих, отправился к другу. После болезни состояние его улучшилось. Хотелось обсудить, куда поедем рыбачить. Не дождавшись вечера, решил спуститься вниз. От памятника Нариманову до памятника Ахундову, и дальше к памятнику Низами, а там рукой подать до бывшего ЦУМ-а, пару минут пешком обычно достаточно. Кот и его подруга взглянули на меня: «Он туфли надевает? С ума сошёл?» – и оба синхронно повалили головы на кафель. Захватив мячи, которые оставила дочь, вышел на улицу. Как будто, – в сауне, солнце палило беспощадно, шагал медленно. Рубашка взмокла. Протёр платком лысину, направился дальше.

Вспомнил, как дочь подарила поездку в Египет. Май месяц, плюс двадцать восемь, на майке – рубашка, а поверх – велюровый пиджак. Стоишь среди пирамид и ощущаешь приятное тепло. А в метро – все в белых балдахинах, и никакого неприятного запаха. Промелькнула мысль, что западная одежда не подходит для летнего времени в Апшероне.

Вокруг памятника Ахундову бегали детишки. Вынув оба мяча, подбросил в сторону памятника.

– Дядя, это нам?

– Вам.

– Ура-а-а!

Что может быть чудесней детской радости! В тени деревьев пенсионеры играли в нарды. Уставшая женщина, облокотившись на метлу, сидела на лавочке и протирала лицо платком. Я направился вниз по узкой улице в сторону парка Низами. Двое парней, преградив мне путь, вытаскивали из подвала манекен на тяжёлой стойке. Они хитро поглядывали друг на друга, придерживая фигуру за попку. Стройный мане-

кен с привлекательной улыбкой – в короткой юбке и с полуобнажённой грудью. И в этом китайцы преуспели.

– Что скажешь, шеф, стоит правильно?

Шеф оказался небольшого роста, с пухленьким животом.

– Ближе к стенке... Вот так хорошо.

Придя к выводу, что манекен теперь наверняка привлечёт нужных клиентов, они спустились обратно в подвал. Теперь пешеходы снова могли пройти по узкой улочке. Взглянув на большую куклу с застывшей улыбкой, в эротичном платье с декольте, невольно и я улыбнулся.

Когда дошёл до парка, подул тёплый ветер, который постепенно подсушил мою мокрую рубашку. По левую сторону парка, там, где раньше находился Дворец Печати «Азернешр» – образец конструктивизма первой половины тридцатых годов архитектора С. Пэна, теперь расположилась убогая многоэтажная автостоянка. А по правую сторону – великий Низами. Как он может с этим мириться?

Трагедия, настигшая моего друга, в действительности, – полнейший абсурд. Как Дон Кихот, боролся он с ветряными мельницами. После летних олимпийских игр у его сына нашли наркотики, обвинив по статье в их распространении. Нелепое обвинение, невероятное. Молодой человек, не имевший друзей, некурящий, непьющий, неплохо зарабатывавший, впервые в жизни познавший женщину и сразу женившийся на ней. Спутали с кем-то? Возможно, подставили? Или заказали? Для чего? Мой друг постарел за это время. Провалившиеся щёки, дрожащие руки, невнятная речь. В комнате было душно. Одевшись, спустились на улицу. После долгих поисков удалось найти адвоката. Вышли из канцелярии с готовым текстом – надо послать телеграммы в высшие инстанции. Первое почтовое отделение напомнило, скорее, забегаловку. Мужчина с молотком в руке колотил по доске. Молоденькая женщина извинилась: «Нет тока. Ближайшая почта выше памятника Нариманову».

В другом почтовом отделении кондиционер работал во всю мощь, в помещении была приятная прохлада. Когда подошла очередь моего друга, он протянул свой лист с текстом. Женщина в окошечке долго всматривалась в текст сквозь очки и, наконец, спросила:

– Кому Вы посылаете телеграмму?

Сдерживая негодование, дрожащей рукой он указал на первую строчку и прочёл вслух:

– Президенту Азербайджанской республики... Ильхам Алиеву...

Вдруг она вернула ему текст:

– Ты читай! А я буду писать, только не торопись.

Друг обернулся в мою сторону, готовый взорваться. Я приложил палец к губам. Бумага зашуршала в его трясущихся руках. Он положил текст на стойку и стал читать:

– Пре-зи-ден-ту Азер-бай-джанской рес-пуб-лики... Иль-хам Али-еву...

В зале было ещё несколько посетителей. Никто не обращал внимания на скорбившегося мужчину, читавшего вслух громким дрожащим голосом свою телеграмму президенту республики о помиловании сына.

Второе письмо необходимо было передать в президентский аппарат. Таксист подвёз нас прямо ко входу. Выяснилось, что всё просто – письмо необходимо бросить в специальный ящик.

– Дальнейшая судьба?

– Ждать.

Я хотел проститься, но услышал:

– Побудь ещё со мной.

Температура в квартире мало отличалась от уличной жары. Мы решили посидеть на веранде. Темнело, с моря дул лёгкий бриз, мы потягивали холодное пиво. Перед нами раскинулась панорама всего города. Вблизи телебашни зажглись огни трёх сооружений, где графически изображённая фигура с флагом перемещалась от одного здания к другому, временами сменяясь изображением огня, и так всю ночь. Государственный флаг из-за отсутствия ветра висел длинными вертикальными складками на своей высокой мачте, вышка на бульваре показывала тридцать восемь градусов. Мы старались говорить обо всём, не затрагивая того, что нас больше всего волновало. Некоторые архитектурные сооружения выглядели даже удавшимися, другие придавали городу чуждый облик, похожий на строительный стиль тех пяти арабских стран, чьи футуристические сооружения превзошли новизной дизайна даже европейские страны, что особенно удивительно, если учесть, что города эти были построены в голой пустыне всего за несколько лет. У нас же зарождался своеобразный, особый стиль в архитектуре, живописи, литературе и музыке. Только не превратился бы город в будущем в каменный лес.

Поздно. Друга клонило ко сну. Попрощавшись, медленно зашагал тем же путём домой. Обычно, в это время, народ стремился в сторону бульвара, но широкая улица оказалась не многолюдной. Встречи знакомых на улице стали редкостью: кто умер, кто-то эмигрировал, кто – постарел, а кто-то просто не выходит больше из дома, как мой друг. Проходя мимо Монолита, увидел знакомое лицо.

– Вот так сюрприз! – сотрудник киностудии.

Стал жаловаться, что фильмы почти не снимают, студия опустела,

почти никого не осталось. Строительство новой студии – иллюзия. Продадут то, что осталось от участка, или построят новую автостоянку. Искусство здесь больше никому не нужно. Больно. Многие годы я снимал здесь фильмы, преподавал и после длительного перерыва, с новым опытом, мечтал передать новому поколению режиссёров и постановщиков свои знания. Видимо, это останется мечтой. Я шёл, задумчиво переваривая услышанное и увиденное за день. Отвлекли меня вышедшие из-за угла подвыпившие собутыльники небольшого роста. Поддерживая друг друга, обсуждали что-то серьёзное. Вдруг один из них замер на месте.

– Что... случилось? – покачиваясь, спросил его товарищ.

– Ай, мужик, ты то...то...лькo пос...мотри, что... , что за... за джа... аник¹ стоит.

– Г.. где?

– Т... там... с...тоит.

Теперь и второй заметил стоявший невдалеке манекен. Падающий свет от уличного фонаря слегка освещал фигуру, голова же была в тени. Стояла фигура одиноко, с грустной улыбкой. Видимо, хозяин забыл занести манекен обратно в подвал.

Собутыльники, пошатываясь, подошли поближе. Голова второго свисала на грудь. С трудом посмотрев на безмолвную фигуру, он заключил:

– Пойдёт! К...к...красивая, – икнув, снова опустил голову.

– Де...вичка! А... девичка... Си... нами хочешь по...пойдёшь? – спросил первый.

Последовало молчание.

– А? Что... сказала?

– А... не говорит. С...про...шу ещё раз.

Покачиваясь, он стал рассматривать манекен снизу, мотнул головой, нагнулся ещё ближе к стройным ногам, напоминающим ножки всемирно известной манекенщицы Наоми Кембелл, и, привстав, повернулся обратно к своему приятелю.

– Братан, ты...ты только пос...мотри на её ноги – это же кожа да кости.

– С...кажи – кушать нн...надо, а то умрёт!

– Правильно говоришь, – отозвался первый, повернувшись к манекену. – Мой бра...тан искажал – гушат надо, ми...ного гушат надо, нога будит толсти.

Лёгкий ветерок всколыхнул платье манекена. Второй не поднимал головы. Казалось, он уже засыпал.

– Пошли, брата...н. До свида...ния, девич...к...ка.

Первый сунул руку в карман брюк и стал напряжённо там что-то искать.

– Сы... час, сы... час...

Наконец он достал пару скомканных манатов² и гордо протянул в сторону манекена.

– Вот, не... не надо ис...казат испас...ибо, купи гушат.

Невольно помахивая деньгами перед куклой, он сделал шаг вперёд и сильно пошатнулся. Друг подхватил его, и в этот момент ему удалось вручить купюры неподвижному манекену.

Покачиваясь, они зашагали в сторону парка. А манекен с улыбкой смотрел вслед этим двум весёлым, ночным котам. Ветерок кружил денежные банкноты вокруг стройных ножек. Сделав пару шагов, первый обернулся.

– Браток, смотри, подруга подошла.

– Где? – второй остановился, и, напрягая свои зрительные органы, стал всматриваться в сторону манекена. – Ещё две подруги подошли.

– А теперь они ушли, ... и опять подошли... Почему такие ножки тонкие у них, как спички?..

– Такая мода. – И уже громко в сторону манекена, – Не забивай гушат ку...пи. Умират будиш...

Оба весёлых друга исчезали в темноте постепенно, и только отголосок их разговора доносился ещё какое-то время:

– Человеку подобное перед сном харам³, правду говоришь.

На улице наступила тишина. Я посмотрел в сторону манекена. Лёгкий ветерок всколыхнул листья деревьев, и, проскользнув падающей тенью по торсу, слегка приподнял краешек платья. Денежные купюры закружились у её ног. Мне показалось, что девушка вдруг ожила и едва заметно показала мне на прощание кистью полуопущенной руки. Горюд тысячи и одной ночи.

Дома, приподняв хвосты, Ибрагим и Джесика проводили меня на кухню. Джесика пискливо мяукнула, приподняв голову и указывая на холодильник. Ибрагим никогда не просит, настоящий джигит, а после кастрации перестал и мяукать. Наполнив кормушку кошачьим деликатесом, я решил посидеть на балконе. Из-за горизонта появился громадный апельсин. В гавани стояли несколько кораблей, и, чем выше поднимался оранжевый шар, тем меньше становились их отражения. Из кухни, насытившись, вернулись хозяева квартиры. Ибрагим – молчаливый тип. Джесика же мяукнула, что означало «спасибо». Мы посмотрели друг на друга. Выглядела она грустной, предчувствовала что-то недоброе. Потом оба они уснули на стульях, временами подёргиваясь. Видимо, снились им юные годы, когда они носились по крышам, рез-

вились, играя во дворе. А когда хозяйка уходила на работу, приглашали соседских котов угоститься заморской едой. Вот было время!

Я посмотрел наверх. Полупрозрачное облако медленно накрывало луну, и едва заметным движением, будто кивком, дало мне знать: «И ты иди...»

Сделав последнюю затяжку, я включил кондиционер и лёг в постель. Долго не мог уснуть, несколько завидуя тем двум весёлым типам, которым наверняка снится одинокая молчаливая девушка. Взял мобильный телефон, надел наушники, послушался мугам⁴. Женщина пела о любви, о городе. Стало клонить ко сну. Доносились слова: «Люблю тебя, мой красивый Баку».

КОНВЕРТ

– Алло... кто есть дома? – Из соседнего двора послышался лай собаки.

– Наверное, на работе?

– Так уж все на работе?

– О чём пишут в газетах? О безработице.

– Врут!

За соседней оградой раздался мужской голос:

– Вам кого?

– А вот и один из безработных! – произнёс мой друг.

– Здравствуйте, мы ищем...

Скрипнула калитка. Появился молодой парень. Увидев на обочине машину, направился в нашу сторону.

– Добро пожаловать, их нет дома, скоро вернутся, но вы можете подождать у меня.

– Мы здесь – в поиске озера.

– А... рыбаки? Пойдёмте в сад, попьём чайку, потом я вам покажу дорогу.

– Спасибо. Нельзя ли сначала показать путь, а чайку попьём как-нибудь в другой раз.

– Не отказывайте, – указал руками вверх. – Он послал ко мне спутников. Дайте совершить богоугодное дело.

– Хорошо, уговорил! Только – стакан чая.

Друг, показывая рукой на небо:

– Думаю для Него количество стаканов значения не имеет.

Посмеявшись, вошли во двор. Собака, увидев хозяина, вильнула хвостом и повалилась на землю, в тень дерева.

Ухоженный сад, свежавыкрашенный дом. В деревнях дома мало чем отличались друг от друга. Чаще – двухэтажные. Летом люди проводят время в верхних этажах, зимой – в нижних. За домом – сарай. Собака, обычно, – на привязи, оберегает скотину от диких животных. Поднялись на веранду. Самовар тихо попухивал.

Так мы познакомились с Ризваном, позже подружились. Через неделю он уже ждал нас у ворот, мы забрали его и поехали на озеро. Место понравилось. Лес, ручеёк впадает в озеро, можно раков наловить. Хороший клёв, а самое главное – безлюдно. [137]

Под вечер погасили костёр. Мангал и рыбные снасти – в машину. По дороге рассказывали что-то абсурдное, все мы как весёлые дети, хохотали.

Заехали во двор. Кто-то из соседей позвал: «Ризван, ай. Ризван, зайди ко мне».

Быстрыми шагами он направился к соседу:

– Иду, дядя Сулейман. Сейчас.

Сидя на веранде, покуривая сигарету, мы любовались панорамой деревни:

– Это настоящая деревенская атмосфера. Собаки лают, коровы мычат, петух кур сзывает, где-то рядом заливаются соловей.

Вспомнили Есенина. Издали раздался протяжный звук зурны.⁵

– Вот тебе и Есенин, про зурну-то он забыл. На веранде появился хозяин дома. Друг решил над ним подтрунить:

– Слушай, Ризван! Что это у вас за музыка? Народный ансамбль концерт даёт?

– Нет дорогой, эта зурна сзывает всех на свадьбу. – Он остался доволен своим ответом.

Друг приложил руку к груди:

– Без меня! Я должен прилечь, устал, и вообще, я – болен!

– Ты на озере дрова рубил, камни ворошил?

– Да подождите вы оба! А причём тут мы?

– Вся деревня участвует у Казым кишиб на свадьбе, отказаться невозможно.

– А что, он из крутых?

– Нет. Я забыл! Сосед напомнил, в деревне всем известно, что у меня гости. К тому ещё, почётные.

– Надо было на день позже приехать?!

– Теперь поздно.

– Но мы их не знаем.

– Но вы знаете меня!

– У нас нет подарков?!

– Это не имеет значения! Самое главное – есть конверты. Деньги, вот и подарок.

– Мой друг, у тебя есть конверты?

– Да!

– Жаль!

На улице поставлена громадная палатка. Двое молодых ребят у входа вежливо пригласили в брезентовый зал. К нам с протянутыми руками подошёл пожилой мужчина.

Ризван:

– Наш староста!

– О... каких гостей ты привёл. Проходите, проходите – вот ваши места.

Усадил нас на первый ряд. Гости кивали нам. Друг не выдержал:

– Слушай у меня такое ощущение, что кто-то из нас женится.

Молодой человек с подносом, принёс пиалы с Питьей⁷ и пожелал приятного аппетита. Она оказалась вкусной, даже друг признался, какую вкуснятину мог бы упустить.

Национальное трио демонстрировало своё искусство. Певец с микрофоном обратился к молодожёнам и исполнял для них песню о любви. Меня заинтересовал жених. Он был как-то скован, казалось, его принудили к браку.

– Ризван! Жених выглядит не очень счастливым.

– Видимо он стесняется. Он из соседней деревни.

– О родителях этого не скажешь.

– А он не их сын!

Мы оба посмотрели на него:

– Может племянник?

Ризван мотнул головой:

– Он им никто! – Заметив наше недоумение, продолжил:

– Знаете, друзья, это особенная свадьба. Здесь присутствуют жители двух деревень.

– Что такого особенного! Таких бракосочетаний – сотни.

Ризван рассказал нам про Казым киши и его супругу, тётю Зейнаб:

– Однажды приходит к нему наш староста, – Ризван незаметно указал пальцем на старосту. – Вы уже познакомились с ним. Это было обычное посещение. За чаепитьем, вдруг обратился к нему: «Слушай, Казым, а почему бы тебе не устроить свадьбу?»

Старика, словно током ударило, он злобно сказал: «Ты тоже постарел, свихнулся, ерунду несёшь». Жена Казыма, обратившись к мужу:

«Казым, как ты с другом говоришь, Бог не простит». «А ты, жена, слышишь здесь детский плач или смех? Как ещё он может меня наказать? Мало того, что друг, друг...» – не найдя слов, он махнул рукой. Тётя Зейнаб почувствовала в этом и свою вину, она грустно опустила голову, продолжая пришивать к рубашке пуговицу. Староста посмотрел на них: «Ты, Казым, прав, сначала выслушай своего друга! – Казым киши, облокотившись на свои колени, окунулся в раздумья. – В соседней деревне живёт юноша, Юсиф, с тринадцати лет он – сирота, очень прилежный, умный, почитает старших, в этом году заканчивает в центре зоотехническое училище. В нашей деревне живёт красавица Самира, дочь покойного Илгар киши». Казым медленно приподнял голову и стал следить за старостой: «Куда ты это ведёшь?» «Слушай дальше! Они любят друг друга, но у него нет денег на свадьбу. Вот теперь – твоя очередь. Устрой им свадьбу». В комнате воцарилась тишина. Казым киши, хотел что-то сказать, но староста продолжил: «Нет, нет. Ничего не говори, выслушай до конца. Даже слепому известно ваше многолетнее участие в празднествах. Более сорока лет вы бывали на свадьбах, на обрядах мальчиков, на похоронах и каждый раз прилежно опускали в ящик конверты. Годы шли, и мы все старели. Но Господь Бог лишил вас такой радости. Теперь наша очередь опустить конверт в твой ящик. Ну, соображаешь теперь?»

Казым киши посмотрел на свою жену. Крутанув указательным пальцем вокруг виска, взглянул на собеседника: «О каком ящике ты говоришь?» «Не беспокойся, палатку и еду я организую, люди помогут, да и ты сам. Зоотехника Юсифа я пошлю к вам, познакомьтесь поближе, жаль такого парня потерять: нашим деревням нужны специалисты. От поступивших конвертов оплатишь расходы на свадьбу, часть отдашь молодым, а остальное – возьмёте себе. Разве возможно ещё более богоугодное дело, чем эта свадьба?» Жена Казым киши сдержанно, боясь рассердить мужа, сказала: «Наконец-то мы сможем купить корову». «Видишь, Казым, женщины практичны, и своё молоко, масло, творог и сливки, а самое главное, – вы подарите молодым счастье и будущее. Кто знает, может, Всевышний готовил вас именно к этому дню».

Ризван не отрывал взгляда от нас, глаза его бегали, он не мог понять нашу реакцию: городские, они же ведь немного странные.

– Но, это же гениально, до такого надо додуматься. Налей, за это надо выпить.

Прошло пару лет, раздался звонок, сосед Ризвана сообщил, что у нашего друга скончался дядя, которого он очень любил. Сегодня сорок дней. Он упрекал нас за наше отсутствие: «Друзья познаются в беде».

– Но нам ничего не известно.

- Вам никто не сообщил?
- Нет! Почему он нам раньше не сказал?
- Не хотел вас тревожить.
- Мы приедем! Завтра.

Забрав Ризвана, поехали прямо на кладбище. Положили цветы на могилу, хотя мы оба не совсем верующие. Промолвили обычные, дежурные, слова, обращённые к Богу: «Всевышний, сжался над своим рабом, прости ему совершенные грехи, порадуй дух его, и забери его лёгким, как пух в своё царство. Аминь». У соседней могилы стояли другие родственники покойного, мужчина с палочкой, сторбленная женщина и молодая пара. Он держал за руку маленького мальчика, а женщина покачивала новорождённого.

Ризван заметил моё любопытство:

- Узнаёшь? Казым киши, тётя Зейнаб, Юсиф и супруга, Самира. А это – их дети? Да! Они давно живут все вместе.
- А кто покойник?
- Староста.

ОХОТНИК

Ноги, окутанные плотно сотканной, шерстяной тканью, облачённые в эластичные пастушьи чарыхи.⁸ Он медленно и обдуманно ставил ступни на выступающие скалы. Эта тропинка была известна только ему: «Кто не рискует, тот не найдёт свою тропинку», – так думал он, ступая по знакомым выступам. Вниз смотреть не надо. Волшебный овраг, магический голос, исходящий из глубины, притягивал его к себе: «Тебе нечего бояться, прыгай, ты узнаешь мою тайну и взлетишь орлом», – раздавалось эхом. И только голос отца, звучавший в ушах, удерживал: «Сынок, горы, как избалованная девочка, бросят привлекающий взгляд, но он так же быстро исчезнет. Мы рады видеть их, они нас – нет. Только твой разум является хозяином гор». Параллельно тропинке, в двадцати метрах возвышался гладкий массив, отвесная скала со странными узорами, небольшими выемками, которые уходили вниз, в ущелье. На вершине росли густо сбитые в кучу деревья. Он остановился – всего в двух шагах небольшая площадка, а рядом – обрыв. Он прислонил к скале ружьё, приблизился к краю хребта, стоя у фута,⁹ посмотрел вверх, вглубь долины.

Перед ним открылась панорама склона синих гор, покрытых седеной, ниже росла сочная трава. Зоркий глаз охотника быстро заметил на

склоне белое стадо пасущихся горных козлов и птиц, летающих в кустах. На лице появилась довольная улыбка, закрыл глаза, только губы шевелились. Охотничья молитва? Протянул руку к ружью, обнял его руками, как преданного друга, и замер.

Мирно пощипывая траву, стадо медленно спускалось к подножью, где начинался обрыв. Охотник, сидя на корточках в укрытии, терпеливо ждал, зная, почуют – ускачут за горы. А так хотелось сделать сюрприз гостям. Стадо было почти на середине склона.

Вожак с метровыми рогами вёл их всё ниже – там трава ещё сочнее. Вдруг остановился, перестал жевать, его верхняя губа поползла в стороны, обнажив белые зубы. Мотнув головой, глубоко втянул горный воздух. Посмотрел на остроконечные белые горы, покрытые туманом, и замер. Сделав скачок, оказался на ближайшей возвышенности, опять замер. Стадо, как по невидимому приказу, перестало жевать траву.

Охотник сидел с прижатым к груди ружьём, эта тишина беспокоила его: «Что с птицами, может быть волки? – Любопытство превысило терпение, выглянул. Стадо не двигалось. Понял: «Что-то за склоном, но что?» Стал рассматривать, но ничего подозрительного не заметил. Вожак фыркнул. Передняя нога поднята, он не решался её опустить. Вдруг резко топнул по бугру копытом, смесь травы и земли разлетелась по сторонам. Издал свист, прыгнул вниз и поскакал. Стадо – за ним. Видя скачущее на него стадо, охотник замер. Очнувшись, направил своё ружьё на животных, но тут же, оценив ситуацию, опустил его. Подобного он никогда не видел. Его охватило чувство радости и, вместе с тем – страх.

Послышался рёв мотора. Из-за тумана вылетела «железная птица». Вертолёт начал снижаться. Охотник понял – надо уходить. Быстро юркнул в своё укрытие, посмотрел на свою тропинку: «Нет, не успею, – и всем телом прижался к склону горы, распротёртыми руками крепко ухватился за выступы скал, – только бы не сбили». Выглядел он, как прикованный Прометей, который был обречён на мучения. Сердцебиение участилось, слившись с ритмом приближавшегося топота. Он что-то зашептал.

Раздались автоматные очереди. Закричал: «Сволочи». Ущелье вернуло эхо: «Сволочи, сволочи, сволочи». Тишину нарушал доносившийся топот копыт.

Вожак целеустремлённо вёл стадо к подножью, к обрыву. За ним скакали ещё несколько самцов и страхом охваченное стадо. Выстрелы продолжались, и по склону, кувыркаясь, катились козы. Первым подлетел к тропинке вожак, увидев охотника, отскочил в сторону. На тропинку влетел первый самец, заметив «двуногого», сделал прыжок в сторону

отвесной возвышенности, пролетел над оврагом, стукнувшись рогами об исцарапанный монолит. Шум прокатился эхом по ущелью, его задние ноги оказались в выемках, он оттолкнулся и полетел уже ниже, в обратную сторону. Звук, донёсшийся из оврага: «Тук, тук, тук», говорил о его приземлении. То же самое повторил второй самец, и третий. Охотник продолжал держаться за камни, лицо его было искажено страхом. Спирально закрученные рога оказались рядом с ним. Он не успел поднять ногу, столкнуть его, и вожак, зацепив его за портянку, поволок на своих рогах. Охотник болтался на них, висая головой вниз, то поднимался вверх, то опускался в пропасть. Острые камни рвали на нём шерстяной пояс, штаны и душегрейку. Стадо следовало за вожаком. Вертолёт приземлился, из него выпрыгнули двое, подхватив подбитого козла, с трудом занесли в вертолёт. Из машины появилась рука, указала на другого лежавшего козла. Затащили и его. Вертолёт поднялся, развернулся в сторону горы, дверца закрылась – на ней, под лучами солнца, сверкнула красная звезда. Вертолёт пролетел над долиной и исчез за горой.

Стало тихо, казалось, что ничего и не произошло. Только дюжина бело-красных пятен разбросанных по зеленой траве – лежали неподвижные горные козы.

Послышалось фырканье, неуверенно приоткрыв глаза, охотник заметил расплывчатые очертания головы: «Неужто моя лошадка, или я уже там?» – подумал он. Лошадь ещё громче фыркнула, стало ясно, что он – по ту сторону горы. Какое чудо – лошадь на привязи за кустом. Он попробовал приподняться, но крикнул от боли. Увидел удалявшееся стадо. Впереди гордо шагал вожак, мотая головой. На одном его роге висел небольшой кусок портянки. За ним следовало стадо и три молодых самца. В глазах охотника потемнело, в голове прозвучал голос: «Ты хозяин гор». Голова медленно упала на землю.

¹ Красавица, душа, душенька.

² Денежный знак Азербайджанской республики.

³ В священных книгах – «Запрет». Повеление воздерживаться от чего-либо: «И остерегайтесь прелюбодеяния, ибо оно – мерзость и мерзкий путь».

⁴ Один из основных жанров азербайджанской традиционной музыки.

⁵ Национальный музыкальный инструмент.

⁶ Мужчина или дядя.

⁷ Похлёбка.

⁸ Пастушки, специальной обработки, эластичные туфли.

⁹ Нижняя часть горы.

Михаил Пикер

ХОР

[143]

Д и П / 2019

История нашего города мутная. В подвале мединститута расстреливало ЧК, В сельхозакадемии всю войну лежала мумия Ленина, а потом нашли нефть и всё ожило. Отремонтировали Знаменский собор, набрали хор. В нём пел и я.

Как-то к нам на хоры поднялся дядька. На службах он всегда стоял с букетом цветов. Теперь рука его была за пазухой. Мелькнул нож. К нему подбежали и отобрали его. Он пришел убить еврея, то есть — меня и ещё полхора. Потом попадья потребовала убрать евреев. Так и сделали, но петь стало некому, как и дирижировать. И всех вернули.

Мы пели еще по жёлтым, дореволюционным нотам с «ятями», где рукой певчих были сделаны пометки.

У тенора Борьки было одно яичко и, поэтому пел он высоким, красивым голосом. Наверное, это влияло на интимные способности и жена изменяла ему с басом, который работал сторожем, а она приходила к нему в сторожку, чтобы предаться блюду на комковатом матрасе.

Однажды мы с басом пили водку «сакэ». Опившись по полной, он пошёл в кухню приставать к моей жене. У меня ещё хватило сил вытолкнуть его вон. На следующий день он пришёл и встал перед моей дверью на колени. Стоял он весь день, пока мы не помирились.

Церковь мне отрыгнулась неожиданно. Повесился знакомый тихий парень и менты решили, что это я затащил его в какую-то секту. В глаза светили лампой, махали перед носом резиновой палкой. Мне стало грустно, но через нескольких часов, помыв все полы в камерах, я вышел на свободу.

Борька, будучи тихим эпилептиком, порой опускал голову вниз и поднимал её уже с мутными, невидящими глазами. Талантлив он был невероятно. На службах мы пели сочинённую им всенощную наравне

с Чайковским и Львовым, которого, а не Петра Ильича, народ избрал композитором, достойным памятника.

К нам пожаловал архимандрит из центра. После службы он произнёс речь. Всё бы ничего, но дёрнуло его в конце сказать: «А сейчас я дам вам по красному яичку». Мы с Борькой заржали, но поп был вежливый и, как бы, не заметил.

Не зная об эпилепсии, я пошёл с Борькой пить пиво. После первой кружки речь его стала бессвязной, и глаза потухли. Адреса его я не знал и наугад погрузил в такси. Как он до дома добрался – загадка.

Однажды мы освящали собор в Тобольске. Из подвалов вынесли столетний кагор. Он был желеобразным и очень крепким.

Когда я дома сказал, что пою в церкви, моя советская мать и бабушка – первая комсомолка заявили, что не бывать позору, когда еврей поёт в православном храме, на что я ответил: «А где ж вы такие были раньше?»

С нами пел старик. Голоса у него не было, и интересен он был только тем, что не убивал даже таракана, а относил к двери и выпускал на волю.

В церкви Борька и нашёл свою новую любовь. Этой блондинки внизу не заметить было нельзя. В перерыве мы кубарем скатились вниз и заговорили с ней. Она пришла поставить свечку за начальника и совершенно обалдела от нашего пения: «Я ведь думала, что это радио, а вы, оказывается, живые».

Мы еще потрепались и ушли наверх. Только там Борька понял, что не взял её координат, а внизу уже было пусто. Однако, на следующий день она пришла снова, и именно по этой причине. Так всё и закрутилось.

Это было чудесное время. Стояло лето. Мы набивались к басу в его пузатый, мафиозный «Москвич» и ехали на природу. Девушки в лёгких платьях падали в полевые цветы и смотрели в небо на плывущие облака.

Борька повеселел и засел за музыку.

Вскоре церковный совет единогласно утвердил сочинённый им новый хорал.

ОСЕННЕЕ...

Растрёпанная стрекоза,
Ты подошёл – она взлетела,
В глазах её стоит слеза
По умирающему телу,

Гитары звонкий перебор,
Как россыпь бьющихся предметов,
Вдали звучит нестройный хор
По умирающему лету,

В чуланах неба – облака,
В шарфы закутанные, бродят,
Играет реквием река
По умирающей природе.

[145]

Д и П / 2019

СТАРАЯ КАРТИНА В ЧУЛАНЕ

Сапожник с отвратительной улыбкой
Двойным ударом гвоздь в каблук вбивает,
Ещё он чемоданы шьёт и пива,
Три кружки, вечером в трактире выпивает,

А в церкви целый день – богослуженье
И в белых, вспененных, воздушных платьях
Стучат, как дробь, по мостовой девицы.
А рядом чёрные идут мамыши,
Ведя под руки сумрачных отцов,
И девочка в трико с собачкой пляшет,
Потом собачка прыгает в кольцо.

Вдоль у стены – опрятные старушки,
Летает галка, словно крестик длинный,
И ровно в полдень маленькая пушка
Стреляет в небо с площади старинной.

УСНУЛ В ДОРОГЕ

Берёза ветками царит,
То их раскинет, то опустит.
Я – не снаружи, я – внутри.
Я – в поезде, я еду в гости,

Уныло ложечка о дно
Гранёного стакана бьётся,
Смотрю в окно, а там – кино,
Где я сижу, а жизнь несётся.

Все, что я видел, – города,
Воспоминанья и события,
Все люди собрались сюда
И мчатся с дьявольскою прытью.

Но вот – удар, и тормозов
Невыносимый визг раздался.
«Давай высаживайся. Всё.» –
И я на улице остался.

Сомнамбулой перрона вдоль
Бреду, за разум беспокоясь.
И удивляюсь, исподволь, –
Какой же странный этот поезд.

* * *

Мой город такой же, как ты,
Он наполнен,
Таким же, как ты,
Колыханьем и светом.

Мой город похож на тебя.
Он – «с приветом»
От окон подвальных
До выжженной кровли.

Мой город, как ты.
Он, порой, пропадает.
Потом появляется,
Словно прохожий.

Зимой я люблю его
Больше, чем летом.
И этим вы тоже
Ужасно похожи.

[147]

* * *

Бросайте всё,
Айда на плёс, –
Не будем пить сегодня пиво.
Копной запутанных волос
Ныряет солнце в гладь залива.

И там, замедленно глядя
И смежив на коленях руки,
Почувствовать, как бередят
Тебя неясственные звуки.

Наступит ночь – разжечь костёр,
Заледенеть подобьем мумий.
И шелестящий разговор
Вести меж длительных раздумий,

А дальше – создавать шедевр,
Лишь это, в сущности, осталось.
Когда натянут каждый нерв,
Создать шедевр – такая малость.

* * *

Ты сегодня особое платье надень,
И пускай этот день бесконечно продлится.
И среди искорёженных форм и людей,
По кустам разлетятся берлинские птицы.

Ты сегодня такую походкой пройдишь,
Что б как тень отразиться на скатерти города,
Где трамвай по улицам падают вниз
И еловою веткою небо распорото.

Я тебя, как парома, на пристани ждал,
Искусавши язык от немого бессилия.
И когда в небесах возникает кинжал,
Он, касаясь тебя, превращается в лилию,

Ты сегодня – далёкого грома рука,
По тебе пробегают, как молнии, тени.
И река, ну а впрочем, причём здесь река,
Если готика спит в разветвленьях растений?

СЛУЧАЙ НА ДАЧЕ

Это был самый обыденный день,
Дождь барабанил в закрытые окна,
Капли стекали слезами по стёклам,
В комнатах – скука и лень.

Гроздь винограда – на грубом столе,
Ветром распахнутый бунинский томик.
Словно заплатка, охотничий домик –
В складках осенних полей,

Я подошёл, ты сидела одна.
Ты продолжалась в динамике тела,
Лёгкое тело, как птица, летело
Там, где была тишина.

Мигом запутавшись, словно в силках,
В шёлковых тканях, тебя охвативших,
Я, как обычный, неловкий мальчишка,
Робко понёс на руках

Через глухие барханы ковров,
В дальнюю, неосвещённую залу,

Где канарейка протяжно кричала,
Свой драгоценный улов...

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА. ЛЕРМОНТОВ

Кутузов, дымная гряда,
Взбрыкнула лошадь и осада,
Бородино, картины ада,
Москва, сожжённая тогда.

[149]

Ругнулась пушка. Как юла
Нога по небу полетела,
Потом упала возле тела,
На том же месте, где была.

А на пригорке, впереди,
Наполеон в тугих лосинах,
Сидит, сурово брови сдвинув,
В подзорную трубу глядит.

Ему сейчас нехорошо,
Войска редуют, он чихает,
И из истории мы знаем,
Что здесь ему «кирдык» пришёл.

Летают ядра, гром гремит,
Блистают сабли, пули свищут.
И мачта гнётся и скрипит.
И леший воеет на кладбище.

* * *

Ты почему-то вдруг молчишь,
В глазах задумчивость надулась.
Гоняет ветер ленты улиц,
Где, одинокая, стоишь.

В твои суровые глаза
Глядеть – тяжёлая работа.

Ну что ж, понять тебя нельзя,
Тогда, хотя бы, выпьем что-то.

* * *

Зачем сегодня не весна,
Зачем сегодня непогода?
Влезает в окна тишина,
Стращая пальцами уroda.

Деревьев кроны, словно ёж,
Я навзничь – на полу квартиры,
«А ну-ка прочь, меня не трожь!» –
Кричу протухшей туше мира.

Луны кровавое пятно
Меня, как гвоздь, вбивает в стенку.
Я ж с этим миром заодно,
А он меня – под зад коленкой.

* * *

Из народных гуляний,
Где повальное пьянство,
Где умильною рожей
Суётся мужик,
В деревянных рядах,
Подпоясанных ситцем,
Соловьиное мясо
Продаётся навзрыд.

Из израненных тел
Пехотинцев безусых,
Повсеместно распятых
На разных крестах,
Брызжет алая кровь
И на улицах узких
Ветер силится листья
Как книги листать.

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Затих снаружи птичий гомон,
Молчит охрипшая капель,
Ночной порою даже ворон
Спит, тихо затворивши дверь.

А за окошками по полной
Бунтует, бесится и жжёт
Неумолимый, непокорный
И вздорный високосный год.

Событий непонятных, вздорных
Несётся вскачь водоворот
И жилистым мужицким горлом
Горланит високосный год.

ПОРТ

Корабли заплывают в гавань
В человечьем обличьи,
Словно к себе домой,
По давно заведённой привычке.

В платящих парусов,
Переглядываясь и улыбаясь,
Порт закрывается на засов,
Наваливается усталость.

Леденцы корпусов
Сталкиваются бортами.
Рябь гримасничает, как лицо,
Иллюминаторы – рыбьими ртами,

Якорная утварь цепей
Продета в пустые глазницы
Высыхающих туш кораблей,
Которым ночью не спится.

[151]

Д и П / 2019

Михаил Пикер

МОАБИТСКИЕ ПРОГУЛКИ

Машины розовая тушка,
Стена, где только три окна,
И рельсы вдаль пилою двуручной,
А дальше? Дальше – тишина.

[152]

И ты в пальто по парку бродишь,
Увязши по уши в листе,
Последние грибы находишь,
А дальше? Дальше будет снег,

И в поллитровых кружках – пиво,
Подъезда – гулкое нутро.
И перестук неторопливый
Членистоногого метро.

Водитель, впереди сидящий
И отвечающий за всё,
Мне кажется, ненастоящий
И никуда нас не везёт.

Тюрьма, похожая на школу,
В которой классы – на замке.
Автобус в фартуке до пола
Проехал с фарою в руке.

ПОСЛЕ МЕНЯ

И будет день вставать, чадить рассвет,
И будет снег идти и собираться люди.
А для кого? Не ведаю ответ, –
Ведь на земле меня уже не будет.

А будет, как давно заведено,
Вершиться балаган актёров неизвестных,
Проектор стрекотать, идти кино,
А зритель уж давно другое занял место.

Михаил Погребинский

ОБМАНУТАЯ МЕЧТА

[153]

Ди П / 2019

Одесса любила «шикарно» одеваться, как говорят – «с иголочки». Эта страсть бурно расцвела особенно в 50-е годы. Увы, официальная торговля предлагала унылые и однообразные товары, – мешковатого покроя костюмы и пальто, широконосую, как лошадиные подковы, обувь. Всё это не вызывало эмоций к счастливой жизни.

Яркие импортные галстуки, широкоплечие пиджаки со шлицами у бёдер, узкие брюки с манжетами, женские короткие юбки в форме колокола и восхитительные туфельки-лодочки, – всё это можно было приобрести на одесском вещевом рынке с громким, клокочущим названием, – «барахолка». «Шмоточной» столицей Одесса числилась вполне справедливо.

Моряки торговых судов вносили свою огромную лепту в имидж города. Иностранные туристы привозили партиями невиданных фасонов кофты, блузы, рубашки-дикарки, расписанные павлинами и обезьянами на лианах в джунглях, туфли на белой «микрорпорке», и много прочего, на что смогла бы только намекнуть изысканная фантазия. Через «фарцовщиков» это добро попадало на знаменитый рынок в районе Молдаванки. Там можно было купить всё, даже атомную бомбу, как зубоскалили местные «хохмачи».

Аркадий, парень из провинции, был на втором курсе художественного училища. Одесса с первого взгляда оглушила и очаровала его. Яркая жизнь портового города поразила его творческое воображение. Тенистые улицы с аллеями акаций обволакивали теплом индивидуальной архитектуры, ароматом моря, которое тянуло его в порт. Там подолгу любовался он пришвартованными пассажирскими и торговыми судами под флагами разных государств.

Город жил суетно, ярко и, как говорится, на «широкую» ногу. Эта жизнь заманивала провинциала, словно цыганка при сеансе гадания.

Поэзия и проза

Главная улица, Дерibasовская, была на особом счету. Расталкивая толпу одесситов и приезжих, плавно проплывали «стиляги», – молодые люди в яркой и несколько вызывающей одежде, раздражая одних, и восхищая других. Это был парад дерзости, зависти и протеста.

В родных местах Аркадий такого не только не видел, но даже представить себе подобную жизнь не мог. Он довольствовался стипендией, носил собственноручно зауженные брюки, жил в общежитии, подрабатывал в гастрономе, – писал там объявления и ярлычки с ценами на продукты. Особенно, один вид одежды погружал его в запредельную мечту, окуная в грёзы – пляжные шорты, украшенные якорем. Найти их можно было только на барахолке. В таких шортах щеголяли по пляжу загорелые мускулистые парни из службы спасения, «крутые» чиновники, армейские чины и криминальные авторитеты. Остальной люд довольствовался чёрными, сатиновыми, «семейными» трусами, – широкими и длинными, напоминавшими убогие юбочки уборщиц.

На рынке также шла бойкая торговля надкроватными ковриками с изображением румяных, пышногрудых русалок, лежащих среди пальм и стыдливо прикрывавших оголённые части тел струями волос. Были и другие сюжеты, пользующиеся спросом у более скромных покупателей – водные пейзажи с плывущими лебедями.

На такую продукцию милицейские власти устраивали облавы. И комсомольцев художественного училища обязали устраивать рейды по поимке создателей этих «шедевров», чтобы они не развращали народ подобной пошлостью. Аркадию также поручили это «задание». Но он старался затеряться в толпе, не участвуя в «поимках». Он не мог поступить иначе, – там, на барахолке, продавал свои «изделия» его земляк, Соломончик, привозя их в рулонах на себе за сотни километров от Одессы. Соломончик был человеком одарённым, – мог на месте, по просьбе покупателя, пририсовать ещё, сколько потребуется, лебедей или изменить колорит композиции, согласно цвету стен или мебели.

Как-то, оторвавшись от сокурсников, Аркадий углубился в ряды продажи трикотажных изделий. В толпе он заметил женщину, с опаской поглядывавшую по сторонам. В руках у неё были заветные шорты. Да-да, именно, предмет его вожделения. Их украшал якорь, вышитый золотистой нитью, и белый поясок с соответствующей пряжкой. Не торгуясь, он отдал за шорты половину своей стипендии. Переполненный счастьем, прижимал к груди заветное сокровище. В тот же день он отправился на пляж Лонжерон.

Июньское солнце щедро поливало разгорячённые тела отдыхающих. Как обычно, здесь было шумно и многолюдно. Переодевшись, Аркадий, обойдя всех, направился к морю. Он плавал, с наслаждени-

ем ныряя поглубже в воду. Прогуливаясь по побережью, думал о том, что все восхищаются его мускулистым телом и, особенно, шортами с якорем. Он сел на каменную глыбу, запрокинув голову и любуясь полётом чаек, ведущих свою птичью перебранку с волнами у пирса. Вдали скользили парусники, доносился густой бас океанского теплохода, заходящего в порт. Он давно мечтал изобразить буксирные катера на фоне тёмной туши громадного судна с рычащей трубой, и чаек, приветствующих их своими торжественными воплями. Композиция приобретала вполне реальное восприятие.

[155]

Внезапно, раздавшийся сзади смех, вывел его из раздумья. Аркадий обернулся и увидел ухмыляющиеся лица сидящих вблизи и смущённо отворачивающихся девушек. Инстинктивно ощупав себя, он обнаружил сзади на шортах огромную дыру. Прикрывая рукой оголённое место, он поспешил к своим вещам. Затем понуро побрёл к трамвайной остановке. Солнце ехидно подмигивало ему, отплясывая лучами. Праздник был загублен.

– Ты что, телёнок местечковый, не знал, что цыгане владеют ремеслом обмана, – сказал сапожник Яша. – Они подбирают на свалке тряпьё из женского трикотажа, и шьют из него плавки, таким простачкам, как ты.

В общезитии Аркадий долго разглядывал свою загубленную мечту, – фрагменты шорт. Затем ножницами аккуратно вырезал якорь, разгладил его на ладони и уложил в пакет с памятными фотографиями. Там и лежит он до сих пор, как напоминание об обманутой мечте доверчивой юности.

ГОРОДОК МОЕГО ДЕТСТВА

Из цикла «Ароматы местечка».

Детство, вроде, ещё продолжалось, но дыхание юности всё чаще становилось ощутимей. Новые интересы, новый взгляд на мир, видимо более осмысленный, любознательней, интимней, заинтересованней. Однако, уйти полностью из детства, не оглядываясь, зачеркнуть мгновения, не удаётся до сих пор. Всё это ярко проросло во мне и поддерживается воспоминаниями. Перед глазами – тот босоногий, быстрый мальчишка, который носится по площадям и закоулкам детства. Именно детство в контексте того времени, ушедшее безвозвратно, сформировало меня. Возможно, с детством ушла целая эпоха, её

дыхание, радости, и разочарования, но которая сохранила в душе всё это, пока память моя не одряхлела и не даёт «сбоя».

Когда-то это было большое местечко, хотя его называли городом. Точнее три местечка, в том месте, где в реку Южный Буг впадает Синюха, и возникли очень давно три поселения: Голта, Богополь и Ольвинополь, относящихся к разным областям, слившиеся в один город. Все вместе они называются Первомайском на Буге.

[156]

Побывавший в наших краях знаменитый еврейский писатель Шолом Алейхем метко подметил, что когда в одном из местечек запоёт петушок, то его слышно в трёх губерниях.

В Буге и Синюхе мыли и поили лошадей, купались и мылись люди целыми семьями. Стирали бельё. Здесь же загорали, а недалеко от пляжа в Буг стекал из городской бани зловонный поток. Всё это уносилось за сотни километров в Чёрное море. Я думаю, народ у нас был особенно крепким. Зимой и летом мы пили речную воду и не подхватывали никаких инфекций.

Жители Голты считали себя более культурными и образованными и на богопольцев смотрели свысока. Ещё бы, ведь они, в большинстве, были врачами, инженерами и адвокатами. Многие закончили ещё до войны гимназию имени Марголиуса и очень этим заносились. Женщин величали «мадам», а мужчин «господин». Интеллигентные мужчины щеголяли в костюмах из бежевой чесучовой ткани и широких брюках. Особым шиком были белые туфли из парусины, которые быстро покрывались пылью и грязью. Чтобы вернуть им белизну, туфли покрывали зубным порошком, и при ходьбе от них поднималось белое облачко.

Богопольцы не могли похвастать своим образованием, но его отсутствие не очень мешало им в жизни. Здесь, в основном, жили ремесленники – кровельщики, жестянщики, лудильщики, бондари, портные и сапожники. Одеты они были попроще. Носили серые пиджаки из хлопчато-бумажной ткани, брюки, заправленные в сапоги. На головах – чёрные фуражки. При ходьбе шаркали ногами, широко разводя стопы. Да, и ещё все любили серые рубашки из ткани «Патриотик». Мне казалось, что другого цвета ещё не изобрели.

Следует сказать, что самыми уважаемыми в Богополье были извозчики или «балагулы». Имевшие начальное образование, а порой совсем безграмотные, они были ловкими, изобретательными, острыми на словцо и обладали недюжинной силой. Разъезжались на заработки они спозаранку, изрядно подкрепившись и пропустив пару стаканчиков водки. Их подводы, словно кавалькады, с грохотом пронеслись по деревянному мосту, сильно раскачивая его. Когда они проезжали по

улицам, покрытым булыжником, раздавалась оглушительная барабанная дробь. Лошади бежали резво, подгоняемые громкоголосым матом для внушительности. Лошадей балагулы очень любили и жалели, как своих детей. Размахивая кнутом, никогда их не стегали. Носили балагулы вельветовые куртки красно-коричневого цвета и в них широкие их спины напоминали лошадиный круп. Будучи навеселе, они иногда устраивали гонки. Приподнявшись с сидений и наклонившись вперёд, они напоминали древних возниц на колесницах.

За проследовавшим гужевым транспортом женщины и дети подбирали в вёдра лошадиный навоз или «кизьяк» на местном диалекте.

Самыми привлекательными местами в городе были вокзал, парк над рекой и базар.

Вокзал был местом особым. С утра в буфете могли налить рюмочку-другую водки и на закуску предложить пирожки с ливером и крутые яйца.

Хотя поезд стоял в Голте долго, отъезжающие его всегда догоняли. Люди с баулами на плечах и тяжёлыми фибровыми чемоданами в руках, с трудом взбирались на высоко расположенные подножки. Прибывших пассажиров можно было узнать по запаху. Невозможно определить, чем пахли поезда, но этот запах задерживался на одежде несколько дней. Кстати, о запахе. Каждая часть города имела свой неповторимый аромат. Улицы Богополья пахли кровельной краской, укропом и лошадиным потом. С Ольвиополя доносился нежный запах маслостройки. Голта, весной добавляла букет цветущих акаций, чеснока и солёных огурцов из подвалов Овощеторга.

Торговые точки и службы быта назывались именами продавцов или заведующих. Отправляясь за хлебом, говорили: «Пошел к Авуне, за канцтоварами – к Варшавскому». Фотографироваться шли к Шварцбурду. Пить газировку – к Абрашке. Мороженое покупали у Гени.

Так уж повелось, что в любом городе или местечке существовали слабоумные, которых знали все. У нас их было трое. И этим мы даже немного гордились. Люди, тихие и безобидные, они собирались с утра у кинотеатра в Голте. Их «делегировала» каждая часть города. Наши люди были сердобольны и старались их не обижать. Более того, эти больные пользовались определёнными льготами. Их пропускали без билетов в кино и на футбольные матчи. Они проводили в кинотеатре целый день и пытались рассказать другим сюжет фильма, но не могли ничего вспомнить.

По воскресеньям давали детский сеанс. У крохотного оконца кассы разворачивалось настоящее сражение. Мы, зажав в руке рубль, пытались добраться до кассы, но прорывались порой только сильные и

ловкие. Стоящие в хвосте огромной очереди, подбрасывали одного из пацанов, который бежал по плечам и головам людей и проваливался вниз у самой кассы, рискуя быть раздавленным толпой.

В очередях стояли за хлебом, помидорами, колбасой и мясом. Помню очереди за хлебом, место в которых занимали с вечера. Иногда простаивали до утра в морозные ночи всей семьей, сменяя друг друга.

Помню, как вскружил головы наших жителей индийский фильм «Бродяга» – мелодрама с участием знаменитого актера Раджа Капура. Местные пижоны отрастили тонкие усики, покрывали волосы бриолином и носили под пиджаком сорочку из нижнего белья, чтобы больше походить на героя фильма. Многие, не обладая голосом и слухом, распевали песню «Бродяга я...».

Послевоенные подростки. О них – особо. Большинство росли без отцов. В школу пошли после оккупации, пропустив три года учёбы. Они были переростками и в старших классах многие достигали призывного возраста. Когда показывали знаменитые фильмы о войне, страсть попасть в кинотеатр была нестерпимой. Особо рвались посмотреть культовые фильмы: «Воздушный извозчик», «Трактористы», «Она защищает Родину». Потратиться на билет в кино не могли. Тогда разрабатывался простой до гениальности план. Наскробали мелкими монетами на билет одному из пацанов, и тот проходил в зрительный зал. Когда гасили свет и начинался киножурнал, он по-пластунски пробирался к двери для выхода зрителей во двор. Подняв амбарный крючок, открывал двери, и зал на мгновение ослеплял дневной свет. Словно вода из открытых шлюзов, вваливалась ватага из двух десятков безбилетников. Они ложились на пол перед экраном или садились в проходах. Включив освещение, тщетно пыталась выловить их одинокая контролёрша – начинали роптать зрители, выражая недовольство свистом и топотом.

Была и криминальная шпана, наводившая страх на голтянцев и ольвиопольцев, у которых вымогали деньги, избивая и грабя. На Богополь эти бандиты не совались. Там в кулачном бою им могли поломать рёбра или сделать калеками.

Был в Голте, недалеко от реки, стадион. Он и сейчас почти не изменился. Его построили давно, но у него не было названия. Потом придумали: «Н. С. Хрущёв», хотя тот никогда не жил здесь и в строительстве стадиона участия не принимал. У стадиона был главный вход, торжественный, цвета охры, с аркой и пилонами. За входом лицом к полю установили фигуры из бетона – футболиста с мячом и девушку с мощным торсом, державшую весло. Перед праздниками их белили извёсткой, придавая им нарядный вид. Но, вот беда, – рядом с

главным входом располагались три многосемейных дома, и это как-то портило его фасад. Там постоянно играли дети. Через каждый час на площадь выходила Бася Ройтер, высокая полная женщина с красным лицом. Сложив ладони рупором, голосом мощным, как иерихонская труба, кричала:

- Доодик, Доодик.
- Что, мама? – отзывался поленький мальчик.
- А где Эдик?
- Здесь, мама.
- А ты его не выпустишь на дорогу?
- Нет.
- Ну, смотри мне.

У стадиона имелся ещё один вход для грузовых машин, спортсменов, школьников, идущих на занятия по физкультуре и военной подготовке. Эта дорога проходила возле нашего двора, огороженного редким и ломанным штакетником. Идущие на стадион рисковали быть забрызганными кровью только что зарезанных кур, висевших на заборе и бившихся в смертельной агонии. Стадион по диагонали пересекала колея от подвод. Это извозчики сокращали свой путь на базар. На зелёном поле в будни паслись козы – им было разрешено щипать траву. Они принадлежали сторожу, дяде Ване, который следил за порядком и поливал поле. Чтобы никто не проник на стадион без билета, его обнесли двухметровым забором и поставили металлические ворота. Но жителей это нисколько не останавливало. Мы спокойно взирали на футбольные баталии с приставных лестниц, словно воины, штурмующие стены крепостей.

По воскресеньям стадион преображался. На фронтоне главного входа вывешивали транспарант с лозунгом: «ВЫШЕ ЗНАМЯ СОВЕТСКОГО СПОРТА!» Из динамиков лились спортивные марши, фокстроты, но чаще всего – «Голубка», в исполнении Клавдии Шульженко, о расставании и дальних морях. Все были одеты по-праздничному и с нетерпением ожидали начала матча. Народ валил к главному входу, где продавали пиво и мороженое. У нас был пивзавод, построенный ещё до революции. Он производил хорошее «Жигулёвское» пиво, которое иногда позволяли пить детям, как и вишнёвую наливку.

В городе были две футбольные команды – «Большевик» и «Пищевик». Первая представляла рабочих завода, а вторая – работников пищевой промышленности и потребкооперации. Крепкие, коренастые парни в чёрных трусах выбегали на поле. Стараясь оправдать доверие болельщиков, они бились настойчиво и мужественно. Страсти накалялись. Болельщики, подогретые пивом, подбадривали своих любимцев

криками: «Зяма, бей со середины!» – «Нападай, Кацо!» – «Фима, бей головой!» – «Балерина, не отдавай мяч, мотайся!» – «Рыба, обходи его слева!» – «Рыжий, покалечь защитника!» Когда мяч влетал в сетку ворот, и из тысячи плоток вырывалось: «Гооол!», то разносился такой запах выпитого пива, словно вулкан изверг из своих недр огромное облако пивных паров, доходящее даже до Богополя.

После матча, сопровождаемые толпами мальчишек, футболисты обеих команд шли на пляж, где сбросив одежду и намывлившись, купались в реке. Мы любовались их мускулистыми ногами с мощными икрами.

Сын Баси Ройтер – добродушный толстяк Додик, опекал своего младшего братика Эдика и нёс за него ответственность. Как-то Додик отправился на рыбалку к мосту через Буг, где ловились бычки. Рыбалка длилась недолго. Взмахнув удочкой с ещё не надетым червяком, он «поймал на крючок» Эдика, стоявшего сзади. Крючок продел верхнее веко его глаза и вышел острием наружу.

Двор огласился истошным криком. Ревели от боли – Эдик, от страха – Додик и мама. В нашем доме жил сосед Лёня, студент третьего курса медицинского училища. Для нас он был почти доктор. Он повёл всех в поликлинику. Жители Голты увидели странную процессию: впереди шёл Додик, неся, словно флагшток свою удочку. За ним следовал Лёня, придерживая лёску, ослабляя её натяжение. Затем – ревуший Эдик и мама, источавшая проклятия на голову Додика:

«Шлимазл, чтоб тебя гром ударил. Чтоб тебя до завтра разбил паралич. Чтоб твой отец, вернувшись с работы, сделал тебя калекой».

Сзади следовали любопытные соседи. Все были в шоке, но никому не пришла в голову простая мысль – отрезать ножницами крючок, державшийся на лёске. Дежуривший в поликлинике хирург удалил щипцами ушко крючка и безболезненно извлёк его из века. Всё закончилось благополучно. Ранка быстро затянулась, и вскоре об этом забыли. Отец Додика и Эдика – небольшого роста, тихий и безобидный человек, шил шапки из каракуля. На детей никогда не поднимал руку, да и Бася никогда не била сыновей.

Под впечатлением от повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», мы решили создать в Голте передовой отряд пионеров-тимуровцев, помогающих взрослым. Нами был построен шалаш, где размещался штаб. Всё лето мы проходили в красных галстуках и пилотках. У кого не было пилотки, обходились ситцевыми шапочками для пловцов.

Помню, мы направились во двор тети Фриды, предложить свои услуги. Она сидела на скамеечке у дома и засыпала банки с вишнями сахаром для будущей наливки.

– Мадам Штуливкер, – обратился к ней самый смелый из нас. Можно, мы принесём вам воды из колонки?

– Малохольный шлимазл! – Ответила она, подняв голову и пронзив его тяжёлым взглядом. Ты лучше помоги своей маме разжечь примус, а то она с утра ходит в крепдешиновом платье и на каблуках, а дети бегают голодные, как босяки. Она у тебя интеллигентная дама с хорошими манерами и даже писает стоя. Не как все.

Вспоминаю сапожника Лёву. Детей у него было то ли семь, то ли восемь. Они постоянно проносились с криком мимо его верстака. А он, заколачивая гвозди в подметки, напевал: «Мэ, мэ, козка у ворот, апельсины красные. Когда папа маму бьёт, деточки за плясками». В воскресенье он отправлялся в городскую баню, захватив с собой бутылку водки. В парилке он просиживал целый день, а на ночь уходил к Бугу ловить на донку карпов. Он терпеливо просиживал до утра, кутаясь в фуфайку и бормоча слова еврейской песенки: «Ой, кого ты завлекла, когда деньги были? Жизнь сладкою была, но денежки уплыли. Ой, сейчас ты покажись, когда денег нету. Ой, паршивой стала жизнь, вроде песня спета». Ему везло. Он возвращался под утро с хорошим уловом.

Его средний сын Сюня в детстве перенёс болезнь позвоночника. Следы заболевания остались на всю жизнь. Это совершенно не омрачало его существование. Сильно заикаясь и обнажая при улыбке сверкающий золотой зуб, он был весел и неистощим на юмор. Сюня не блистал красотой, но имел успех у женщин. Подражая всё тому же Раджу Капуру, носил тонкие усики, чёрные волосы покрывал бриолином. Он был страстным голубятником и этим очень гордился:

– У меня есть парочка чернобокеньких и парочка рябеньких. Летают в точку. Чтоб я так жил, если вру. Спроси у Изи. – И он подбрасывал сильным взмахом голубей ввысь, размахивая палкой с прикрепленной тряпкой. Мы, запрокинув головы, долго любовались полётом птиц, пока они, удаляясь, не превращались в подрагивающие точки.

По воскресеньям город приходил в какое-то лихорадочное движение. Все стремились на базар. Люди с кошёлками, преодолевая железнодорожную насыпь и пути, мчались в торговые ряды. На базаре стоял сильный гул: удары молотков из мастерской жестянщиков, ржание лошадей, скрип телег, кудахтанье кур, бляенье коз. И всё это заглушали крики торгующихся женщин.

Огромные караваи белого, свежеиспеченного хлеба, круги домашней колбасы, ломти нежно-розового сала, банки с ряженкой, творог и масло, завернутые в марлю, будоражили аппетит. Такое изобилие могло быть, ну разве что, в Одессе на знаменитом «Привоze»

– Ванька, двуличный! – Выкрикивал продавец игрушки «Ванька-встань-ка».

– Синька для белья – зазывал другой.

– Птица Какаду. Несётся раз в году, угадает вашу судьбу. – Попугай доставал клювом записочку, где можно было прочесть своё будущее.

Выдающий себя за инвалида войны, растягивая меха гармошки, пел:

[162] –Я был за Россию ответчик, а он спал с мою женой...

Женщины собирались в кружки и, посоветовавшись, засылали в торговый ряд «десант». Опытная голтянка подходила к продавщице кур и спрашивала:

– Хозяюшка, почём будут ваши цыплята?

– Чтоб вам повылазило, – распаялась продавщица. – Это же настоящие голландские куры.

– А что они у вас такие синие? – Взяв в руки курицу и, повернув задницей к своему лицу, дула на её гузку, приговаривая, – ну, совсем синяя попа, а вы просите двадцать рублей. Больше пятнадцати не дам. Чтобы я так была здорова, и дети, и мой муж, я покупаю у вас курочки каждую неделю по пятнадцать. Вы же меня помните.

Если крестьянка сдавалась уговорам и цена опускалась, «десантница» давала знак другим женщинам, и они подбегали к прилавку.

Сметану накладывали на тыльную сторону ладони покупательниц. Те слизывали её, и по выражению их лиц определялось качество. Конечно, они всегда кривились, указывая на то, что сметана кислая, и больше, чем за два её не возьмут. Мне кажется, что торговаться нравилось обеим сторонам. После взаимных оскорблений, с ценой соглашались и расходились удовлетворёнными.

Родители часто брали с собой детей – помочь нести корзины с продуктами. В морозные зимние дни, ожидая, когда моя мать закупится, я отогревался в мастерской жестянщиков. Там было шумно, но тепло и уютно. На примусах разогревались паяльники, скрежетали ножницы, гудели керосиновые горелки. Я часами наблюдал, как в заскорузлых ладонях настоящих мастеров жёсть становилась податливой и принимала формы водосточных труб, вёдер или молочных бидонов.

Летними вечерами жители шли в городской парк. Танцплощадка, где играл духовой оркестр, манила молодёжь. Люди постарше выходили гулять «в город», как у нас говорили в Голте. Прогулка начиналась от железнодорожного вокзала, затем через городской сквер направлялись в парк, огибая танцплощадку. Это шествие двигалось по кольцу. В него вливались новые группы гуляющих. В нём можно было услышать свежие анекдоты, сплетни, обменяться новостями. Девушки

носили платья из штапельной ткани, а дамы в возрасте выходили в крепдешиновых нарядах. Многие «лузгали» семечки, доставая их из газетных кулёчков. Мужчины набивали ими карманы брюк. В лучах заходящего солнца под ногами сверкала шелуха, обильно устилавшая мостовую. Через щели в штaketнике мы наблюдали за танцующими парами. Чаще всего звучал довоенный фокстрот «Рио-Рита», но танцевали у нас под любую мелодию, даже под песню «Любимые глаза» в исполнении Рашида Бейбутова. Смущённо краснея, вставали со скамеек приглашённые на танец барышни.

[163]

Гуляли у нас и тёмными осенними вечерами, но только по одной стороне главной улицы. Там было несколько столбов с лампочками и люди, отошедшие в сторону от них, растворялись в крошечной темноте.

В середине 50-х богопольцы совершили резкий рывок в области моды и обошли голтянцев. Первые «стиляги», как ни странно, появились в Богополе. Они стали красоваться на танцах в узких брюках цвета зелёной канарейки, взбивали на голове «кокк», а пёстрые пиджаки из букле носили подкладкой наружу, демонстрируя иностранные этикетки.

Годы детства не выветриваются из памяти. В них наши первые радости и надежды. Проходят годы – меняется жизнь, меняемся мы и, наверное, у каждого из нас в душе сохранился маленький островок детства. Мы пытаемся вернуться в него, хоть на мгновение, прекрасно понимая, что дороги в прошлое нет. Вспоминая родной городок, я снова прикасаюсь к своему послевоенному детству, порой нелёгкому, но и радостному, когда детская душа наивно принимает с восторгом свежий воздух весны, первую пробивающуюся травку, полёт голубей, хрустящие льдинки на замерзающих лужах, щекотливое чувство первой любви.

Надолго остались в моей памяти акации на пыльных улицах, запахи ночных фиалок на клумбах, узкий дворик и дом, где пролетело моё детство...

ОВЧАРКА «БАСКЕРВИЛЕЙ»

Сильва, чёрная немецкая овчарка, родилась в Карелии. Несколько поколений её предков несли службу на пограничных заставах. У неё была родословная – документ клуба служебного собаководства. Породистым собакам давали имя, начинавшееся с первой буквы имени матери. Мать Сильвы звали Синтией. Когда Сильва была ещё щенком, начальник погранзаставы подарил её своему сослуживцу.

Новый хозяин, Степан, – житель небольшой приграничной деревни. Сперва он вскармливал её молоком, укутывая на ночь в одеяло.

У неё поздно стали подниматься уши, и лишь толстые лапы выдавали породу крупных собак. Через восемь месяцев она превратилась в огромную, стройную овчарку с жёлтыми подпалинами над глазами. Сильва считалась «переростком», так как её высота с холкой достигла семидесяти двух сантиметров. Нормой же для немецких овчарок был рост – не выше шестидесяти четырёх.

В её венах текла кровь дисциплинированных предков, привыкших к свободным вольерам, питавшихся строго по часам и ежедневно несущих службу.

Степан плотничал в Леспромхозе. Он был холост, жил один в большой бревенчатой избе. Отправлялся на работу спозаранку и возвращался домой поздним вечером. Сильва оставалась одна. Она свободно разгуливала по деревне, изредка спала в собачьей будке, предпочитая ей сарай или крыльцо. Двери дома Степан не запирали, оставляя еду в миске. Питалась Сильва тем же, чем и хозяин.

Росла она в крае чистых озёр и густых лесов. Погода там обычно непредсказуема. Только выглянет солнце и согреет летний воздух, как неожиданно надвигаются тучи, всё вокруг становится серым и безрадостным. Льются холодные струи дождя, от которых темнеют бревенчатые стены домов, покрывается зыбью озеро и смолкают птицы. Сильва не пряталась от дождя. Усевшись на камни, прижав уши, она разглядывала чаек, съезжившихся на скале. Снова раздвигались тучи, давая простор солнцу и голубому шатру неба с плывущим облаком. Шерсть на Сильве быстро просыхала, и она радостно носилась вдоль берега, ныряя в высокую траву. Затем, с мокрых камней прыгала в воду и долго плавала, разгоняя уток.

Озеро становилось цвета ультрамарина, а вдали тёмной стеной подступал лес с белыми бликами берёз.

Сильва любила бродить по лесу, облаивая белок, игриво скачущих по стволам деревьев, рыла землю, почуяв мышь или ежа. Заново бежала через луг, шерсть принимала на себя репейник и мелкие сучья. Она возвращалась домой, чтобы поесть, и направлялась к озеру, где её настигал новый приступ дождя, обдавая мелкой водяной пылью.

Вечером наступало затишье. Небо надевало бирюзовое полотно с сиреневыми силуэтами облаков. Угасающее солнце, швырнув косые лучи на землю, окрашивало стога сена и крыши домов в золотистый цвет. На фоне бревенчатых изб вспыхивали жёлтыми огоньками зонтики полевых трав.

Сильва садилась и долго заворожённо глядела на солнце, удивлен-

но подвывая. Её силуэт смахивал на одинокого волка. Кошек Сильва презирала. Для неё они были ничтожными, трусливыми созданиями, хитрыми и коварными. Они постоянно что-либо выклянчивали. При чистке рыбы, кошки с гнусавым мяуканьем вымогали еду и, получив подачку, жадно набрасывались на нее, жуя с урчанием, давясь костями. При ловле рыбы, кошки подобострастно тёрлись о ноги хозяев, но, когда те отворачивались, чтобы сменить наживку, тут же выхватывали из ведра пойманную рыбёшку, и уносили её прочь. Сильва мчалась следом. В несколько прыжков она настигала воровку, отбирала добычу и возвращала улов хозяину.

[165]

Её не боялись. Она позволяла себя приласкать, не принимала с рук угощений. Местные дворняги сопровождали её, но Сильва не вступала с ними в контакт. Иногда пытались её облаять, тогда она лёгким ударом лапы опрокидывала надоедливую дворнягу на спину и та, жалобно скуля, обращалась в бегство.

При первом снеге радости Сильвы не было предела. Она зарывалась мордой в него, перекатывалась и резво носилась, проваливаясь в сугробах. Иногда ей надевали ошейник и прикрепляли к саням, на которые садились ребятишки. Сильва мчалась с этим грузом, не заметив, что сани перевёрнуты и дети валяются в снегу.

Однажды в жизни Сильвы произошло необычное событие. В доме Степана поселился художник. Его вещи пахли маслом, но не запахом, что доносился со сковороды, а каким-то особым, едким. Сильва постоянно сопровождала художника. Он устанавливал этюдник, доставал палитру и выдавливал на неё краски. Сильва усаживалась рядом и, слегка покачивая головой и шевеля ушами, внимательно наблюдала за работой.

Художник широко наносил мазки и перед глазами собаки возникали знакомые места у озера, где она жила, заход солнца, дома и стог сена, – всё узнаваемо.

Последний этюд удался точно. Это была лучшая работа художника. Он долго с удовлетворением разглядывал её, прислонив к остывающей печи на просушку.

Эта работа понравилась и Сильве. Она долго обнюхивала её и тёрлась носом.

Сильва впервые ночевала в избе. Несмотря на то, что было жарко, она улеглась спать, прислонившись к пейзажу спиной. До утра она ворочалась и скулила. Ей, вероятно, снились душистые травы, стрекозы, парящие над ними, всплески щук в камышовых зарослях, и тёплое солнце, садившееся за край озера.

Утром этюд представлял собой омерзительные разводы размазан-

ной краски с прилипшими клочьями собачьей шерсти. Зато по деревне гордо расхаживала собака дивной красоты. Вокруг глаз сверкали круги жёлтой краски, а на чёрных боках – такие абстрактные мотивы, что дворняжки, с подобострастным визгом окружив Сильву, сопровождали её повсюду. Она напоминала собаку из повести Конан Дойля, наводившую ужас на род Баскервильей. Правда, размалёванная Сильва никого не пугала. Лишь бабы, увидев её, крестились, а дети провожали дружным хохотом.

Художник предложил отмыть Сильву растворителем масляной краски, но Степан отказался:

– Не часто в нашу глушь наведываются художники. А так, останется память. Да, и мне нравится моя раскрашенная собака. Пусть другие смотрят и завидуют.

Анжелла Подольская

«ВВЕРХ-ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ...»

[167]

Ди П / 2019

Август. Тот самый, невыразимо жаркий. Не просто – выжженная трава и рано пожелтевшие листья. Жара пропахла горечью, вытеснив все другие запахи, даже выхлопные газы. Раскалённый асфальт добавлял пекла, тень – не спасала. Каждый новый день приносил всё больше и больше градусов, даже на полдня не давая передышки, со злой, почти садистской, фантазией добавляя нюансы: «вот вам сухая, а вот – и влажная жара», когда по ночам постельное бельё становится мокрым и в лёгких не хватает воздуха.

Несмотря на испепеляющую погоду, день рождения сына Ангелина Петровна, как обычно, готовилась отметить широко. Многие годы её кулинарные изыски соперничали друг с другом, но венчал праздничный стол всегда фирменный наполеон, которому не было равных. Правда, список гостей, которые могли бы по достоинству его оценить, был невелик: двоюродная сестра хозяйки дома и соседка, с которой она поддерживала приятельские отношения.

Сергей приближался к возрасту Христа. Распятие ему не грозило, наоборот, у Ангелины Петровны были грандиозные планы на будущее сына. Отца он не знал – тот ушёл от матери ещё до его рождения. Почти полностью растворившись в профессии, Сергей не любил шумных компаний. Друзей у него не было. Позади – успешная защита кандидатской по прикладной математике и линейному программированию, впереди – работа над докторской. Мать надеялась, что сын на этом не остановится, ей виделись его профессорская должность, члена-корреспондента, а там, гляди... Ну, что тут говорить... Она гордилась сыном.

В последнее время транзиторные¹ прыжки её давления перешли в стойкую гипертензию. Это стало волновать Ангелину Петровну: «Что станет с сыном, если случится криз? Кто позаботится о нём?» Она гнала от себя эти мысли, но они упорно возвращались. Прежде она

вполне одобряла его холостяцкую жизнь, не желая сына с кем-либо делить, хотя знала, что у него давно есть женщина, с которой он иногда встречался. Теперь решила – пришло время познакомиться, и предложила сыну пригласить её на день рождения:

– Регина? Что это за имя? Нерусское... Ты никогда не говорил, что так её зовут...

– Ты не спрашивала...

– Разве у тебя нет знакомой с другим именем?

– С другим нет, – «успокоил» её немногословный сын.

Дикая жара, плюс – горячая плита на кухне не могли изменить раз и навсегда устоявшийся ритуал. Но что-то в этот раз было не так. Тесто прилипло к рукам, хотя и «выдержало» положенное время в холодильнике, как того требовал рецепт приготовления «слоёных» коржей. И уже готовые коржи, с которыми она обращалась как с хрустальной вазой, рассыпались в руках. «Всё из-за этого имени, даже тесто противится», – была раздражена Ангелина Петровна.

В день рождения сына она надела выходное платье из красного панбархата. Взбила волосы и уложила их высоко: «Только короны не хватает», – промелькнуло в голове. Своим видом хотела поразить нежеланную гостью и сразу обозначить, кто «королева» в этом доме.

Девушка оказалась не носатой, не очкастой, но вполне определённой национальной принадлежности – с оливковой кожей и чернослизовыми глазами. Ангелина Петровна хоть и старалась быть вежливой, но приветственные слова не вязались с жёстким выражением её лица.

Едва войдя в квартиру, Регина сразу ощутила очевидную, хотя и тщательно скрываемую, неприязнь. Несмотря на жару, её как будто обдало ледяным холодом. Было неуютно ощущать себя под постоянно прищуренным взглядом, словно под оптическим прицелом. И только рукопожатие Сергея служило Регине поддержкой.

Да, фирменный наполеон не вполне удался. Во всём Ангелина Петровна винила Регину, подкладывая той очередной кусочек:

– Впервые... Впервые так распадается... Наверное, что-то случилось с газовой плитой... Но всё равно – вкусный, не правда ли? А ваша мама или бабушка пекут наполеон? Или предпочитают, как у вас заведено, фаршированную шуку?

– Ангелина Петровна! – Регина отодвинула тарелку. – Я – у вас в гостях... Уважаю вашего сына... Потому не стану дерзить... Нет... Наполеон не в приоритете в нашей семье. И бабушки моей давно нет... Во время войны газовые печи работали исправно... Бабушка осталась там... Мама родилась в лагере... Нацистские ублюдки не успели унич-

тожить детский блок... Или вы не считаете фашистов ублюдками? Знаешь, Серёжа, – не прерывая тихого и монотонно звучащего голоса, Регина встала. – Я задыхаюсь... И не потому, что за окнами – тридцать восемь... Даже кондиционер не в силах поглотить дух крематория, витающий в этой комнате... Страшно...

Сергей попытался удержать Регину, но она направилась к двери. Он вышел вслед за нею.

Всю дорогу шли молча, потом он прервал тягостное молчание:

– Мать же ничего особенного не имела в виду! Перестань! Подумай, «фаршированная рыба»...

– Ты действительно не понимаешь? Не уловил подтекста? А взгляд? Как она смотрела на меня весь вечер?

– Не преувеличивай... Тебе показалось...

– Если бы... Я пойму, если ты не захочешь больше видаться или передумай уезжать...

– Не надейся, не передумаю.

– Я никогда прежде не рассказывала тебе... Это было спрятано где-то в глубине души... Знаешь, имя мне дала мама. Она хотела, чтобы по жизни я чувствовала себя, если не королевой, ну ты понимаешь... Смешно, не правда ли? Я никогда не чувствовала себя «приближённой к императору». О том, что не такая, как все, знала с трёх лет. Не понимала, что такое «национальность». Просто ощущала свою нехорошую особость. Это всегда довлело. Война была далеко, но я ощущала её близость... Как ощущаешь жар печи, пусть и погасшей. Представь: ребёнок, мать которого всю жизнь казнит себя, что в лагере погибла её мама? Разве можно было что-то изменить – ведь ей было всего три, когда их освободили... Но до сих пор она считает себя предательницей, что если бы постаралась, то непременно спасла бы бабушку... Своё гипертрофированное чувство вины мама внушила и мне... Было стыдно: я – жива, в косичках – банты, а бабушка – там, в темноте... Не понимала, что моей вины в её смерти и миллионов других – нет, ведь родилась спустя двадцать лет после войны. Всё это развило комплексы. Как после этого можно относиться к жизни проще, всё вокруг любить? Знаешь, в детстве я считала, что раз мы не такие, как все, то всё, что с нами произошло – правильно... У меня в начальных классах была подружка. Однажды она сказала о какой-то девочке: «Ты представляешь, она – еврейка? Какой ужас... Ты ведь тоже еврейка, но для меня – всё равно лучше других девчонок!» И я, идиотка, гордилась, была ей благодарна за эти слова, не понимая, что это оскорбительно...

– Я не знал, что у тебя внутри такая боль, – глухо прервал Сергей.

– Боль осталась... Но справедливости ради: я не всегда была не-

счастливым ребёнком. Всегда находилось какое-то противоядие, например, в виде похвалы порядочных учителей. С детства мама твердила, что я должна учиться лучше, чем другие, что нужно трудиться «на прокурора». В том смысле, чтобы никто и никогда не смог бы предъявить мне какие-либо обвинения. Конечно, её психика пострадала – она и в самом деле думала, что дав мне имя «Регина» сможет коренным образом изменить судьбу. Когда я подросла и кое-что стала понимать в жизни, придумала для себя наивную теорию об особой миссии еврейства: Моисей, Соломон, Маркс, Эйнштейн... Ну, и так далее. Читал ли ты когда-нибудь о «Правилах Жизни»² самого мудрого из правителей в истории – царя Соломона? Мудрость, проверенная веками... Метко, лаконично, заставляет задуматься!

Я даже их заучила... Послушай!

«Проходя мимо нищих – делись. Проходя мимо юных – не злись. Проходя мимо старых – склонись. Проходя мимо кладбищ – присядь. Проходя мимо памяти – вспомни.

Проходя мимо матери – встань. Проходя мимо родичей – помни. Проходя мимо знаний – возьми. Проходя мимо лени – вздрогни. Проходя мимо праздных – твори.

Проходя мимо павших – запомни. Проходя мимо мудрых – постой. Проходя мимо глупых – не слушай. Проходя мимо счастья – ликуй. Проходя мимо щедрых – откушай.

Проходя мимо чести – храни. Проходя мимо долга – не прячься. Проходя мимо слова – держи. Проходя мимо чувств – не стесняйся. Проходя мимо женщин – не льсти.

Проходя мимо славы – не тешься. Проходя мимо правды – не лги. Проходя мимо грешных – надейся. Проходя мимо страсти – уйди. Проходя мимо ссоры – не ссорься.

Проходя мимо лести – молчи. Проходя мимо совести – бойся. Проходя мимо пьянства – не пей. Проходя мимо гнева – смиряйся. Проходя мимо горя – всплакни.

Проходя мимо боли – мужайся. Проходя мимо лжи – не молчи. Проходя мимо наглых – скажи. Проходя мимо сирых – потраться. Проходя мимо власти – не верь. Проходя мимо смерти – не бойся. Проходя мимо жизни – живи. Проходя мимо Бога – откройся».

Регина надолго замолчала, словно окаменев. На фоне темнеющего неба её тонкий профиль вырисовывался старинной фреской самой Суламифи.

После дня рождения сын замкнулся и несколько отдалился от матери, объявив, что собирается жениться на Регине, и предложил матери подумать о совместном отъезде за границу. Впервые за тридцать три года она ощутила его сопротивление – прежде он всегда был ведомым. Теперь ведущую роль у неё явно пытались отобрать, но она, не выпуская, крепко держала её.

– Ангелина Петровна! – обращаясь к матери по имени и отчеству, говорил Сергей. – Вы всю жизнь делаете из меня «маменькиного» сына. А я – мужчина.

– Какой ты мужчина? Ты ещё совсем глупенький мальчик.

Ангелина Петровна не собиралась так просто сдаваться: «Уедет он, как же... Невеста? Гнать... Гнать её. Пока жива – не позволю... Что он только в ней нашёл? Смуглая, худая, лопатки торчат... А как же докторская? Профессорская должность?» Но, одно дело – размышлять, придумывая стратегические планы, совсем иное – осуществить их. Нужна была новая тактика поведения, но она пока не знала – какая.

– Так я могу спокойно стареть с тобой? – вкрадчиво спрашивала она сына. – Да. да. Не смотри так на меня... Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. И знаешь – я не люблю сюрпризы. Особенно, такого рода, какой предлагаешь ты. Люди должны вступать в брак со своими соплеменниками. Иначе – будущее непредсказуемо. Ты – с русо-пепельными волосами и она – с иссиня-чёрными. Чем очаровала тебя эта иудейская красавица? Что может вас объединять? Зов плоти? Так это быстро пройдёт, поверь своей матери. А что дальше? Разве ты сможешь жить в стране, где её собратья по крови постоянно бормочут свои молитвы и раскачиваются из стороны в сторону? Пока они поверяют Господу свои просьбы, тебе придётся всё начинать заново и бороться за выживание. Ты готов к этому? Очень скоро всё окружающее начнёт тебя раздражать, и всё закончится взаимной ненавистью. Человек может преодолеть большие трудности, лишь испытывая огромную, всепоглощающую любовь, которую, зная твой флегматичный характер, мой любимый сын, я в тебе не наблюдаю. И что меня, не скрою, особенно радует... Сам подумай. Ты уже не ребёнок.

Так, день за днём, словно каплю за каплей, «вливала» она «яд» в уши сына. Дух борьбы бодрил, она не собиралась уступать. Не найдя ничего лучшего, Ангелина Петровна «слегла» с очередным кризом, сочтя «ухудшение» своего самочувствие хорошим предлогом для воздействия на сознание сына:

– Я совершенно расклеилась. Меня можно просто соскрести с пола.

Как только она слышала, что сын договаривается по телефону о встрече с Региной, тотчас вызывала «скорую», жалуясь на сильные

боли за грудиной, головокружение и страшную слабость. Очередная бригада «скорой», ничего опасного не обнаружив и сделав Ангелине Петровне инъекцию папаверина, но-шпы и дибазола, уезжала. Дошло до того, что некоторые бригады, не единожды побывав у Ангелины Петровны, отказывались ехать на очередной вызов. Вновь и вновь вызываемые врачи уверяли, что инфаркт – у неё в «голове», кололи что-то успокоительное и советовали обратиться к психотерапевту. Она же обвиняла врачей, настаивая, что они просмотрели у неё инфаркт или инсульт.

Сергея состояние матери очень беспокоило – он не мог понять, что же с ней происходит. Он не догадывался, что она «играет» спектакль только для одного зрителя, для него.

Своей двоюродной сестре, приходившей её навестить, Ангелина Петровна шёпотом говорила: «Он никогда на ней не женится. Только когда у меня тут волосы вырастут», – водя пальцем по своей ладони. Совет сестры: «не вмешиваться, не ломать сыну жизнь», Ангелина Петровна ожесточённо отвергала:

– Ты с ума сошла? Зачем ему эта изразлитка? Вот доберусь до её цыплячьей шейки и буду крутить до тех пор, пока не завяжу в узел.

При этом она осознавала, что сын не может неотрывно при ней находиться.

– Ступай на работу, ею нельзя рисковать, – настаивала она. – А я справлюсь. Если что случится, то сразу перезвоню тебе. Только, пожалуйста, после работы немедленно возвращайся.

От долгого лежания у неё немело всё тело. Она хотела встать, размяться, привести себя в порядок. Но Сергей, не зная истинного состояния матери, успокаивал её:

– Не волнуйся. Договорился, что какое-то время поработаю дома. За тобой ведь нужен уход. Только бы всё закончилось хорошо...

– Перестань причитать, как старый хасид у Стены Плача. Я пока ещё жива, – раздражалась всё больше Ангелина Петровна.

Когда он выходил за продуктами, она вскакивала, бегала по квартире, едва успевая запрыгнуть снова в постель, услышав поворот ключа в замочной скважине.

Во время редких встреч с Региной, он больше молчал, погружённый в себя. Сомнения терзали его, он уже не знал, чего хочет на самом деле.

– Сережа, ты не передумал? Возможно, нам всё же расписаться? Может быть, тебе сменить фамилию на мою, чтобы было легче при оформлении бумаг?

– Может быть, ты посоветуешь и обрезание сделать?

– Ну, не обижайся. Пожалуйста. Если хочешь, я пока не поеду. Конечно, буду скучать по маме, но ведь со мной будешь ты.

– Нет, поезжай. Понимаешь, я не могу сейчас думать ни о чём другом? Мать серьёзно больна. Даже докторская повисла...

– Ну, хорошо. Давай только распишемся, чтобы потом, когда всё наладится, тебе было легче ко мне приехать.

Сергей уступил. Они расписались: быстро, буднично, без свидетелей. Матери он ничего не сказал.

Ангелина Петровна по-прежнему играла свою роль. Но видимо, мысли материализуются. То ли мозг, то ли подсознание сыграли с нею злую шутку, превратив игру в реальность. Ей действительно стало плохо, необходимость в притворстве отпала. Очередная бригада «скорой» что-то заподозрив, увезла её в больницу. Диагностировали ишемическую болезнь сердца. Потом открылся «Ящик Пандоры» – болезни явились одна за другой: проблемы с ногами, желудком. Словом, расцвёл целый букет болезней, выпестованный ею. Ангелина Петровна запаниковала, всё время просилась в больницу: там много чужой боли, в которой можно раствориться, стать частью общей беды. Периодически её клали в стационар, но очередное лечение помогало всё меньше.

Во всей этой суете незаметно промелькнул год. В день отъезда Регины провожали единственная подруга и Сергей. Рейс – после полуночи, и, обнявшись с Региной, подруга умчалась на последний автобус. Оставшись вдвоём, Сергей вымученно произнёс:

– Сейчас я нужен маме, понимаешь? Приеду позже. Обязательно приеду...

– Ты сам-то веришь в это? У тебя зависимость от матери. Точно по Фрейду – при рождении твоя пуповина не отделилась. Когда мы встретились... сто лет назад... я обрела какую-то особенную надежду. Но как-то быстро её потеряла. Теперь знаю, не нужно искать опору в чём-то внешнем. Кроме нас самих никто нам не поможет. Надеюсь – то ли глобальная удача, то ли большой провал или какой-нибудь другой толчок научат меня и подвигнут на дальнейшую жизнь. Мы были вместе почти три года. Все – вместе. Ты, твоя работа, твоя мама, навсегда усвоенные тобою привычки и я – где-то там, на последнем месте. Сохранять радостный вид, когда слишком много печали? Как это? Всё так очевидно... Мы то поднимались, то спускались по нашей лестнице жизни. Теперь лестница теряется во мраке... Ступенька за ступенькой... «Хэппи энд» не предвидится... Это – наш «Анти-Голливуд»! Серёжа, родной! Давай обойдёмся без прощальных фраз, обещаний... Это – навсегда... Давай просто помолчим...

Через несколько минут Регина улыбнулась и шагнула в неизвестность...

А Сергей остался стоять, словно на краю пропасти, всматриваясь в черноту ночи...

[174]

У Ангелины Петровны, вдобавок, развился склероз. У неё, никогда прежде не жаловавшейся на память. Изо дня в день она бубнила одно и то же, сыпала медицинскими терминами и всё настойчивей требовала, чтобы ей кололи всё подряд. Болезни затягивали всё глубже – она не в состоянии была понять, что сама отворила им дорогу.

С сыном она почти не разговаривала, разве что о том, чем заправить куриный бульон – вермишелью или рисом. Забывала, что он уже выводил её на прогулку, едва придя с которой снова начинала одеваться. Бесконечно говорила и говорила о еде, что было странно. Её память была избирательна, сохранив, что и в какие годы можно было купить, что было дефицитом, какие были цены. Она очень много плакала. Сергей боялся женских слёз и прятался от матери.

Что его жизнь? Он превратился в няньку при старухе-матери. Боялся признаться, что почти возненавидел её. Он совсем перестал работать над докторской, всё задуманное пошло прахом. Любой возразил бы, что сам такую жизнь выбрал, и он не смог бы объяснить – почему. Только понимал, что хочет остаться хорошим сыном, именно потому, что мать с детства лепила из него гения. Надо отдавать долги. Такая вот изощрённая месть самому себе.

В последние дни она перестала плакать, не узнавала его, только неистово повторяя его имя. Перед самым концом сознание, вдруг, к ней вернулось. Она остановила на сыне бегающий взгляд и... расхохоталась.

- Как же ты на него похож... – простонала, собрав последние силы.
- На кого, мама?
- На него...

Сергей так и не узнал, на кого же он похож. После смерти Ангелины Петровны он испытал чувство облегчения и свободы. До последних дней, когда была ещё в сознании, она красила губы яркой помадой и пила крепкий чай. Внутри чашек всегда оставался коричневый налет, а по краям – малиновые отпечатки. Сергей брезгливо оттирал чашки порошком и жёсткой мочалкой. В доме был полнейший разгром, но разбирать вещи матери он не стал – вроде бы так рано нельзя. В этом хаосе затерялся его паспорт, который вдруг понадобился. «И хорошо, – подумалось ему. – Надо сходить в паспортное бюро, заказать новый. И без штампа о женитьбе».

Чередой всех этих событий оставила его равнодушным ко всему происходящему. Видимо таким образом подсознание защищалось от

«излишков». Иногда ему думалось, что он, даже, счастлив. Счастлив, что душа матери, наконец, обрела покой. Что у Регины, он надеялся, скорее всего, всё сложилось хорошо. Сергей так и не узнал, что у них родилась дочь. Регина ни разу не позвонила и не сообщила ему об этом. Вряд ли, он часто о ней вспоминал. Иногда её образ всплывал в памяти, и он думал: «Господи, как же легко жить! Дышать полной грудью... А ведь мама была права... По-настоящему я не любил... Наверное, это было всего лишь иллюзией... И Бог простит... И не отвернётся, у него много других, более важных дел...»

[175]

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО НЕБЕС

Долгое время после ухода Мии он не прикасался к её вещам. Не разрешал прикасаться к ним и дочери, навещавшей его раз в неделю. Каждый день приходили посторонние люди – соседи, бывшие коллеги и подруги жены. Когда уходил очередной посетитель, Марк с облегчением вздыхал. Понимал – они хотели поддержать его, но лучше бы оставили в покое. Каждый звонок в дверь раздражал, он с трудом скрывал разочарование при виде чужих лиц. Вскоре, вообще, перестал открывать дверь. На цыпочках крался к глазку и неслышно отступал: «Никого нет дома. Убирайтесь». В гостиной не умолкая звонил телефон. Его он тоже игнорировал...

Вечерами Марк открывал настежь окно, чтобы выветрились посторонние запахи, убивавшие всё ещё явно ощущавшийся запах Мии. Впуская в комнату надвигавшуюся ночь, он открывал шкаф, где на средней полке хранил пустые флаконы от её духов, которые издавали неуловимый аромат, старые заколки для волос, засушенные цветы, которыми она перекладывала страницы своего дневника. Сам дневник он забросил за бесчисленные шляпки, шали и косынки, забросил так далеко, что отыскать его теперь можно было с трудом.

Он сидел в кресле, всматриваясь в лицо жены на фотографии:

– Я ничего не выбросил. Тебе бы понравилось. Выбросить, значит отказаться от прошлого. Я не хочу. Ты схитрила, уйдя раньше. Мы так не договаривались, – его голос звучал глухо. Он говорил и говорил, прекрасно зная, что она сказала бы ему в ответ: «Всё болтаешь? И как тебе не надоест?» – Тебе не удастся провести меня, – продолжал Марк. В темноте светились его глаза от непролившихся слез. Он не умел плакать. – В этот раз не стану отвечать на твои колкости. Пусть. Ты ведь злишься не на меня, а на своё бессилие перед правдой, понимая, что я –

прав. Знаешь, я побоялся прочесть твой дневник. Попытался, но строчки расплывались перед глазами, от его страниц шёл холод... Зачем ты его писала? Ты вела его всю жизнь? Почти всю жизнь? Мне ничего не говорила... Что в нём? Я поступил правильно, что не стал читать? Или ты хотела бы, чтобы я всё же прочёл? То, что не смогла или не захотела высказать вслух, доверила бумаге? Или, просто, хотела писать, как я? Почему же молчала? Мои машинки выдержали бы нас обоих... Или ты опасалась моего сарказма? Поверь, я бы не стал... Что с тобой? Твоё лицо сегодня полно противоречий... Не понимаю, чего ты хочешь... Если бы я верил в спиритизм? – Откинувшись в кресле, он с силой стиснул виски.

Будильник. Утро. Надо вставать. А он и не ложился. Так и просидел всю ночь в кресле, не раздеваясь. Лишь немного вздремнул.

Начинался осенний день, который очень скоро доберётся до вечера. Он совсем не ощущал голода. Но привычка «есть» осталась. Холодильник был почти пуст: «Придётся тащиться в магазин – позаботиться о “хлебе насущном”». Дочь привозила какие-то продукты, но за неделю он всё подчистил.

Сходя в расположенный рядом с домом, магазин, где выбор продуктов был невелик, Марк вернулся домой. Приготовил «глазунью», скупое намазал маслом почти зачерствевший хлеб, предварительно размочив и подсушив его на сковороде. Так всегда делала Мия – она никогда ничего не выбрасывала. Поедая яичницу, Марк вспомнил, как она говорила: «Я приготовила тебе роскошные ромашки на завтрак». «Какие странные были у неё ассоциации? А ведь, действительно... Глазунья напоминает ромашку, посередине – желток, вокруг – белые, неравномерные лепестки... Почему он всегда спорил с ней по этому поводу?»

Марк всё время продолжал разговаривать с Мией вслух. Как будто она была рядом:

– Надо разобрать твои платья, книги... Отнести твои женские романы в библиотеку? Как поступить с цветами? Я устал их поливать... Делаю это только ради тебя... А твои бесконечные слоники? На них столько пыли. Кто-то недавно сказал, что если у слона хобот опущен – это к несчастью. Сколько их тут таких? Целых – шесть... Выброшу. Не волнуйся, только эти. Послушай... Когда мы познакомились, я обнаружил, что ты – очень умна. Сначала меня это разочаровало. Лучший выбор женщины делает только слепой и глухой. Потом я оценил твой ум и красоту. Правда, странно, что делаю это признание только теперь? Напоследок можно. Я понял – нельзя копить всё невысказанное в себе.

Потом, неминуемо, будет взрыв! Я утомил тебя своими сентенциями?

Во дворе шумела детвора. Этот шум бесил его – он наглухо закрыл окна. Марк не знал, чем себя занять. Как-то так получилось, что с уходом жены, ушёл весь его мир. У него даже исчезла тяга к профессии. Он подошёл к своим пишущим машинкам, с которыми не мог расстаться при наличии компьютера. Погладил их:

– Кормилицы, вы мои... Люблю вас...

Заправив чистый лист, простучал по клавишам: «Посвящается жене. “Друг мой – Враг мой”». Рассмеялся, выдернув лист из машинки. Вставил новый: «“Божественная комедия”. Последний акт». Набранная строка неодолимо притягивала своей чудовишной насмешкой, лишь подчёркивая обречённость... Почему «Последний акт»? Не вспомнив, сколько же кругов Ада было у Данте, разорвал и этот лист. Долго просидев перед «Оптимой», он отодвинул её и придвинул к себе «Колибри». Но и на этой своей любимице не смог вывести даже названия будущего текста: «Куда подевался калейдоскоп всех его персонажей?»

Протестуя заныли колени и спина... В затылке – холод, липкий пот – между лопаток...Ночь «ощетинилась» тысячью чужих лиц. Марк снова сидел в кресле. «Приходи ко мне во сне, – попросил он. – Хоть, ненадолго. Мы ведь не договорили...»

Чудо ли? Сон ли, смеживший веки? Но Бог позволил ему эту встречу с Мией, чтобы она разделила с ним одиночество.

Чуть наклонившись вперед, она сидела на диване. «Тебя не было целых полгода. Полгода – полного молчания», – сказал Марк. «Не будем о грустном...» – первое, что она произнесла. «Не будем, – согласился он. – Но у меня сильно болит спина. Мучают кошмары». Её пальцы задрожали: «Принесу тебе воды». Запахло лекарством. Мия подала ему пузырёк с каплями. «Ты поступила ужасно. Подумала лишь о себе – не обо мне». «Прости, – сказала Мия. – Не волнуйся, у тебя всё будет хорошо». «Ты не можешь знать, что будет, – закричал Марк. – Не смей убеждать меня, что волноваться не о чем!» «Не буду, – согласилась она. – Но так думает Бог». «Кто!?» «Да, Он!» «Очередная твоя фантазмагория? В темноте легко лгать. Не правда, ли?» «Марк, ты не понимаешь. Бог – повсюду. В скрипе половиц, в шорохе листьев за окном. Доверься Ему».

Мысли Марка путались: Мия выглядела то юной, как в первую встречу – в ярко-синем платье, словно осколке летнего неба. То, вдруг, – с морщинами на лице и с сединой в волосах. «Ответь только: я был хорошим мужем? Для меня это важно». «Теперь поздно... Мне – пора». «Не хочешь сказать правду? Снова – отговорки? Твой уход

растянулся в Вечность, как и вереница твоих подруг...» «Мне жаль. Не выпускай их больше в свою жизнь». «А я и перестал». «Ты спрашивал о дневнике... Он – отдушина моего внутреннего душевного одиночества. Я могла говорить с ним, а он – выслушать», – вместо прощания сказала она. «Почему ты помнишь только плохое?! Ты обманула... Мы договаривались уйти вместе... Я знал, что так закончится... Но надеялся, что ошибаюсь...»

Очнувшись от привидевшегося, он оглянулся... Мия исчезла, её силуэт смешался с тенями, снующими по комнате. «Дневник», – вспомнил он. Выбрасывая всё с полок шкафа, он, наконец, добрался до него. Погладив корешок, открыл наугад:

«Я стала забывать, как ты уводил меня гулять... Это были светлые стороны нашей улицы, где воздух пах свежестью, а тени были прозрачны и воздушны. Постепенно светлые стороны превратились в тёмные... Не осталось ни одной...»

Марк оглянулся на фото жены. Продолжая улыбаться, с фотокарточки на него смотрела Мия...

* * *

Эти долгие зимы, –
Дни скользящие мимо.
Эти острые ветры, –
От луны до рассвета.

Замирали все звуки, –
Ни звонка и ни стука.
Тишина не молчала –
Тишина откричала.

* * *

Утро начинаться не хотело,
Смежив веки слабо и несмело.
И метались тени по квартире –
В этом ли, в придуманном ли мире?

Что-то давешнее всё довлело.
Засоряло мысли и шумело.

Так хотелось вырваться наружу –
Даже в мир, в котором ветер выюжит.

* * *

Слушать. Совсем не слышать.
Смотреть. Но мимо. Сквозь.
Всё же пытаться выжить.
Вместе. Возможно, врозь.

[179]

Всегда. В толпе. Быть лишней.
Опять. Везде. Одной.
Узор, которым вышит
Мой путь – он только мой.

* * *

Сезон дождей. Туманны утра –
Небесной манны шутовство.
В пространстве замерли минуты.
Над нами – жизни торжество.

И всхлипнет пульс. И вены – в трансе.
И немота при свете дня.
Подделка жизни сквозь ненастье
Пастелью опьянит меня.

* * *

Так обесценены слова –
Слоятся, рассыпаясь в пыль.
Мной не дописана глава
И предстаёт иною быть.

Меж рёбер воткнут злой клинок.
Гипотетически, конечно.
Ведь каждый в мире – одинок.
И эта истина – извечна.

Так есть ли смысл вам объяснять,
Как сумерки сомкнут пространство?
Не лучше ль фатализм принять –
Судьбы игру непостоянства?

* * *

Могу быть нежной. Могу быть злой.
То – безмятежной. То – огненной.
Могу быть разной. На все лады,
Застыв в мгновении от суеты.

Могу истаять я для тебя,
В игре свою теряя цельность.
То вдруг, забывшись, достигнуть дна,
Иль воспаряя в запредельность

¹ Медицинский термин, когда гипертония чередуется с гипотонией.

² *Saïm Isralove* (<https://isralove.org>);

Правила были начертаны на кольце царя Соломона, сыне царя Давида.

Царь Соломон (на древне-еврейском – שְׁלֹמֹה Шломо; на греческом – Σαλωμών, Σολωμών; на латыни – Solomon; на арабском, в Коране – Сулайман; жил в 972- 932 гг. до н.э.)

**Виктория
Пышная**
**РУССКАЯ
ПЛЯСОВАЯ**

[181]

Д и П / 2019

В широком зелёном дворе между пятиэтажными блочными домами, у второго подъезда третьего дома, стояло пианино. Девочка-подросток лет двенадцати, смущённо улыбаясь, играла весёлую русскую плясовую, и целая толпа раскрасневшихся от удовольствия тёток и мужиков плясали вокруг, притоптывая каблуками и размахивая руками.

«Ба-рыня! Ба-рыня! Су-дарыня - ба-рыня!» – разносилось по всей округе. Пальцы маленькой пианистки вились над клавишами лёгкими светлыми мотыльками, в то время, как задумчивое лицо в обрамлении каштановых волос становилось всё более и более мрачным. И вдруг голубые глаза её резко расширились и словно застыли, – казалось, она увидела внезапно что-то ужасное.

Лера жила здесь с раннего детства. В шесть лет она пошла в школу, в стенах которой располагалась музыкальная студия. Однажды после уроков, вместо того, чтобы, как всегда, бежать напрямик домой, она сидела на корточках у колонны большого полупустого зала, где один из преподавателей играл на рояле. Вскоре дома появилось пианино, и Лера поступила в музыкальную школу.

Она жила с бабушкой. Знала, что у неё есть и мама, которая её очень любит, но маму Лера давно не видела. Единственным человеком, кого можно было расспросить про маму, была, конечно, бабушка. Но она так каждый раз расстраивалась, что Лера давно перестала её спрашивать, и постепенно как-то и сама стала всё меньше думать о маме.

Ей было очень хорошо с бабушкой – они много вместе смеялись и много пели, подсматривая в песенниках тексты народных песен. А первой мелодией, которую Лера подобрала по слуху и часто наигрывала на новом пианино, была любимая бабушкина «Барыня». Родное морщинистое лицо теряло тогда обычную тяжеловатую мрачность, и

Поэзия и проза

воспоминания о любимом брате, с которым они играли вместе ещё до войны в маленьком ансамбле, наполняли их вечер.

– Станцуй, бабушка! – просила Лера.

– Нет, Лерочка. Я играла на французской гитаре, а Володя – на баяне, и все вокруг танцевали... Я же не привыкла танцевать.

Бабушка любила порассказывать и помечтать, забывая иногда сходить в магазин или приготовить обед. Поэтому Лера очень рано научилась и жарить картошку, и наводить порядок в квартире. Она могла запросто наварить варенья, насолить капусты или приготовить цыплёнка-табака и делала всё это с той естественной лёгкостью, с которой мы умеем делать только то, чему научились в детстве.

Всё шло хорошо. Но когда Валерии исполнилось одиннадцать лет, бабушка заболела. Сначала она стала всё больше забывать и путать. Однажды Лера не могла найти учебник истории. Часа через два он нашёлся под бабушкиным матрасом.

– Бабушка! – кричала измученная поисками Лера. – Мне теперь полночи с уроками сидеть!

Бабушка взвыла как раненый зверь, да так громко, что Лера даже испугалась.

– Ну, что ты, ба, не плачь! Я всё успею, честное слово!

– У-у-у!.. – Обхватив голову неразгибающимися пальцами, бабушка раскачивалась из стороны в сторону, и глаза её были полны ужаса и слёз. – Братика убили! Убили моего братика!..

– Это же было очень давно, ба! Очень-очень давно... Ну, не плачь!..

– У-у-у!.. Мой братик! Володенька!..

И так теперь было почти каждый день. Бабушкины стоны и причитания Лера слышала часто издалека, когда, возвращаясь из школы, поднималась к себе на четвёртый этаж. Вечерами, пока Лера делала уроки, бабушка смотрела по телевизору что-нибудь про войну и долго потом не могла успокоиться, вспоминая убитого на войне любимого брата – так, как будто это было вчера.

Однажды, приближаясь к дому в перерыве между занятиями, как обычно, чтобы проверить и покормить бабушку, Лера сначала услышала, а потом и увидела её – полуголую на заснеженном, обледенелом балконе. Громко плача, она звала своего брата вернуться домой. Лера уложила бабушку в постель, положила ей грелку под одеяло, накормила, напоила и села за пианино. Тяжело подняв руки, она медленно заиграла: «Ба-рыня!.. Су-да-рыня - ба-рыня...» Слёзы капали на белые клавиши.

Каждый раз, когда она играла эту русскую плясовую, бабушка при-

тихала, взгляд её как будто светлел, и казалось даже, что она задумчиво улыбается.

Иногда Лера заставляла бабушку в коридоре —она лежала на полу, стонала и горько плакала – от боли и от стыда. Тогда Лера мыла её и переодевала:

– Какая же ты тяжёлая, ба! Боже, какая же ты тяжёлая... Ну, вставай, пошли в кровать. Не плачь больше, всё хорошо теперь. Ты ушиблась, да? Бедная моя ба!.. Ну, пошли...

Лере теперь приходилось часто бегать домой – между уроками и даже во время музыкальной школы, чтобы помыть и покормить бабушку. Кроме того, надо было вовремя дать ей таблетки и просто проверить, всё ли в порядке.

Проходя мимо соседских бабушек и тётушек, вечно сидящих на скамейке у подъезда, Лера думала: «Как жаль, что никто не знает о слезах её бабушки. Возможно, кто-то смог бы её немного утешить». Но застенчивая девочка совершенно не представляла себе, как она могла бы кому-либо об этом рассказать.

Конечно, иногда к ним приходил врач. Он говорил о каком-то заболевании, спрашивал зачем-то, кто ещё прописан в этой квартире и назначал лекарства, которые Лера потом выдавала бабушке до и после еды. Но это не помогало. А больше у них никого не было. Все родственники, вероятно, были очень заняты, да у них и телефона-то не было, чтобы кому-либо позвонить.

Так продолжалось около года. Бабушка совсем уже не знала, где она находится, и стонала всё чаще так, как будто ей было очень-очень больно. Иногда Лера утыкалась носом в мягкую бабушкину грудь, и они плакали вместе на старом изношенном диване.

Когда бабушка умерла, Лера пошла погулять – впервые за последние несколько месяцев. Валерия никак не могла понять, почему она не может остаться жить дома одна. Но было решено, что она временно переедет к двоюродной тёте.

Лера сложила книги и ноты в коробки, платья – в мешки. В один из солнечных июньских дней приехал грузовик, и четыре грузчика вынесли на улицу вещи, кое-что из мебели, и – пианино. Вокруг столпились любопытные соседи. И тут-то подвыпившая тётка Василиса с первого этажа подошла к пианино и говорит:

– Ах, Лерочка, ты моя девочка! Сыграй-ка ты мне на прощание твою «Барыню»! Сколько раз я плясала под неё! Хоть в последний раз спляшу!

Лера села за пианино и заиграла – сначала не спеша, постепенно

всё ярче и размашистей. Она так часто играла эту музыку, что пальцы бегали и летали по клавишам сами собой.

«Эх, ба-рыня, ба-рыня! Су-дарыня - ба-рыня!» – Василиса плясала всё веселей, вовлекая в танец новых и новых соседей, а Лера постепенно осознавала, что Василиса – она ведь живёт на первом этаже, а Лера играла на четвёртом, и Василиса не только слышала её игру, но даже танцевала в такт её «Барыне». А это значит, что стены в этом доме такие, что они «все – всё – слышали».

Абсолютно всё. Они. Всё. Знали. И никто из них ни разу не позволил в их дверь и не спросил: «Как вы?».

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦ И СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

На ней было длинное концертное платье с широкой полосой цвета северного сияния, летящей от плеча до пола по чёрному бархату. Она посмотрела в зал. Хрустальные люстры отражались в нефритовых кулонах и аметистовых серьгах, в опаловых кольцах и позолоченных запонках. Свет потускнел, и всё поблекло. Голоса затихли. И только клавиши сияли желтоватыми жемчужинами.

Она подошла к роялю. Долгожданный вечер. Мраморный дворец. Волнение постепенно утихало. «Партита» Баха выстраивала воздушные колонны с замыслом небесного дворца.

Раздался скрип. Стук. Шаги. Шорохи. Не отрываясь от игры, она посмотрела в зал. Кто-то опоздал. Она не увидела ни одного лица, а лишь море причёсок. Все повернулись в сторону входной двери.

Снова скрип. Стук. Шаги. Шорохи. Недовольные голоса, шум. Она снова глянула в зал. Люди вставали, грохоча стульями, пересаживались на другие места.

Воздушные колонны рухнули. Небесный дворец исчез. «Партита» осталась напрасной.

Ретроспектива

А тогда её друг принёс домой кусок танка. И на следующий день окропил соседей святой водой. Из лужи. Она вызвала скорую. Через неделю его разрешили навестить. Пополневший, с выпученными глазами и нелепо оттопыренными руками, он хотел, чтобы она сыграла для него.

В большой пустой серой комнате у стены стояло старое пианино. В поношенных джинсах она пробралась между обшарпанных стульев. С потолка свисала тусклая лампочка.

Словно во сне, заиграла она «Партиту» Баха. Казалось – она слышит эти звуки. Казалось – кто-то другой играет, где-то в другом мире. Воздушные колонны небесного дворца выстраивались стройными рядами. Небо пело.

* * *

Доиграв до конца прелюдию и фугу, она обернулась. Большая серая комната была заполнена людьми. Странно одетыми. Странно смотрящими. Множество глаз, устремлённых на неё, в тишине, огромной как небо. И счастливое лицо её друга. А в комнату абсолютно бесшумно входили всё новые и новые слушатели, показывая на входе «билеты» – кто фантик, а кто кусочек газеты.

Она медленно повернулась к пианино и сыграла один из любимых концертов её жизни.

ПЕЧАЛЬ

Что-то мне и грустно, и уныло...
Всё в тиши...
Всё, что было, в прошлое уплыло...
Ни души...

На стене печальная картина –
Дым вдали...
Ландыши на пианино
Отцвели...

Где же ты, души моей надежда?
Нет, как нет...
И в домах – по вечерам, как прежде,
Гаснет свет...

НОЧЬ

Небо – чернее, звёзды – ярче.
Стало большее, сердцу – жарче...
Стало тревожно, где ты?.. Где ты?..
Но безнадежно. Ночь одета
В чёрный плащ.
Не плачь.

ТЫ ПРАВ

Ты прав.
Любовь не бывает вечной.
Любовь не бывает долгой.

Прекрасный цветок,
Блистательный фейерверк,
Восторг, вдохновение –
Это Любовь!

Лишь забвение вечно.
Ты прав.

СУЗДАЛЬ

Все звуки беспомощно тают.
Не выразить небо в стихах.
И то, как душа воспаряет,
Влекомая золотом глав.

И то, как не можешь воскреснуть,
Забывшись, на миг умерев.
Как будто боишься ослепнуть,
Лишь на мгновенье прозрев.

МЕЧТА

Грибы, озеро, домик, да Тургенева томик...
Смешно, как могу я об этом мечтать?
Когда я знаю, что умею летать,
Когда я знаю, как пути мои далеки!
Сижу и мечтаю о домике у реки...

[187]

НОРВЕГИЯ

Где дождём и туманом
В заполярном сияющем лете
Мир наполнился весь,
Всё, что есть у меня на этой планете –
Находится здесь.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Листья,
Острые, жёлтые листья
В память вонзаются больно.

Лисьей,
Нечеловечьей тропкой
Я убегу.
Довольно
Несправедливости страшной.

... Остался
Мне только день вчерашний,
И как ты смеялся...

Небо,
Вдруг опрокинулось небо,
Звёздами отвернувшись.

Мне бы
Вновь повидаться с тобою,
Проснувшись

Там, где на звонких кастрюлях
Мы ритм отбивали – кто дольше.
Это неправда, что нет тебя больше.

МИМОЛЁТНОСТЬ

Когда автобуса нет в помине,
И все троллейбусы идут мимо,
Бывает, кажется, ничто в мире
До глубины своей непостижимо.

Дома в ухмылке стеклом афишным,
И воздух стонет машин металлом,
А ты стоишь существом – лишним,
Всего лишь блик – на снегу талом.

Ревут моторы, скрежещут шины,
Огни рекламы глаза режут.
Рычат машины, бегут машины.
Бывает –люди, но реже, реже.

КУРДИСТАН

Здравствуй, гордый и сказочный, мой Курдистан!
Синева анемонов на горных лугах,
Аралат белоснежный над озером Ван.
Сон сельджуков, развеянный в прах.

Лица строгие, смуглые, пристален взгляд.
Взор искрится, как бисер в узоре платка.
В шароварах мужчины, как сто лет назад,
И походка горда и легка.

О стаканчики чайные ложки звенят,
От тюфте аромата туманится взор,
Из тандыра достали уж хлеб, сели в ряд,
О делах завели разговор.

О семье и о детях, и где, что – почём,
О баранах на пастбищах горных высот,
О друзьях, о народе и обо всём,
О чём сердце болит и поёт.

О, прекрасный и сказочный мой Курдистан,
Не иссякнуть твоей красоте на века!
Твоя вера сильна, твоя чаша полна,
И любовь, как душа, глубока!

[189]

ТУМАНЫ

Туманы сизые спустились до земли.
Легли на озеро и на душу легли,
Окутав мысли и цветы в дрожащей мгле.
Туманы светлые клубятся в тишине...

* * *

Положи меня, озеро, на травы островок,
И укутай тумана перинами.
Золотистой морошкой полон мой кузовок,
Я бродила путями звериными.

Я устала – умаялась, заплутала в лесу,
И затихла души моей горлица.
На кровати, на моховой, я так сладко усну,
Коли день ясный мой к ночи клонится...

* * *

Утопает розовая нежность
В отблесках безбрежной пустоты.
Океана пенные одежды
Белые напомнили цветы.

Нашу встречу – тайную, шальную,
На ладонях – яблонь аромат.

И, забывшись, волны я целую,
Охлаждая вспыхнувший закат.

ФАВОР

Посвящается Сергею Пышному

[190]

Как стрела, что летит ввысь,
Знать не хочет, что есть мишень.
Мысль с далью в тебе слились,
Пусть не там, где была цель.

А души твой ковёр пёстр,
И так манят его сады,
Но остры там шипы роз,
И зверей диких там следы.

Как Фавор посреди гор,
Ты и пышен так, и высок.
Открывается всем простор,
На вершине, кто встать смог.

* * *

Один чужак собрался погулять
И очутился в сказочной стране.
Там камни были воздуху подстать,
Летая в серебристой вышине.

В искристой дымке там возник дракон,
И в шлейфе ярком, пламенем горя,
Проплыл по небу золотистый слон,
Закатывая солнца за моря.

А звёзды, будто лунные цветки,
Там падали серебряным дождём,
Колочки превращая в лепестки,
А снизу лучезарным фонарём

Всё освещалось, только этот свет
Оказывался чудищем с хвостом,
В зелёный фрак шикарно разодет,
Он пел ещё так сказочно притом.

Смотрел чужак в восторге на ручей,
Блестящий, как меча стальной клинок,
В браслете из оранжевых камней,
Что исчезал, сбегая на песок.

[191]

И думал он, что сердце потерял,
Подвластное отныне чудесам.
Гадал чужак, куда же он попал,
Не зная, что волшебник был – он сам.

* * *

Мир потемнел.
Чёрные звёзды падали в море.
Серой змеёй
ночь наползала на побережье.
Я не успел
ей рассказать сказку о горе.
Сказку о том,
как распускалась Роза Надежды.

Как лепестки
нежно дрожали, нежно и странно.
В отблеске звёзд
море казалось дивной невестой.
В платье златом
из лоскута от океана.
В платье златом
в отблеске звёзд – бледной невестой...

Мир потемнел.
Чёрные звёзды падали в море...

ФЕЙЕРВЕРК ЛЕТА

Когда мне захочется счастья немножко,
Пойду я туда, где гуляет морошка
В нарядах зелёных.

Где кружится вихрем, танцую в полёте,
Паук на волшебном ковре-самолёте
В мечтаньях влюблённых.

Зардеется ало брусника в короне
И соком прольётся в горячей ладони,
Желаньем согрета.

Взовьются стрекозы в ламбаде блестящей,
Мой день превратив в фейерверк настоящий, –
В сиянии лета!

У ОЗЕРА

Уставшей лилии увяли лепестки.
Печальная, склонилась над водою.
У озера, где были мы с тобою
Так нежно-трепетно, так ласково близки.

Где, изогнувшись, как стальной дракон,
Подставил спину нам старинный мостик, мы же
Друг другу были лепестков двух ближе
Бутона одного... Как светлый сон

Накрыла сакура воздушным молоком
Невинную весеннюю прозрачность.
Лишь белой лилии чудесная невзрачность
Напомнила случайно о былом.

* * *

Болотная цветь безбрежная
Красива, как девка пышная,
Голубоглазая, нежная,
В кружеве – юбка нижняя.

Росенок ресницы мокрые
Дрожат в ожидании радостном,
И только багульник охровый
Дурманом овеял тягостным.

Пройдёт вдоль трясины кромкою,
Прояв облака лиловые,
Что под ногами, мокрые,
Раскинулись да под голыми.

В чашу зайдёт сосновую,
Румянец зардеет заревом,
Где орхидеи пунцовые
Лес ароматом залили.

В сердце огонь безвременный
Лишь от сиянья небесного?..
Девка красивая... брeнная...
Гать под ногами тесная...

[193]

Д и П / 2019

Виктория Пышная

Сергей Пышный

АЛЕСИК

[194]

Д и П / 2019

С детства я жил с родителями на Невском, в коммунальной квартире в Ленинграде.

Привык к жизни там, был дружен с соседями, казалось, что все жильцы – одна семья.

Ежедневно, после занятий в школе, я заходил к Надежде Васильевне. Она жила одна, не выпускала изо рта папиросу «Север», хоть и покашливала. Была рада моему приходу и почти всегда угощала пшёнкой кашей. Изредка я навещал и другую соседку, пожилую даму, которую все называли «бабкой». Она жила с сыном, пьяницей. Она позволяла мне немного покурить его папиросу. Ещё к одному соседу, Олегу, я ходил играть в шахматы. Он тоже был пьяницей, и к тому же, вором-рецидивистом. Жил с хорошенькой женщиной, Лялей, – пышногрудой, доброй еврейкой. Она очень любила Олега и терпеливо переносила издержки его профессии. Однажды он сказал моей маме: «Вера Николаевна, – я вор. Но вас не обворую, потому что вы – люди хорошие». Как часто бывает, он попал в лагерь, где его убили.

Мама дружила с Анной Степановной из соседней квартиры. Та была маленького роста, худенькая, вечно озабоченная мыслями о питании для сына. Его звали Алесиком. Иногда мы с мамой ходили к ним в гости.

Комната, в которой они жили, находилась в торце длинного, узкого коридора, едва освещённого крошечной, запылённой лампочкой, висящей на грязном, загаженном мухами, проводе. Но сама комната была уютной и ухоженной. Овальный стол окружён стульями, всегда застелен белой скатертью, над ним – зелёный абажур.

Волнение Анны Степановны вызывало то, что Алесик плохо учил-

ся, постоянно болтался с подозрительными сверстниками по двору. О его поступлении в институт не могло быть речи.

Он винил мать за то, что живёт в бедности, что за работу на заводе она получает нищенскую зарплату, что вырос он без отца и ещё за многое другое. Всё это воспаляло его крошечный мозг, и он часто добавлял: «Зачем ты только меня родила? Я не просил тебя об этом. Таким убогим, как ты, нельзя рожать детей. Что ты можешь им дать?»

Алесику было уже за двадцать, профессии не было, девушки обходили его стороной. Он становился всё раздражительней и сердился на весь мир.

Тем не менее, женился, привёл в дом молодую жену, Галину. Своего жилья у неё не было – жила в общежитии, работала на ткацкой фабрике. Родом она была из сибирского городка, и всегда утверждала, что там, в Сибири, люди более открытые и добрые, чем холодные и бездушные ленинградцы. Её отношения со свекровью не сложились с первого взгляда. В их спорах Алесик всегда принимал сторону жены. Анна Степановна возмущалась, что невестка не помогает убираться в квартире, что ей, старой женщине, приходится стирать бельё и сыну и Галине. Невестка отвечала свекрови: «Вы ведь – на пенсии, что вам ещё делать, не сидеть же, сложа руки?»

Мать мешала молодым, и они предложили ей где-нибудь снять угол. Анна Степановна категорически отказалась выехать из квартиры, в которой родилась.

Обстановка всё более накалялась. Алесик приходил домой пьяным, раздражённым.

Однажды вечером, Анна Степановна готовила на плите еду. Пришла Галина, отодвинув кастрюлю свекрови, стала готовить ужин. Анна Степановна вырвала у неё из рук сковороду и вернула на место свою кастрюлю. Галина бросилась в комнату – жаловаться Алесику. Выпивший Алесик с криком набросился на мать: «Прекрати обижать мою жену! Ты мне больше не мать». На кухне было много соседей, и одна из них не выдержала: «Правильно, – она не мать тебе, подобрала на улице и вырастила».

Анна Степановна, с дрожащими губами, не могла произнести ни слова. Лицо Алесика исказила гримаса боли и отчаяния. Он бросился перед матерью на колени, рыдая и причитая: «Прости, прости, мамочка».

А у неё перед глазами всплыл один из блокадных дней, когда она, возвращаясь после работы домой, увидела, как медленно падали крупные снежинки на лежавшую без признаков жизни женщину в чёрном, изодранном пальто. На груди у неё лежал маленький ребёнок и что-то лопотал. «Значит, жив», – подумала Анна Степановна ...

Вскоре, Алесик снял комнату в соседнем доме. Он перестал пить и освоил одну из рабочих профессий. Ежедневно, до самой смерти Анны Степановны, он приходил к матери, помогая во всём.

КАПИТАН

К 80-летию начала Второй Мировой Войны.

К 75-летию освобождения Ленинграда от блокады немецко-фашистских захватчиков.

Моему отцу посвящается.

[196]

Д и П / 2019

Война близилась к концу, но в Венгрии немцы начали упорное наступление. Местность, до горизонта – ровная, как стол, не давала возможности укрыться. Десятки танков шли навстречу друг другу. Взрывы снарядов сливались в общий грохот, воздух был смешан с землёй и дымом. Потери с двух сторон были огромные. В этом бою, впервые за всю войну, капитан медицинской службы, врач Гушин, был ранен осколком снаряда. Пробило грудь, лёгкие. Боли не было, в груди стало тепло, а всё тело – ватным. Идти не мог.

Водитель немецкого танка не видел необходимости стрелять. Он ехал прямо на двух русских, ползущих в пыльной, выжженной траве. Медсестра тащила капитана к окопу или воронке – в надежде укрыться. Танк приближался.

– Оставьте меня, сержант, – проговорил капитан. – Нам двоим не спастись.

Сержант не отвечала и из последних сил тащила раненого...

– Я вам приказываю – уходите, оставьте меня, – прокричал капитан. Медсестра будто не слышала его.

– Оставьте! Иначе застрелю за невыполнение приказа, – застонал капитан, пытаясь открыть кобуру.

Они рухнули в окоп. Через несколько секунд над окопом пронёсся танк, осыпав их землёй.

Что было потом, капитан помнил плохо. Он терял сознание, приходил в себя. Находясь в полузабытье, иногда замечал, что его куда-то волочат, несут, везут в грузовике.

Осознавая, что с таким ранением не выживаю, пытался пережать сосуд внутри груди.

В какой-то момент увидел, что лежит на носилках, на берегу реки. Кругом было много раненых. Мелькнула мысль: «Ждём переправы на другой берег».

Поэзия и проза

Поздний вечер. Воздух синий, холодный, Безветрие. Венгерские женщины подносили вино. Некоторые раненые, выпив холодного вина, умирали. Капитан отказался пить. Он думал о медсестре, сержанте медицинской службы: «Никогда не называл её по имени... Люба. Возможно, зря так часто ругал её? Но, ведь, – война. Любая оплошность может привести к гибели солдат. – Вспоминал её, высокую, стройную блондинку двадцати лет – болтушку с юмором. – Не повезло, подумал капитан. – Всю финскую прошёл и пронесло, потом – с немцами на Карельском, и надо же под самый конец придётся сыграть в ящик».

[197]

После ранения прошло несколько месяцев. Он выжил и снова был направлен на фронт. По дороге заночевал в гостинице в Бухаресте. Среди ночи проснулся от стрельбы. Кинулся к оружию. «Немцы прорвались», – первое что пришло в голову. Но это была не обычная стрельба. Это был салют – война закончилась.

После войны долго ещё не мог капитан вернуться к мирной жизни. В Ленинграде, после пережитой блокады, находились его жена и семилетний сын. Капитан не видел себя военным человеком, но его многочисленные рапорты об отставке отклонялись. Пока не написал письмо Л. Берии. Тот отпустил, учитывая, что после блокады жена Гущина была неизлечимо больна. У неё было полное нарушение обмена веществ. Московский профессор предположила, что всё сможет исправить беременность. И произошло чудо. У капитана родился сын, а жена выздоровела. Гущин устроился на работу в больницу. Жизнь входила в мирное русло. Войну он не вспоминал – исключением было 9 мая.

Рассказывал домашним: «Привезут вечером полный эшелон мальчишек. Смеются, балуются, но я знал – следующим утром всех их перелопатят. А вечером снова такой же полный эшелон прибудет, – горло перехватывало, трудно было говорить. Но войну на Карельском фронте вспоминал почти с удовольствием. – Там и войны-то почти не было. Стояли мы месяцами против немцев, никто не стрелял, – рассказывал он. – Постепенно солдаты потеряли страх, сначала за водой ходили, потом начали купаться вместе... На голых ведь, униформы нет. Брызгались мальчишки немецкие и наши друг в друга. Такая вот была стрельба. Но потом высшее начальство об этом узнало, и весь фронт сняли и перебросили на Южный. Там уже был кошмар».

Почти никогда не рассказывал он, как медсестра тащила его на себе от танка, не зная, далеко ли оставалось до окопа. Чуть начнёт говорить, а голос срывался, и слёзы наворачивались. Взмахнёт рукой и уйдёт по какому-то делу. Он не знал, что стало с Любой. Выжила или нет? Но однажды, во время научной конференции в Ленинграде, он встретил

одного из немногих выживших коллег, с кем служил в одной части. Оказалось, что сослуживец нашёл многих однополчан и Любу в их числе. С тех пор стал капитан думать: «Как быть? Позвонить и приехать?» Но не решался.

Прошло несколько месяцев. Случай подтолкнул к решению. На одном из заседаний медицинского общества он узнал, что в Риге, где жила Люба, на следующей неделе состоится медицинский конгресс. В тот же день капитан позвонил Любе:

– Люба, привет! Это капитан Гуцин. Мы служили вместе, я под Будапештом был ранен. Помните меня?

– Ой, товарищ капитан, – воскликнула Люба. – Конечно, помню. Где Вы находитесь?

– Я в Ленинграде живу, случайно встретил майора Зубкова. Он мне Ваш телефон и адрес дал. А я в следующий четверг буду в Риге. Еду на конгресс педиатров. Вечером перед отъездом сможем встретиться.

– Конечно! Я до пяти работаю. Позвоните мне – договоримся.

– До встречи, товарищ сержант медицинской службы.

В четверг утром он был уже в Риге. Целый день бродил по городу и в шесть вечера позвонил. Они встретились в привокзальном кафе.

– Товарищ капитан, Вы совсем не изменились, – улыбаясь, сказала она. – И ни одного седого волоса.

– И Вы, Люба, отлично выглядите. Солидной дамой стали.

– Вы, товарищ капитан, как и раньше, любите пошутить. Извините, что домой не позвала, у меня там – проблемы.

Они сидели за столиком и рассказывали друг другу, как дождались окончания войн, как жили пятнадцать лет после совместной службы. У Любы родились сын и дочь. Однако её брак распался. Вышла снова замуж, но муж спился, дома – постоянные конфликты. Гуцин рассказал о своей жизни после войны: военной и гражданской. До отправления поезда осталось немного времени – началась посадка. Они вышли на улицу. Дул сильный ветер и моросил дождь. Подошли в вагону:

– Люба... – капитан хотел протянуть руку, но как-то суетливо обнял и прижал её к себе. Щека коснулась её мокрых волос. Дождь скрывал его слёзы. – Ну, всё. До свидания, Люба, – как-то отрывисто произнёс он и, не поворачиваясь, поднялся в вагон.

Люба что-то говорила и показывала ему через вагонное стекло, а он кивал головой. Поезд тронулся. Молча и неподвижно смотрели они друг на друга. Несколько секунд, и она исчезла. Поезд миновал вокзал, разные постройки. Замелькали деревья, кусты. Всё уверенней раздавался стук колёс. Они не встретились больше никогда.

[199]

Ди П / 2019

Публицистика. Мемуары. Эссе

Борис Э. Альтшулер

ЧТО ВАМ РАССКАЗАТЬ О ЮЖНОЙ ИТАЛИИ?

В этом году полетели в Италию. В Южной Италии везде полно церквей, а уж мегаполис Неаполь, с которым нам захотелось познакомиться поближе, ими просто усыпан. По итальянскому телевидению редко, но относительно доброжелательно дискутируют о евреях. Мы имели возможность проследить за интересной просветительной теледискуссией об иудаизме и евреях. Отличительная особенность юга Италии: подавляющее большинство населения там практически не говорит ни на одном другом языке кроме итальянского, довольно неплохо понимают испанский и даже беседуют друг с другом без переводчика – каждый на своём латинском языке. Редко владеют английским, ещё реже немецким. Относительно много туристов из России и особенно из Польши. Поляки приезжают сюда за католичеством и, естественно, получают его в полном объёме. В неаполитанском такси обязательно висят сразу несколько чётков с крестами и очень часто портрет святого целителя падре Пио. Этот падре смотрит на тебя со стен многих домов, где в его честь устроены альковы с цветами, свечами и портретом.

Город очень шумен, очень грязен, хаотичен, вымощен бульжником, очень мало цветов и деревьев, но без гор мусора на улицах как ещё несколько лет назад. Как почти везде в метрополии изумительные фасады домов довольно обшарпаны, полны граффити. Феноменальна площадь Гарибальди у Центрального вокзала: громадный покрытый камнем пустырь и ни одного цветочка или дерева. Неаполь постоянно перестраивается и чем-то похож на советские города, где тебя повсюду подстерегали вырытые канавы. Ничто сегодня больше не напоминает старую латинскую поговорку «Увидеть Неаполь и потом умереть» (лат. *videre Napoli et Mori*). Чудесный Залив довольно беспорядочно застро-

[201]

Ди П / 2019

Надгробие еврейской девушки из V–VI вв. с эпитафией (лат.): «Здесь мирно лежит Крисченция, дочь Паскаса, которая прожила восемнадцать лет». В конце – два слова на иврите: «шалом» и «амен», посередине – менора. Национальный Археологический музей Неаполя.

Мемориальная настенная доска в честь Адольфа Карла, барона Ротшильда.

ен по периметру различными промышленными зданиями, так что от былой красоты осталось немного и над городом на расстоянии шести километров воздушной линии от жилища высится контур Везувия со спиной двугорбого верблюда, который всё ещё может вдруг рвануть. Под Везувием и Заливом на довольно опасной глубине бушует магма и когда-нибудь её пузырь снова лопнет, но пока ещё Неаполю везёт. Последнее извержение произошло в 1944 г., а катастрофическое землетрясение случилось не так уж давно — в 1980 г.

Неаполь – административный центр области Кампания и провинции Неаполь. после Рима и Милана третий по величине город Италии и самый большой в Южной Италии с населением около миллиона человек, а с пригородами — даже около трёх миллионов. Кроме того, он второй по величине порт страны. На узкой улице Дуомо, где мы остановились, стоит очень красивый собор, но, по-моему, основная достопримечательность города это Национальный Археологический музей Неаполя, где выставлены потрясающие по красоте скульптуры, мозаики, фрески и иные артефакты из раскопок в Помпеях и Геркулануме.

Евреи живут в Неаполе не менее двух тысяч лет. Они поселились здесь ещё во времена Римской империи, в 1-ом в. н.э. В 536 г. 2500 евреев под командованием Исаака бен-Зюсса защищали город про-

Борис Э. Альгшулер

тив византийского полководца Велизария. Призывая сопротивляться до последних сил, они храбро отстаивали город со стороны моря. В 1165–1170 гг. еврейский путешественник Вениамин Тудельский сообщал, что в городе проживало около 500 еврейских семейств, во главе которых стоял некий р. Давид. После изгнания сефардов из Испании большое число евреев оказалось в Неаполе, где их благожелательно принял Фердинанд I. Беженцы были с энтузиазмом поддержаны евреями города и самим королём. Здесь искали убежища и изгнанники из стран, зависевших от Испании, как, например, из Сицилии и Сардинии. Среди эмигрантов находился р. дон Исаак Абарбанель, к которому с необыкновенной благосклонностью отнесся Фердинанд I, назначивший его своим советником. Родословная семьи русского писателя Бориса Пастернака велась именно от этого дона Исаака Абарбанеля (в другой транскрипции – Абраванеля). В 1224 г. в Неаполе был основан университет, а в 1266 г. возникло Неаполитанское королевство.

В 1540 г. евреи были вынуждены оставить королевство. Часть из них направилась в Турцию, другие в Анкону или Феррару. Некоторые, прибывшие морем, были захвачены в плен и отправлены в Марсель, где им помогли мараны. С тех пор в течение двух столетий ни в Неаполе, ни во всем королевстве не проживал ни один еврей. В 1707 г. область завоевали австрийцы, а в 1734 г. вновь было провозглашено Неаполитанское королевство. Только в 1738 г. неаполитанский король Карл III дал евреям право вновь проживать в городе и во всём государстве, подтвердив это указом о привилегиях в 1740 г.

Во время наполеоновских войн в городе была объявлена республика, затем последовала британская оккупация, правление брата Наполеона и маршала Мюрата, а в 1815 г. вернулся король. В 1832 г. здесь вместе с семейством поселился барон Карл Мейер Ротшильд (1820-1886) из Франкфурта, полную гражданскую свободу евреи получили после присоединения Неаполя к Пьемонтскому королевству. В 1860 г. город был захвачен армией Гарибальди, освобождён от австрийцев и вошёл в состав королевства Италии. 1 января 1862 г. евреи восстановили общину. Синагога Неаполя была основана в 1864 г. при поддержке Адольфа Карла фон Ротшильда (1823-1900), сына Карла Майера Ротшильда и Самуэля Саломоне Вейль. В 1911 г. в городе проживало около тысячи евреев. В начале XX-го века здесь началась карьера рабочего лидера, социалиста Бенито Муссолини, основавшего движение фашизма. Оттуда же в 1922 г. начался поход фашистов на Рим, результатом которого стал захват власти в стране и установление фашистской диктатуры.

С получением евреями полного равноправия после объединения Италии в 1870 г. из их среды выдвинулись многие видные политики,

ученые, писатели, художники. Почти 20 лет министром финансов, а с 1910 г. премьер-министром Италии был Л. Луццатти; военным министром в 1902–1903 гг. – Дж. Оттоленги, министром финансов в 1901 г. – Л. Волеборг (1859–1932); министром юстиции в 1919 г., а затем членом сената — Л. Мортара (1855–1937); с 1882 г. парламентарием, а с 1920 г. сенатором — глава еврейской общины Падуи Л. Романин-Якур (1847–1928). Международную известность приобрели криминолог Ч. Ломброзо, физик А. Артом (1867–1927), выдающийся лингвист Г.И. Асколи (1829–1907), историки географии Г. Узиэлли (1839–1911) и картографии Р. Альмаджья (1884–1962), математик Т. Леви-Чивита (1873–1941), скульптор Э. Глиценштейн (1870–1942), живописец А. Модильяни, писатель Итало Свево и многие другие.

Интересно, что русская народница Анна Моисеевна Кулишова (Розенштейн; 1853–1925, находилась в Италии с 1878 г.) была среди основателей Итальянской социалистической партии в 1892 г. Другая русская народница Анжелика Исааковна Балабанова также успела принять участие в основании Социалистической партии Италии и партийной прессы, а также побывать любовницей молодого дуче. Да и остальные русские революционерки как, например, жена знаменитого теоретика анархизма князя П.А. Кропоткина, Софья Григорьевна Аманьева-Рабинович или супруга первого русского марксиста Г.В. Плеханова, Розалия Марковна Боград, были российскими еврейками и также долго отдыхали с семьями на Ривьере в Италии.

Актуально еврейская община в Неаполе резко уменьшилась и составляет сегодня, к сожалению, лишь около 140 человек. Как мне рассказал раввин, наезжающий сюда из Милана, не всегда есть миньян. При нашем посещении синагоги на Новый год большинство присутствующих были туристами из Австралии, Канады и Америки. Один наш бывший соотечественник, приехавший из Канады, до этого, по-видимому, ни разу не бывал в синагоге и заявился на богослужение в коротких шортах и в майке. На стенах зала собраний установлены мраморные мемориальные стелы в честь членов семьи Ротшильдов и Асаселли, много сделавших для этой общины. Библейскому экзегету Менахему бен Шломо (первая половина XII-го в.) приписывается окончательное оформление молитвенного ритуала итальянских евреев, так называемый минхаг роми (римский уклад), который восходил к традиции Эрец-Исраэль и был принят в большинстве общин Италии. Раввин сказал нам, что минхаг Неаполя он не сефардский и не ашкеназский. По-видимому, он имел ввиду этот римский уклад.

Помидоры, без которых невозможно представить себе итальянскую пиццу, были впервые импортированы в Италию евреями из Испании.

Да и томаты шерри, которыми сегодня так гордятся итальянцы, были всё-таки относительно недавно выведены селекционерами в Израиле. Еврейский район Vicus Iudaeorum находился в кварталах Портанова и Форчелла, которые сегодня считаются одними из самых фешенебельных. По соседству квартал зданий фашистской архитектуры, а на побережье Залива есть обустроенный променад, куда неаполетанцы обязательно приходят в конце недели прогуляться и посидеть в ресторане. Еврейский общинный центр Неаполя расположен в районе Сан-Фердинандо, на улице Vico Santa Maria a Cappella Vecchia 31, недалеко от площади Пьяцца дей Мартири в самом сердце района Chiaia. На небольшой горе по соседству располагается самый шикарный район города с потрясающим видом на Залив и красивыми виллами, куда обязательно приезжают туристы в экскурсионных автобусах и делают эффектные фотографии.

Еврейский район города связан с бывшим благородным искусством производства шёлка и с улицей книготорговцев. До 1930 г. здесь были магазины ювелиров и торговцев серебряными и золотыми изделиями. Ещё сегодня район остаётся центром торговли ценных металлов и драгоценных камней. Названия улиц Via Giudecca Grande, Via Giudecca Vecchia, Vico Giudechella напоминают о бывлом массивном еврейском присутствии в городе. Синагога Неаполя находится в неоклассической Вилле Пиньятелли, бывшем дворце неаполитанской ветви семейства Ротшильдов.

Как бы то ни было, но большинству итальянских евреев удалось выжить в годы Холокоста благодаря поддержке католической церкви и самых широких слоев населения — церковных иерархов, гражданских лиц и армейских чинов. В целом, в период Катастрофы погибли 15 процентов итальянских евреев.

В 1938-1939 гг. около 4000 евреев крестились, хотя до этого в 1936-1937 гг. таких случаев было чуть больше 100. Характерно в этом смысле недавно найденное письмо крупнейшего современного итальянского писателя Альберто Моравиа к Муссолини. Моравиа заверял диктатора в лояльности, напоминая, что он не совсем пропащий: «Действительно, мой отец еврей, но моя мать — чистых кровей и католичка по вероисповеданию». Впрочем, в 1943 г. после оккупации Рима войсками вермахта ему всё же пришлось прятаться с женой-еврейкой, чтобы не угодить в концлагерь.

После войны евреи вернулись в итальянскую общественно-политическую жизнь, а брат великого художника Джузеппе Модильяни даже возглавил Социалистическую партию Италии и был избран депутатом Учредительного собрания, председателем которого стал другой еврей — Умберто Террачини.

На встречу Нового еврейского года 5778 мы поехали в 32° жару в синагогу Неаполя, до которой надо добираться через лабиринт внутренних дворов. В контрольной будке у входа нас ожидали солдаты с автоматами наперевес, представитель полиции потребовал для проверки паспорта.

Своим существованием еврейская община Неаполя обязана в значительной степени Ротшильдам. Немецкий банкир и политик барон Майер Карл фон Ротшильд (Mayer Carl, Baron von Rothschild, 1820-1886) вошел в 1866 г. в состав делегации на переговорах с Отто фон Бисмарком относительно льготных условий для присоединения Франкфурта к Пруссии. В 1871 г. Ротшильд стал первым евреем, вошедшим в состав Прусской палаты господ.

Четвертый брат Ротшильда, Карл (1788-1855), основал в Неаполе в 1821 г. пятый дом Ротшильдов, когда он отправился сюда, чтобы договориться о займе правительству Фердинанда II. Этот банк C M de Rothschild & Figli в качестве представительства головного банка во Франкфурте-на-Майне стал ведущим на Юге Италии. Семья жила в уже упомянутой неоклассической Вилле Пиньятелли (Villa Pignatelli) около нынешней синагоги, и в течение нескольких лет там же проводились религиозные службы. Практически это была семья первого «нетайного» еврея в Неаполе. Помещения в Палаццо Сесса были позже арендованы для религиозных служб. Адольф Карл Ротшильд финансировал большую часть последующих реставраций, а члены семьи Ротшильдов были активными членами общины вплоть до смерти Адольфа Карла в 1900 г. Благодаря влиянию барона Карла Вильгельма Ротшильда здание, расположенное в Палаццо Сесса, было открыто в 1864 г. При входе стоят две мраморных статуи: одна из них в память президента общины, промышленника Дарио Аскарелли, который купил помещение для синагоги в 1910 г., другая напоминает о депортации неаполитанских евреев во время ВМВ. Эти средства наряду с щедрым взносом барона Ротшильда и взносами других членов общины позволили в 1927 г. окончательно выкупить здание. Кроме того, члены семьи Аскарелли явились инициаторами, менеджерами и меценатами строительства футбольного стадиона Неаполя, где пару десятков лет назад ещё играл Марадона. Название стадиона Stadio Giorgio Ascarelli было отменено после обнародования расовых законов 1938 г.

На этапе создания и становления Национальной фашистской партии (PNF) в числе её сторонников было немало евреев, а некоторые из них даже оказались среди членов высшего партийного органа – Большого фашистского совета. Далекую не последнюю роль в укреплении партийных рядов сыграла любовница и биограф Муссолини, автор

многих его речей, журналист и искусствовед, идеолог партии еврейка Маргарита Сарфати. В октябре 1936 г. был подписан договор о дружбе с нацистской Германией, а в 1939-м г. страны заключили Стальной пакт. Антиеврейские законы, изданные в 1937–1938 гг., ввели тяжелые гражданские и экономические ограничения, в том числе запрещали браки между евреями и «арийцами», службу евреев в армии и на флоте, в государственных, муниципальных и общественных учреждениях. Евреям было запрещено нанимать «арийских слуг»; еврейское имущество подлежало конфискации. В 1943 г. после высадки союзных войск в Сицилии Муссолини подал в отставку. В ответ Германия ввела свои войска в ненадёжную Италию. Многие из евреев успели покинуть город. Оставшиеся около пятидесяти человек нашли убежище в крестьянских семьях соседней Казерты, остальные были депортированы в концлагеря. История и опыт Италии 1920—1940-гг. наглядно продемонстрировала — «хорошего» фашизма не бывает.

Сегодняшняя успешная интеграция имеет и обратную сторону — итальянские евреи стремительно ассимилируются. Так или иначе, но усиление антисемитских настроений заставит общину резче обозначить свою идентичность: кто-то, наконец, вспомнит о своем еврействе, другие, наоборот, постараются от него избавиться.

Община Неаполя выполняет религиозную юрисдикцию над регионами Кампания, Молизе, Апулия, Базиликата, Калабрия и Сицилия. В «Трани», не так давно возрожденной еврейской общине в Апулии, которая стала частью Неаполя в 2006 г., тогда ещё насчитывалось около 200 человек, включая новых членов. Кроме синагоги в Неаполе есть кошерные рестораны, магазины, гостиница, — есть и представительство ХАБАДа. В молельном зале над свитками Торы надпись на иврите из «Пиркей Авот»: «Знай перед кем ты стоишь». Расцвету города и его еврейской общины препятствует, по-видимому, зловещая репутация каморры, хотя для туриста она в повседневной жизни незаметна. Сегодня в ресторанах не обсчитывают и дают квитанцию; в такси отдают сдачу, но всё-таки во избежание сюрпризов лучше обговорить цену до поездки.

Отдельным и важным вопросом будущего общины является её отношение к крещёным потомкам «анусим» (ивр. принуждённых, изнасилованных), также известных в литературе как мараны (исп. свиньи), которых 200-300 лет назад под угрозой смерти заставили перейти в христианство. Потомки анусим посещают иногда синагогу и даже теоретически интересуются вопросом возвращения в лоно иудаизма. Среди них нередко видные общественные деятели и люди культуры. Как мне объяснил раввин ввиду отсутствия документов о происхождении

ничего утешительного он им сказать не мог. У неаполетанских анусим есть свои особенности: после насильственного перехода в христианство они долго оставались компактной группой, женили своих детей среди своих же и хоронили друг друга не в центре, а на выделенной окраине христианских кладбищ, предпочитая не проводить кремацию. Возможно им могли бы сегодня помочь реформисты.

По желанию автора текст опубликован без корректуры и редактуры – согласно сданной им рукописи.

[207]

Д и П / 2019

Борис Э. Альгшулер

Яков Бердичевский

ГРЕГОР
РАБИНОВИЧ

(1884–1958) –

Жизнь, судьба, творчество.

ГРАВЁР И РИСОВАЛЬЩИК

Рабиновичей – тьма. Трудно найти телефонную книгу Европы, Америки и, даже, нынешних обломков Советского Союза, не говоря об Израиле, где бы они ни насчитывались десятками, а в отдельных случаях – сотнями. И Григориев, именуемых в разных странах на свой лад, множество. И каждый из них, несомненно, особенный, единственный из всего сонма Рабиновичей. Наш Рабинович не выделяется из общей массы, ибо он, как и все прочие, тоже особенный. Он художник, но вовсе не живописец. Он гравёр, литограф, рисовальщик. «Особенности» его начинаются с са-

мого первого дня. Родился Гершеле в царствование Его антисемитейшего величества государя всея Великия, Малыя, Белыя и прочяя Руси, Александра-третьего, прозванного верноподданными миротворцем. И не где-нибудь на роскошных берегах Гнилопяти в богоспасаемой Касриловке. Нет, прямо под боком всероссийско-императорской метрополии, «блистательного Санкт-Петербурха» – в Ораниенбауме, рядышком со знаменитым дворцово-парковым ансамблем – резиденцией ближай-

шей родни антисемитейшего монарха (отметим в скобках, что это были годы первой алии российских евреев, вызванной волной погромов). Чудо такое случилось лишь потому, что папаша Рабинович, обладавший ещё более звучным, нежели его фамилия, именем – Йидл, был крайне необходимой персоной при означенном царском ансамбле. А потому-то и пренебрегли дворцовые холоуи собственным дикарским законом о черте оседлости для всех представителей ненавистного племени, исключением этим подтвердив общее правило.

Йидл Рабинович был аптекарем и, вероятно, специалистом первостатейным.

Итак, 13 августа 1884 г. в семье аптекаря Иделя Мордухаевича Рабиновича и его жены Фанни Романовны, урожденной Рубинштейн, явился граду и миру сын Григорий Иделевич Рабинович. «Придворцовое» детство Гершеле было недолгим – в следующем году скоропостижно скончался отец, и молодая вдова столь же скоропостижно вышла замуж за вдовца с восемью детьми, минского банкира и фабриканта, Мозеса Поллака.

В Минске и прошла юность будущего художника. Не добившись разрешения отчима заниматься любезной его душе и сердцу живописью, Григорий после окончания гимназии поступил на архитектурное отделение Академии художеств. Тем не менее, мечта стать художником его не оставляла. Так, в 1904 и 1906 годах в Мюнхене он достаточно быстро овладел техникой офорта и литографии под руководством известных, опытных педагогов Антона Ашбэ и Морица Хаймана. Там же он познакомился с начинающей художницей, своей будущей женой, Штефани фон Бах.

Возвратившись в Россию, Григорий оставил учебу на архитектурном отделении и перешёл в Московский университет, который окончил в 1911 г. со степенью доктора права, а в следующем году, отслужив положенный срок в армии, уехал в Париж. Он и Штефани сняли на

[209]

Д и П / 2019

Яков Бердичевский

Монпарнасе квартиру, служившую им обоим и творческой мастерской.

С началом Первой мировой войны Штефани была вынуждена возвратиться домой, в Вену. Для получения визы во вражескую, воюющую страну она вместе с мужем отправилась в нейтральную Швейцарию, где ему, как российскому подданному, не только отказали в визе в Австрию, но и не разрешили возвратиться в Париж. Так, по сути, совершенно случайно Григорий-Грегор Рабинович обрёл вторую родину

(если вообще возможна «вторая родина»), где прожил всю оставшуюся жизнь.

В Цюрихе, где поселился Грегор, он быстро завоевал симпатии читающей публики своими быстрыми и смелыми зарисовками, практически не исчезающими с полос популярных газет, особенно – сатирической – «Nebelspalter», где за 33 года (1923-1956) им было опубликовано около полутора тысяч рисунков! Его острое перо сделало эту газету очагом сатирического и меткого антифашистского сопротивления. Не щадил он и местное мещанство, впрочем, не обходил своим язвительным вниманием и медлительных, тугодумных актёров местной политической и государственной сцены, от которых порой доставалось и самому художнику. Посол германского рейха требовал прекратить публикации карикатурно-издательских портретов гитлеровских бонз, на что по-своему реагировало и местное начальство. Однако, тираж газеты стремительно рос: постоянные конфликты только увеличивали интерес читательской публики.

После краха гитлеризма Рабинович стал таким же радикальным антикоммунистом, каким был антифашистом. Его сюжеты столь же разнообразны и по-снайперски метки: Сталин, как «захватчик всех земель», русский гигант с марионетками в

руках, мёртвый демонстрант в «рабочем раю», кроваво-красный поток, состоящий из чудовищно искажённых лиц, плывущих в мутной воде, тройной портрет «царь-Гитлер-Сталин» с подписью «История повторяется. Во всем виноваты евреи».

К середине минувшего века, после смерти Сталина, направленность политической сатиры Рабиновича стала утрачивать свою востребованность. Ей на смену пришли радующие публику шутки, порой весьма скабрёзные, вплоть до эротизированных сцен и т.д. Сказалась, на наш взгляд, вполне естественная смена поколений, с каждым годом переворачивающая следующую страницу европейской истории, при этом забывая о странице предыдущей.

Тем не менее, политическая сатира Рабиновича не канула в Лету и уже после его смерти демонстрировалась на выставке в Цюрихском штатдтхаузе в 1980 г. А в 1993 – была опубликована капитальная монография «Грегор Рабинович. 1884 -1958» (авторы Маркус Бричги, Дорис Фэслер и Ева Коразия), сопровождавшаяся ещё более грандиозной выставкой в Цюрихском политехническом университете.

Можно без всяких обиняков утверждать, что уровень мастерства и актуальность политической сатиры художника вполне уместно поставить в один ряд с работами его современников, прославленных мастеров – Кэте Кольвиц, Георга Гросса, Отто Дикса, Альфреда Кубина. Ежедневная работа сатирика-карикатуриста

не отвлекала Рабиновича и от создания глубоких и насыщенных, как по задумке, так и по её художественному воплощению, серий. Это, прежде всего, серия из 36 портретов делегатов XVI Сионистского съезда, состоявшегося в 1929 году в Вене, под председательством Нахума Соколова. Серии «Толпа» (1918), «Из жизни» (1925), «Виды Цюриха» (1928), «Руины», «Картинки для взрослых» (обе в 1929) и др.

Но, вот что может показаться нашим читателям весьма неправдоподобным: основной заработок Рабиновичу приносила не политическая сатира и, тем более, не графические серии, а... изготовление книжных знаков. Своим изысканным мастерством офортиста он очень быстро покори́л большое и чрезвычайно искушённое сообщество европейских и заморских любителей и ценителей графики. Среди его заказчиков мы встречаем самые звонкие имена библиофильского Олимпа, причём некоторые из них украшали книги своих библиотек не одним, а несколькими книжными знаками, рождёнными талантом Рабиновича. Одним словом, всех, кто был одержим любовью и преданностью вечному источнику мудрости – Книге.

Почти все книжные знаки выполнены офортом с акватинтой. Оценивать их художественные достоинства не входит в рамки предлагаемой заметки, но всё же не остановиться на некоторых представляется желательным или – вернее – невозможным.

На фоне города, расположенного в долине между двумя горными вершинами, справа и слева высятся две монументальные мужские фигуры, соединившие ладони рук, над которыми в величественном солнечном сиянии строго начерчена Звезда Давида. На прямоугольном по-

диуме надпись: «Ex libris Augustin Keller-Loge». Это книжный знак библиотеки созданной в Цюрихе в 1909 году масонской ложи Бнай-Брит имени А. Келлера (1805–1883), крупного общественного и культурного деятеля, политика и педагога. Идея проста – да воссияет Магендавид над Цюрихом. Иначе, совсем в ином ключе, выполнен книжный знак Вальтера Бэр-Гальперина (1895–1970), банкира, сына основателя банка Юлиуса Бэра. В отличие от предыдущего, он не является миниатюрным лозунгом, он ни к чему не зовёт и ничего не обещает. Его прелесть в камерности. Это просто интерьер рабочего кабинета, где над камином, по обе стороны которого расположились книжные стеллажи, воспарил высоко, под самый потолок, посланец Фемиды, щедро рассыпающий из рога изобилия цветочные лепестки. Рабочий стол (с обязательным левым светом), пара кресел и пара березовых стволов в проёме стены-окна – всё это создает атмосферу покоя и труда.

Всесильный Амур безвластен перед свирелью Пана – задумчива и вместе с тем игрива не только кульминация, но и весь сюжет с огромным утёсом и облетевшими ветками деревьев, на одной из которых внимает

свирели одинокая птица. Это книжный знак известного библиофила Самюэля Переца.

Ещё следует отметить очень скромный книжный знак с длиннохвостой ящерицей, подаренный художником своему свату, известному немецко-швейцарскому писателю Герману Гессе.

И в заключение сообщим, что книжным знакам Грегора Рабиновича посвящена специальная монография «Traumgestalten. Das Exlibris. Werk von Gregor Rabonovitch», изданная Штефаном Хаусхерром к Международному конгрессу экслибрисистов, состоявшемуся в августе 2006 года в Швейцарии.

[215]

P.S. Графическое портфолио (более тысячи листов!) Рабиновича уже десять лет доступно всем желающим – оно оцифровано Цюрихской Центральной библиотекой и введено в Интернет.

Ди П / 2019

Яков Бердичевский

**Грета
Ионкис**

**МУЗЕЙНЫЙ
КОНТЕКСТ**

К 80-летию начала Второй Мировой Войны.

Вместо введения: По залам Еврейского музея в Берлине

9 сентября 2001 г. в Берлине на *Lindenstrasse* открылся Еврейский музей. Почти вплотную со старинным нарядным двухэтажным особняком под красной черепичной крышей выросло ультрасовременное здание неправильной угловатой конфигурации, без дверей и окон, точнее, с окнами-прорезями вроде косых щелей, да ещё и облицованное стальными плитами. Соседство этих далеко отстоящих по времени зданий ещё сильнее подчёркивает их стилистическую разность, почти несовместимость. И во внешнем облике, и в интерьере нового сооружения доминируют контрасты, разрывы, изломы, зигзаги, но это не просто причуда художника. Форма в данном случае конгениальна содержанию, замыслу.

У входа в Музей на больших полотнищах снизу вверх убегает надпись: «Два тысячелетия немецко-еврейской истории». Архитектоника Даниэля Либескинда, автора смелого музейного проекта, в зримых символах передаёт сложность этого длинного пути, богатого взлётами, провалами и неожиданными поворотами.

На церемонии открытия директор Михаэль Блюменталь заметил, что культурное и социополитическое значение Музея шире почти двухтысячелетней истории отношений двух народов. Он справедливо отметил особую роль этого музея среди памятных мест Берлина и всей Германии. Прошло немало времени, прежде чем смогло появиться такое важное *место общей памяти*, где можно друг с другом открыто

говорить об ужасном прошлом – о геноциде, а также об уроках, которые должны быть извлечены из этой исторической трагедии. «Наш музей есть итог стремлений последующих поколений Германии разобраться в прошлом, есть результат осознания, что будущее возможно лишь тогда, когда помнят о прошлом».

Музей адресуется евреям и не евреям, немцам и людям других национальностей. Интерес к нему растёт с каждым днём. Перед особняком на *Lindenstrasse* змеится очередь. Кто в ней стоит? Молодёжь и старики, мужчины и женщины, дети. Звучит разноязыкая речь: доминируют немецкий и английский, различим и русский язык.

[217]

Интродукция: Дороги Холокоста и изгнания

Любой современный музей, подобно книге, имеет помимо основной части введение и заключение. Начнём, как и положено, с введения. Оно необычно, как и весь музей, и производит колоссальное впечатление. Архитектор нашёл простое линейное и цветовое решение. Впрочем, всё гениальное – просто. Сама архитектоника подземного этажа символизирует линии судьбы немецкого еврейства в XX веке: эмиграцию, уничтожение, выживание.

Узкая лестница, ведущая вниз, выдержана в мрачных асфальтовых тонах. Её углы и изломы сразу наводят на мысль о вывихнутом мире. А сам спуск ассоциируется с входением то ли в подземное царство Плутона, царство мёртвых, то ли в дантовский ад. Ещё один шаг – и мы в этом пространстве. Всё строится на контрастах: чёрное – белое, на рассечении главной оси «Дороги Холокоста» – двумя расходящимися под косым углом лучами прочерчены Дороги Изгнания.

Дорога Холокоста – это путь немецких евреев на Голгофу. Он неумолимо прям, отклониться невозможно. Пройдя по нему до конца, попадаешь в Башню Холокоста. Но не станем спешить, помедлим на этом скорбном пути. Вчитаемся в скупые цифры. В 1933 г. в Германии проживало 560 000 евреев. 276 000 эмигрировали. 200 000 были убиты. 4 000 покончили жизнь самоубийством. 9 000 выжили в лагерях уничтожения. 1500 были укрыты. 15 000 состояли в смешанных браках и уцелели. Цифры даны без комментариев. В этой части музея всё лаконично.

Левая стена, как бы рассечённая на плоскости, пуста. Вдоль неё как фриз тянутся надписи – география всех лагерей смерти: Дахау, Заксенхаузен, Собибор, Бухенвальд и так до последних на Востоке: Трешлинка, Минск, Рига, Хелм. Читаешь названия – и леденеет кровь.

В правую стену вмонтированы глубокие витрины. Вокруг всё

обтянуто чёрной тканью. Мы словно заглядываем во мрак, а оттуда, из мрака небытия, смотрят на нас прекрасные лица тех, кто более семидесяти лет назад прошёл дорогой Холокоста. Семья Нафтали, Шарлотта Окс, Штеффи Мессершмидт... Они полны жизни и достоинства и не подозревают, что их ждёт. И эти снимки производят не менее сильное впечатление, чем фотографии измождённых, обритых людей в полосатых одеяниях или горы окоченевших трупов-скелетов.

К нам вызывают строки сохранившихся писем. Одно, выброшенное Шарлоттой Окс из окна поезда, который увозил очередную партию евреев из Берлина в Терезиенштадт. А вот последнее письмо матери 15-летнему сыну Манфреду, Нафтали, которого она успела отослать в Англию, прежде, чем её с двумя девочками, Марго и Гердой депортировали в Ригу, где все они погибли. Письмо семнадцатилетней Штеффи, схваченной в Бельгии, куда ей удалось уехать из Германии, и отправленной прямиком в Освенцим. Она обращается к отцу, композитору и дирижёру: «Мой дорогой папа!» И от этого казалось бы обыденного обращения ком подкатывает к горлу и становится нечем дышать.

В одной из витрин – портмоне, два небольших фото и визитка Вальтера и Элизабет Блюменталей. Когда грузовик отъезжал от их дома в Шарлоттенбурге, арестованный гестапо Блюменталь выкинул портмоне на тротуар. Его подобрал и сохранил прохожий, дочь которого подарила этот экспонат музею.

Марга Гусинофф передала в музей фото своего друга Альфреда Творогера, проживавшего в районе Веддинг. Его мать умерла перед Хрустальной ночью. Отец купил себе иностранный паспорт, а сына сдал в бордель. Через год хозяин заведения выдал юношу. Когда за ним пришли, Альфред выбросился из окна. Ему не было девятнадцати. Из другой витрины смотрит на нас *Teddy Bear*. Его маленький хозяин, Петер Розенбаум, погиб вместе с матерью в Освенциме. Отец Петера выжил и отдал осиротевшего игрушечного медвежонка в музей.

Посетители глядят в витрины, читают надписи на двух языках, но избегают глядеть друг другу в глаза. И вдруг давящую тишину вспарывает звонкий детский голос: «Мама, я не понимаю, почему немцы убивали евреев? Разве их солдаты воевали против нас?» Немецкий мальчик лет восьми задал маме этот страшный вопрос, на который она не сразу нашлась что ответить, и сын его повторяет. Одна пожилая дама начинает рыдать. Я скрываюсь в Башне Холокоста, поскольку непролитые слёзы давно просятся наружу.

Высокое пустое помещение неправильной формы. Глухие бетонные стены. Из узкой щели в углу у потолка проникает свет. Различаю в

стене множество глазков, но к какому ни припаду – за ними лишь мрак. Наконец, попадается один, сквозь который что-то видно. Но что же я увидела? Ещё один глазок! Дурная бесконечность, из которой нет исхода. Человек в Башне изолирован от внешнего мира. По словам архитектора, Башня Холокоста – напоминание обо всех, кто во время депортации и в концентрационных лагерях были изолированы и отрезаны от жизни. Это оглушительное молчание даёт почувствовать, каково было погибать в безвестности, лишёнными сочувствия, в полной, доводящей до отчаяния, изоляции.

[219]

Скорбный путь эмиграции заканчивается Садам Изгнания. 49 прямоугольных бетонных колонн, поставленных близко друг к другу и образующих правильную каре, несут определённую смысловую нагрузку. Это и каменный лабиринт, по которому пришлось блуждать эмигрантам, но это и намёк на то, что изгнание стало побудительным стимулом. Государство Израиль было создано в 48-м г. Потому – 48 колонн. Сорок девятая – в центре – заполнена землёй, привезённой из Иерусалима. В неё высажены вьющиеся растения, образующие пышную крону. Каменные колонны как бы образуют лес.

На церемонии открытия Еврейского музея, которому предстояло стать и хранителем памяти, и очагом воспитания толерантности, никто ещё не знал, что ожидает всех через два дня. Много говорилось о том, что в быстро меняющемся обществе наступившего XXI века люди разного цвета кожи, представители различных религий и этносов должны научиться жить мирно, отрешиться от вражды, ибо в нашем глобализованном мире и в новой Европе, где стираются границы, иного выбора просто нет, это жизненная необходимость. А впереди было 11 сентября. И разверзлась новая бездна...

Есть нечто провиденциальное в том, что музей распахнул свои двери накануне катастрофы в Нью-Йорке. Ведь одна из его задач – предостеречь человечество, продемонстрировав, из какой бездны оно выбралось в 1945 г. Зная правду, человек способен понимать, куда его хотят вновь ввергнуть силы мирового Зла. В недалёком прошлом эти силы действовали под знаком чёрной свастики, сейчас их объединяют иные символы и другое цветовое поле, но суть их – одна.

Посетить музей и пройти дорогами Холокоста и изгнания – это всё равно что получить своего рода прививку против опасных бактерий насилия. За этим шагом должен следовать другой – борьба с носителями смертоносных бактерий. Музей может дать только толчок, пробуждающий историческую память, а принимать законы и проводить их в жизнь призваны государственные институты.

«Вверх по лестнице, ведущей» в глубь истории

[220]

Д и П / 2019

Еврейский музей в Берлине посвящён сложной, а временами мучительной, теме: он рассказывает о том, как две тысячи лет назад пересеклись пути евреев и немцев в германских землях, как непросто в дальнейшем складывались их отношения, что на эти отношения влияло, какие тугие узлы завязывались. Переходя от экспозиции к экспозиции, видишь, как с течением времени менялись культурные границы, отделявшие один народ от другого, как возникали предубеждения, к чему это приводило. Даниэль Либескинд сумел в самой архитектонике здания передать идею скрещения судеб двух народов через целую систему пересекающихся, подчас рвущихся линий и рассечённых плоскостей. Оценить глубокую символику его замысла и мастерство воплощения можно, лишь побывав в залах музея.

Наш рассказ – попытка приоткрыть дверь в Музей и одновременно – это краткое путешествие по страницам истории. Итак, вперёд, мой читатель!

Поднявшись по узкой высокой лестнице, наводящей на мысль о другой, той, что привиделась во сне библейскому патриарху Иакову, вы попадаете в первый зал музея, где вас встречает высокое, под потолок, гранатовое дерево. В еврейской религии это дерево (на иврите – *римон*) очень значимо. К новогоднему столу принято подавать спелый плод граната. Говорят, что он содержит 613 рубиновых зёрен, по числу заповедей, предписанных еврею Торой (проверить не довелось). Встреча с плодоносящим гранатовым деревом в самом начале экспозиции глубоко символична. Еврейское присутствие на чужой земле мыслится как благотворное, от союза двух народов родятся добрые плоды. Так могло бы быть, могло бы...

Первые залы музея позволяют увидеть свет и тени Средневековья. Первый документ – эдикт императора Константина от 11 января 321 г., в котором магистрату города Кёльна предписывается назначать евреев на должности в курии, в городском управлении, поскольку за эту честь они должны будут платить значительные суммы в пользу Рима, как и все прочие должностные лица. Этот документ мне знаком, его копию я видела в кёльнской ратуше, и не один раз (оригинал хранится в Ватикане), но всё равно испытала волнение, будто речь шла не о благоприятном для евреев решении почти двухтысячелетней давности, а о принятии меня на работу в немецкий университет.

Эдикт Константина – самое древнее письменное свидетельство пребывания евреев на земле германцев, но появились они здесь раньше: пришли, видимо, с римскими легионерами после разрушения

Публицистика. Мемуары. Эссе

Второго Храма. Однако история умалчивает о том, что происходило с их потомками в последующие века. Второе упоминание о евреях относится ко времени Карла Великого (768-814). Хронист-современник зафиксировал историю купца Исаака из Нарбонны (городок на юге Франции). Еврей был включён в посольство Карла Великого, направленное им в Багдад ко двору халифа Гарун-аль-Рашида в 797 г. Он оказался единственным, кто вынес это утомительное путешествие и спустя пять лет вернулся в Аахен. Он явился ко двору императора с белым слоном. Это был подарок халифа Карлу Великому.

[221]

В Аахене сохранились башня Карла Великого и собор, в котором он погребён. Эти камни видели и белого слона, и купца Исаака. В ту далёкую пору еврей-купцы были желанными гостями при дворах германских князей и епископов, они везли с Востока благовония, специи, ювелирные украшения, камчатные ткани, лекарственные снадобья.

Первые сведения о еврейских общинах на территории Германии относятся к раннему Средневековью. В X веке они уже существовали в трёх городах на Рейне: Шпаере, Вормсе и Майнце. В скором времени появились общины в Кёльне, Трире, Метце. В первом зале висит старинная карта Европы, где обозначены эти первые общины.

Каждая имела синагогу, кладбище и микву – место для ритуальных омовений. Уже в то время приобрели европейскую известность еврейские Дома учения: ешивы, бет-мидраши, действующие в крупных общинах. Да и как могло быть иначе, если в Майнце всю жизнь учил Рабби Гершом бен Иегуда (960-1028), а в Вормсе – знаменитый Раши (1040-1105), прославленный комментатор Талмуда. Тысячу лет назад Майнц называли германским Иерусалимом. В музее выставлены камни с резным орнаментом – фрагменты синагоги из Шпаера, а вот – уцелевшее окно не сохранившейся миквы. Чтобы увидеть средневековую микву XIII века, следует посетить Кёльн. Разбирая послевоенные развалины, прорубились в ранний культурный слой и отрыли эту микву. Здесь находился некогда еврейский квартал. Это место всегда называлось *Judengasse* (еврейская улочка).

С началом крестовых походов кончилась мирная жизнь для евреев Германии. Материальных следов страшных жестокостей и гонений, которым они подверглись во время первого крестового похода (1096 год), не сохранилось. Но есть свидетельства хронистов-летописцев как с еврейской, так и с немецкой стороны. Они рисуют страшные картины резни, когда число жертв разъярённой толпы достигало нескольких сотен и даже тысяч. Показательно, что немецкий хронист не скрывает своего ужаса перед этими бесчинствами своих соплеменников,

осуждает их. Он же свидетельствует, что епископы и князья подчас с риском для жизни, но безуспешно пытались защитить евреев: ярость толпы бывает несправедливой и страшной.

По прошествии времени уцелевшие евреи возвращаются в немецкие города. Они нужны. Их призывают вернуться, гарантируют защиту. На музейных стендах – выдержки из различных хроник, королевских ордонансов и городских хартий, папских булл XII-XIII веков. Прекрасные миниатюры украшают дрезденский манускрипт «Саксонское зеркало» (1225). Евреи-всадники приносят присягу в обществе христиан, не отличаясь от них ни чертами лица, ни позами, ни одеждой. Еврей ещё является свободным человеком, имеющим право на ношение оружия.

В музее экспонируется старейший свиток Торы XIII века из ашкеназийской синагоги и переписанная от руки на пергаменте (особым образом выделанной тончайшей коже) Библия 1343 года. Ритуальных предметов, тем более бытовых, от этой поры не сохранилось, и это неудивительно: наступил катастрофический XIV век. Великий голод и «чёрная смерть» (чума) обрушились на Европу, сократив на треть её население. Не в силах понять причины этих бедствий, невежественные люди объясняли случившееся происками Сатаны. А через кого мог действовать дьявол? Через евреев-отравителей! Евреи были обречены стать козлами отпущения.

Напрасно папа Климент VI обнародовал в 1348 г. специальное послание – буллу, в которой он подробно разъяснил, что евреи умирают от чумы так же, как и христиане. Остановить чернь было невозможно. Ни одной крупной общине Германии не удалось избежать массовых убийств. На исходе средних веков евреи лишаются гражданских прав и становятся вечными странниками. Лишь несколько крупных городов согласились предоставить им приют, не гарантируя, однако, его постоянство. Показательна выдержка из хартии Людовика Баварского (1343): каждый еврей, достигший 12-летнего возраста, должен платить в императорскую казну один флорин. Дело не в размере налога, а в том, что, согласно средневековым порядкам, человек, который платил подушный налог, не мог претендовать на статус гражданина.

На гравюре XV века представлена жуткая сцена – сожжение евреев в Нюрнберге в 1348 г. Я побывала в Нюрнберге на исходе XX века, мой спутник привёл меня на площадь в самом центре города, где сжигали евреев, и поведал об этой истории, память о которой сохранилась благодаря хронисту.

Начиная с XIV века меняется христианская иконография: при изображении распятия заметно стремление освободить язычников-

римлян от ответственности за богоубийство и возложить весь позор на евреев. Немецкие художники и в церковных каменных горельефах, и на гравюрах часто изображают евреев рядом со свиньёй, причём в непотребных позах – *Judensau*. Ассоциировать свинью с евреями – это верх поношения, ведь свинья – нечистое животное, согласно иудейской религии. Большинство горельефов не сохранилось, но Гёте вспоминал, что фреска на этот мотив «украшала» старый мост в его родном Франкфурте до конца XVIII века.

На оскорбления и обвинения евреи отвечали презрительным молчанием. XV–XVII века – это эпоха, когда еврейские кварталы превращаются в гетто. Еврейская община окончательно замыкается в себе. Её члены ведут суровый и набожный образ жизни, мельчайшие детали которой строго регламентированы.

Память об этих временах ещё жива в дошедших до нас воспоминаниях Глюкели из Хамельна (*Glikl bas Juda Leib*, 1646-1724). Эта, удивительно скромная, женщина, писавшая на старом идише, адресовала свои заметки детям, не представляя значимости своего труда. Выданная замуж четырнадцати лет за молодого купца, она поселилась с мужем в Гамбурге, вырастила двенадцать из рождённых ею детей, при этом не только вела дом, но была советчицей и помощницей мужа в торговых делах. В этом качестве ей пришлось немало поколесить по Германии. Богобоязненность и доброжелательность сочетаются в ней с деловой сметливостью и незаурядными коммерческими способностями. Тетрадки Глюкели – бесценный документ, они помогают живо представить повседневную жизнь немецкого еврейства: быт, род занятий, характер семейных отношений, обычаи и нравы той поры.

До нас дошла рукописная копия записок Глюкели, сделанная её сыном Моше, раввином из Байерсдорфа. Она переходила из рода в род, потомки хранили её как сокровище. Среди потомков Глюкели – Генрих Гейне. К этому роду принадлежала и Берта Паппенхайм, известная поборница прав еврейских женщин. В 1910 г. она перевела мемуары Глюкели на немецкий и была так очарована их автором, что заказала свой портрет в одеянии XVII века, которое могла носить Глюкель. Портрет работы Леопольда Пилиховского (1925) пропал, в музее демонстрируется большая фотография с него.

Время в Еврейском музее Берлина бежит незаметно, при этом историческое время предстаёт спрессованным. Небольшой зал знакомит с династиями евреев-финансистов, которые в XVII-XVIII веках играли важную роль при дворах герцогов, великих курфюрстов и даже кайзеров: Оппенгеймеры, Ротшильды, Итциги, Фейты... Они оказывались в мирное и военное время не только кредиторами,

поставщиками, но и дипломатическими посредниками, весьма полезными осведомителями и, при этом, чаще всего оставались в тени. Судьба их, как правило, была полна превратностей. Яркий тому пример – история Йозефа-бен-Иссахара Зюскинда-Оппенгеймера. Таково полное имя человека, вошедшего в сознание миллионов, как еврей Зюсс.

Нетрудно представить, какая атмосфера ненависти окружала Зюсса, единственного еврея, которому было дозволено проживать в протестантском Штутгарте. Кипучая деятельность чужака представлялась гражданам враждебной. Знать ненавидела Зюсса за то, что он своими нововведениями ослаблял зависимость от неё герцога. И когда Карл-Август скоропостижно скончался, в ту же ночь, 13 марта 1737 г., Зюсс был арестован и заточён в каземат. Почти год тянулось следствие, но судьба еврея была предрешена. Сцена его казни и поругания воспроизведена на многих гравюрах, некоторые сохранились, их можно увидеть в Музее.

Ознакомившись с некоторыми документами, свидетельствующими о размахе деятельности Зюсса Оппенгеймера, нельзя не признать в нём личность, намного опередившую своё время. Но даже если пренебречь документами, мимо железной клетки, спускающейся с потолка, не пройти. Это – модель той, в которой Зюсс был повешен в Штутгарте на излёте своей блистательной карьеры. Сейчас в клетке размещены три плоских экрана. Нажав соответствующую кнопку, можно познакомиться с отрывками из трёх фильмов, посвящённых первому еврею, оказавшему влияние на ход немецкой истории – пусть в пределах одного герцогства.

Хаскала и её последствия

Спустившись с антресолей – царства Зюсса, попадаем в зал Мозеса Мендельсона, отца еврейского Просвещения – Хаскалы. Помимо изображений самого Мендельсона (особого внимания заслуживает его скульптурный бюст работы прославленного немецкого скульптора Шадова) в зале много портретов его сподвижников и учеников, частых посетителей квартирки Мендельсонов на *Spandauerstraße*. Чаще других бывали здесь молодой фабрикант, банкир и писатель Давид Фридлиндер, врач Веньямин де Лемос, Соломон Маймон, выходец из литовского местечка, философ-самоучка, светлая голова, Бен-Давид – ещё один философ, Маркус Герц, известный врач и философ-кантианец, живший со своей молоденькой женой по соседству, на той же улице, Соломон Дубно, знаток древнееврейской грамматики

и учитель детей Мендельсона, и, конечно, Нафтали Вессели – поэт и переводчик. Все они – пионеры Хаскалы, *маскилим* (просвещённые). Теперь они смотрят со стен зала на посетителей, которые толпятся у витрин с книгами Мендельсона и его единомышленников. Здесь прижизненные издания. Что касается портретов, то многие оригиналы хранятся в музее Иерусалима.

Вот сочинение «Федон, или О бессмертии души» (1767), написанное в виде диалога между учениками Сократа – Платоном и Федоном. На долю «Федона» выпал ошеломляющий успех. Переведённая на все европейские и древнееврейский языки, книга эта на протяжении нескольких десятилетий поддерживала нравственность в обществе. Мендельсона после опубликования этого сочинения стали называть немецким Сократом.

Немецкий драматург и просветитель Лессинг гордился авторитетом своего друга, в судьбе которого он принимал горячее участие. Нравственное благородство, широту ума и терпимость Мендельсона он запечатлел в своей последней пьесе в образе Натана Мудрого. В зале находится скульптурное изображение актёра Адольфа фон Зонненталя в роли Натана (1900). В другой витрине – трактат «Об улучшении гражданского существования евреев». Его написал и опубликовал в 1781 г. фон Дом, историк, экономист, чиновник министерства иностранных дел Пруссии, хороший знакомый Мендельсона. Работу фон Дома стали называть «Библией эмансипации», ибо он не только описал бедствия евреев, но и наметил план решения «еврейского вопроса» на государственном уровне, согласно которому евреи должны были стать полезными и равноправными членами общества.

Словно отвечая на призыв фон Дома, австрийский император Иосиф II издал в следующем году «Эдикт о толерантности» для евреев Вены. Нафтали Вессели восторженно откликнулся на эдикт открытым письмом к венским евреям, в котором изложил программу Хаскалы. Он потребовал изменить систему еврейского образования. В программу обучения новых еврейских школ кроме Закона Божьего он включил «человеческие науки»: арифметику, естествознание, географию, историю, государственный язык, основы нравственности и правила этикета. Тот, кто овладевает только «божественными» науками и при этом игнорирует «человеческие», становится обузой обществу – таково его суровый приговор. В еврейских школах, созданных Вессели и Фридендером, стали преподавать различные ремёсла.

Тесть Фридендера, придворный банкир Фридриха Великого, Исаак Итциг, выделил средства на нужды школ (в одной из витрин представлены дружеские альбомы семейства Итцигов, своего рода

«книги отзывов»). Мендельсон перевёл на немецкий язык Пятикнижие, Псалмы, Песнь Песней и часть Сионид (Песен Сиона) Галеви. Переводы эти переиздавались много раз в XIX веке в Германии, где язык идиш был уже повсеместно вытеснен немецким языком. Отдельные издания представлены в этом музейном зале.

Переходя в зал под названием «В лоне семьи» (в еврействе этот важный институт остаётся прочным и в наши дни), посетитель обходит хулу, под балдахином которой в иудаизме совершается обряд бракосочетания. Рядом – витрины с посудой для мясных и молочных блюд (верующему еврею запрещено их смешивать). В угловой витрине – старые свитки Торы и изящные серебряные указки, заканчивающиеся кистью руки с вытянутым указательным пальцем. Читающий Тору помогает себе такой указкой, водя по строкам справа налево, чтобы не прикасаться пальцами к священному тексту. Тут же – старинные и современные предметы культа: подсвечники, кубки, чаши, специальный сосуд для благовоний – всё для встречи и проводов царицы-Субботы.

В соседнем простенке – макеты двух синагог: Кёльнской на *Glockenstrasse* (она не сохранилась) и Новой синагоги в Бреслау, построенной в 1810 г. Здания объёмны, предполагают большую вместимость. Там, где нет потребности, такие храмы не возводятся. Строительство синагог в XIX веке служит свидетельством того, что, несмотря на добровольное крещение многих представителей еврейской верхушки, еврейская жизнь в Германии отнюдь не умерла. Но и процесс интеграции продолжался и набирал обороты.

Главным следствием Хаскалы стала эмансипация немецких евреев, которая развивалась в целом стремительно, хотя приливы то и дело сменялись отливами, всё зависело от отношения властей. Евреи выбрались из гетто не только в прямом, но и в переносном смысле слова. Реформировался традиционный образ жизни, евреи перешли на современную европейскую одежду, переняли многое из немецкой бытовой культуры. В зале «В лоне семьи» представлены семейные и персональные портреты – мужские, женские, детские, они свидетельствуют о произошедших переменах. В убранстве комнат, в одежде, в лицах изображённых на портретах людей нет ничего специфически еврейского. Эти просвещённые евреи ничем не выделяются из немецкой среды. На Рождество в некоторых еврейских домах стали даже наряжать ёлку.

Реформа еврейского образования (включая женское) способствовала овладению немецким языком, что разрушило языковой барьер между евреями и местным населением. Быстро освоив многие профессии,

они дополнили ряды городских ремесленников, врачей, юристов. Это были новые для евреев специальности.

Последствия эмансипации евреев в Германии нигде, пожалуй, не проявились столь наглядно, как в облике и судьбах молодых образованных женщин из состоятельных семей. В богатых домах Берлина на рубеже XVIII-XIX веков образовались «кружки для чтения» и появились первые литературно-художественные салоны, попасть в которые почиталось за честь. В Музее можно увидеть портреты хозяйек и законодательниц этих салонов – Генриетты Герц и Рахель Левин (в замужестве Варнхаген фон Энзе). Притягивает внимание роскошный портрет Альбертины Мендельсон-Бартольди (урождённой Гейне), жены молодого, но уже прославленного музыканта. Художник Август Казеловски представил её в наряде невесты. Красавица-аристократка, иначе не скажешь! Глядя на этот портрет, на парные портреты очаровательных детей из семьи Ратенау работы Леопольда Бендикса (1845), никто не решился бы оспорить утверждение адвоката и политического деятеля этой поры Габриэля Риссера: «Мы – не пришельцы, мы – уроженцы этой земли». Так отвечал вице-президент Франкфуртского национального собрания 1848 г. противникам эмансипации, требуя гражданских прав для евреев.

В этом же зале – портреты Генриха Гейне и Людвига Бёрне работы еврейского художника Морица Оппенгейма, которого называли «художником Ротшильд и Ротшильд среди художников». Он достиг известных высот в обществе, не изменяя вере предков. Последние двадцать лет его жизни были отданы картинам из серии «Еврейская семейная жизнь». В этих жанровых сценах предстаёт нечто более значительное, чем просто церемония *бар-мицвы* (совершеннолетия), свадьбы, празднования Субботы или Судного Дня, они одушевлены глубоким национальным чувством.

Храня верность традициям, евреи в XIX веке культивировали и гражданский патриотизм, т. е. приверженность, преданность и любовь к Германии, ибо она стала их отечеством. Они участвовали в военных событиях, связанных с освободительной войной против Наполеона. Ещё большую активность проявляли евреи на общественно-политическом поприще. Когда в 30-е гг. в Германии возникло либеральное движение «Молодая Германия», кто его возглавил? Еврей Людвиг Бёрне. Кто его активно поддержал своим блестящим пером? Генрих Гейне.

Первый объединённый ландтаг Пруссии в июле 1847 г. впервые обсуждал вопрос о том, что евреи наряду с равными обязанностями должны получить и равные с христианами гражданские права. Франкфуртское национальное собрание 1848 г. вынесло решение о

равноправии евреев, но лишь при Бисмарке во Втором рейхе оно обрело форму закона.

Организаторы прогресса

[228]

Следующий зал не случайно носит такое название. «1870–1910-е годы» – время политического либерализма. После официального уравнивания в гражданских правах цель евреев, казалось, была достигнута: они больше не евреи в Германии, а немецкие евреи! В 1870-80-е гг. в Германии проживало 400 000 евреев. И теперь лишь половина из них была связана с торговлей, а до недавнего времени – 90%. Не менее 140 тысяч были заняты в промышленности и занимались ремёслами. Правда, в таких отраслях, как юстиция, образование и военная служба, для карьеры требовалось крещение. Нельзя было без этого стать профессором, офицером, судьёй. Что касается театра, прессы, литературы, изобразительных искусств, то тут началось тесное сотрудничество.

Центром притяжения для евреев был Берлин. В 1895 г. там проживала почти четвёртая часть всего еврейского населения Германии. Залы, посвящённые этому периоду и Веймарской республике, перенасыщены документами. Разительные перемены в облике Берлина, его модернизация связаны с ростом активности немецких евреев. Начинаясь когда-то с маленьких магазинчиков одежды, Вертхайм и Тиц создали сеть крупнейших магазинов в Берлине, в частности – пассаж на *Leipzigerstrasse*. Название торгового дома *Hertie* хранит память о еврее Хермане Тице. Вершиной усилий Адольфа Яндорфа стал настоящий Дворец торговли – огромный универсальный магазин – *Ka De We*, открывшийся в 1907 г. Неоновые буквы этого логотипа и сегодня впечатаны в ночное небо германской столицы.

На рубеже XIX-XX веков евреи внесли значительный вклад в развитие экономики тех земель, где они проживали. Среди пионеров тяжёлой промышленности, наряду с Тиссенем, Сименсом, Кирхдорфом, было немало евреев. Как пример, Эмиль Ратенау, создавший в 1885 г. *АЕГ* – предприятие, которое снабжало электричеством весь Берлин. Электротехническая промышленность Германии именно ему обязана своими успехами. Коммерческим директором *АЕГ*, председателем его правления были тоже евреи. Ратенау принадлежал к большой и уважаемой семье. В зале, посвящённом повседневной жизни еврейской семьи, мы уже видели их портреты. Из этой семьи выйдет и Вальтер Ратенау, преемник своего отца в *АЕГ* и будущий министр иностранных дел Веймарской республики. Плакат, на котором большими буквами

выведено: «*Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft Berlin 1888*» – помещён в центре над портретами отца-основателя и руководителей Общества.

Пионером машиностроения был Йозеф Либерман, он занимался сельскохозяйственной техникой. Йозеф фон Хирш, банкир из Мюнхена, финансировал строительство железных дорог. Магнатами угольной промышленности были Фридлиндеры-Фульды, химической – Монды, судостроительной – Баллин. Он стал генеральным директором крупнейшей линии Гамбург – Америка (*HAPAG*), которая действует и поныне. Баллин был желанным гостем и доверенным лицом кайзера Вильгельма II, тот видел в нём человека, который обеспечит господство Германии на морях. В Музее можно увидеть их совместное фото.

Среди банкиров этой поры – Фюрстенберг, Варбург и Бляйхрёдер. Последний был придворным банкиром кайзера Вильгельма I. Тот пожаловал ему дворянство, не настаивая на том, чтобы банкир крестился. Дворец Бляйхрёдера охотно посещала прусская знать, но это не значит, что он был принят в их обществе. Вот карикатура из журнала «Симплициссимус». Читаем подпись: «Жаль, что Папа не может быть принят в наш аристократический клуб. А впрочем, какая разница, он ведь видит каждый вечер всех членов клуба у себя дома».

Пионерами издательского дела были евреи Ульштейн, Моссе и Рейтер. Известнейшее международное телеграфное агентство Рейтер в 1851 г. было создано сначала в Лондоне. Ульштейн основал целую газетную империю (*Frankfurter Zeitung, Berliner Illustrierte Zeitung* – это его газеты). Моссе издавал иллюстрированные журналы и популярный *Berliner Tageblatt*. Их издательства и типографии занимали красивейшее многоэтажное здание в центре Берлина, в южной части Фридрихштадта.

Немецкие евреи на рубеже XIX-XX веков внесли колоссальный вклад и в науку: ведь это было время настоящей революции в физике, химии, биологии. Достаточно назвать такие знаковые имена, как Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд. Их сегодня знают все. Эйнштейн стал настоящей иконой, ликом разума. Наука о личности – «фрейдизм» – завоевала весь мир. Материалы Музея напоминают многие имена. Это естествоиспытатель Германн Гельмгольц, физик Генрих Герц, который создал электромагнитную теорию, ставшую основой для телеграфа, философ Эдмунд Гуссерль, основатель феноменологии, электротехник Эмиль Берлинер, изобретатель телефона-микрофона и грампластинок, философ Герберт Кон, у которого учился Борис Пастернак.

На стенде мы видим фотографии трёх Нобелевских лауреатов-химиков. Это – Отто Валлах, Фриц Хабер и Адольф фон Байер. Они

работали в основном в научно-исследовательском Институте кайзера Вильгельма (основан в 1911 г., сегодня известен как Институт Макса Планка). Ассистентом и достойным сотрудником Планка была еврейка Лизе Майтнер, одна из крупнейших физиков XX века.

Как не назвать врача – профессора Клемперера, анатома Якоба Хенле, который был учителем самого Роберта Коха? Вместе с Кохом работала бактериолог Лидия Рабинович-Кемпер, первая женщина-профессор в Пруссии. Кстати, её сын выступал на Нюрнбергском процессе в качестве обвинителя с американской стороны.

Эти выдающиеся учёные-евреи прославили не только свои имена, они вывели немецкую науку на мировой уровень. Треть Нобелевских премий, присуждённых с 1901 по 1933 гг, получили граждане Германии, из них третью часть составляли немецкие евреи, а в области медицины их доля была и вовсе 50%. Достижения Германии, представленные на первой Всемирной выставке в Париже, были настолько впечатляющими, что в мире заговорили о том, что наступивший XX век окажется не иначе, как веком Германии. Предсказание сбылось с точностью «до наоборот»: Германия и впрямь сказала своё слово в новом столетии, развязав две мировые войны, принесла неисчислимые бедствия народам и обрекла свой народ на страшные испытания.

В зале отведено место евреям – создателям новаторского искусства. Это композиторы и музыканты Густав Малер, Арнольд Шёнберг и Луи Левандовский, руководитель берлинской консерватории и первой музыкальной школы Юлиус Штерн, реформатор театра Макс Рейнхардт, художники Макс Либерман и Эфраим Лилиен, Франц Марк и Дессер Ури, немецко-еврейские писатели Якоб Вассерман, Артур Шницлер, Эмиль Людвиг.

Новая Германская империя была построена не только «на крови и железе», как утверждал Отто фон Бисмарк, но и на золоте, деловитости, научных открытиях и достижениях в разных областях культуры немецких евреев. Как же оценила немецкая нация их вклад в общегерманское дело? Судите сами. Уже в период Второй империи прозвучало: «Евреи – наше несчастье!» (*Die Juden sind unser Unglück*). Часть населения считала, что расцвет науки и промышленности представляет несчастье для страны. Виновниками быстрой урбанизации и промышленного прогресса называли евреев. Капитализм в целом ассоциировался именно с этим чуждым племенем. Влиятельный журналист той поры Отто Глагау породил ещё один хлёткий афоризм: «Социальный вопрос есть еврейский вопрос» (*Die soziale Frage ist die Judenfrage*). После отставки в 1890 г. «железного канцлера», как называли Бисмарка, антисемитизм приобретает более

опасный характер, он переходит на рельсы национализма и расизма. Чтобы разжечь расовый антагонизм, все средства шли в ход. В Музее представлены антиеврейские карикатуры конца XIX века. Текст подписей довольно безобиден, важно создание отвратительного образа еврея на чисто изобразительном уровне. Именно эти карикатуры стали основой стереотипов, которые вошли в сознание немецкого большинства. «Дома, и всё же чужие» – таково самоощущение немецких евреев. Неудивительно, что именно Германия в пору растущего антисемитизма оказалась родиной сионизма. Именно здесь вынашивались планы возвращения евреев из рассеяния на историческую родину и создания еврейского государства в Палестине. На стендах – портреты лидеров сионизма и материалы, раскрывающие цели и задачи этого движения. Скульптурный бюст Теодора Герцля, а под ним – первое издание его книги «Еврейское государство» (1896). Рядом – сионистский журнал «Die jüdische Rundschau» («Еврейская панорама») и ежемесячник «Ost und West». Высказывание одного из представителей сионистских кругов Германии начала XX века я взяла на вооружение: «Мы, евреи, могли бы стать солью в супе народов, но народам этот суп кажется часто пересоленным».

[231]

Д и П / 2019

Немецкие евреи в годы Веймарской республики

Первая мировая война закончилась поражением Германии. В ней на немецкой стороне участвовало 100 000 еврейских солдат, среди погибших было 12 000 евреев (эти данные приведены в книге «Евреи и XX век»). В простенке между залами останавливает внимание увеличенная на высоту стены фотография: лето 1914-го, по берлинской улице движется отряд кавалерии, один из кавалеристов, Людвиг Бёрнштейн, склонившись, на ходу прощается с Фрицем и Эммой Шлезингерами. Супруги улыбаются на бегу, они явно гордятся своим молодым родственником: ему выпала честь защищать родной *фатерланд!*

Но ни преданность, ни подвиги на полях сражений, ни достижения в экономике, науке и культуре не могли извинить новых граждан в глазах националистов. Капитуляция Германии в 1918 г., Версальский договор, репарации – всё это, как кричали на всех углах «патриоты», было подстроено предателями-евреями. Из многочисленных свидетельств о Веймарской республике приведу только ёмкую характеристику Голо Манна (сына Томаса Манна): «Ужасный нравственный упадок и дикость под знаком поражения, всеобщая нищета и социальное деклассирование миллионов людей вследствие инфляции, все эти

Грега Йонкис

события, полностью выходявшие за пределы понимания обычного человека, обеспечили первый мощный отклик на призыв: «Евреи – наше несчастье!». Я бы осмелился утверждать: никогда антисемитские страсти не кипели столь бурно, как в 1919-1923 гг.» Это свидетельство молодого немецкого писателя.

Назначение Вальтера Ратенау министром иностранных дел Веймарской республики в январе 1922 г. не могло не обернуться его насильственной гибелью. Немцем Дизраэли ему не удалось стать. На пике кипения антисемитских страстей 24 июня 1922 г. и произошло его убийство. Его посмертный портрет работы еврейского художника Орлика – один из экспонатов Музея.

И вот уже университетская немецкая молодёжь всю толкует о «разрушительности еврейского интеллекта» и нападает на Эйнштейна и «еврейскую физику», а ведь Нобелевским лауреатом он стал в 1921 г.! Поносили не только еврея Эйнштейна, поносили Веймарскую республику. Германия оказалась не готова принять демократию, тем более что её ростки пробились в пору послевоенной разрухи и полной неразберихи. Антидемократизм, как показал опыт, неотделим от антисемитизма.

Среди экспонатов – картина Феликса Нусбаума «Безумная (Парижская) площадь», на которой изображена группа молодых художников-новаторов, сгрудившихся со своими картинами перед Бранденбургскими воротами. Слева высится здание Академии искусств, куда стройными рядами движутся убелённые сединами академики в строгих чёрных костюмах. Над ними парят ангелы с трубами и стягами, а один, приземлившись, мечет им под ноги цветы. Справа – знаменитый на весь Берлин дом-мастерская президента Академии Макса Либермана. На крыше – сам хозяин у мольберта со своим автопортретом. Порхающие вокруг мастера ангелочки пытаются увенчать его золотым венком, но промахиваются, венок летит мимо. Картина подписана 1931 годом. А через два года старый художник с крыши своего особняка будет наблюдать факельное шествие победивших нацистов. Что касается непризнанных гениев, которых запечатлел Нусбаум, то одних ждут дороги Холокоста или изгнания, других, как автора картины – самоубийство, остальных – позор и поношение на выставках «Дегенеративное искусство». Нусбаум предвосхищает будущее: молодые художники на его картине выглядят отверженными, они – «белые вороны», это подчёркнуто их белыми одеяниями. Впрочем, зная судьбы персонажей этой картины, белые хламиды можно принять и за саваны.

Один из характерных признаков еврейской жизни в

Германии той поры – возрастание культурной и религиозной роли восточноевропейского еврейства – *Ostjuden*. В Берлине восточноевропейские евреи составили 25% еврейского населения. Когда в Германию в начале XX века хлынули тысячи восточноевропейских евреев, спасавшихся от погромов, оказалось, что они никак не вписываются в общество немецких евреев, разительно отличаются от них и одеждой, и манерами, и языком. Это были люди как будто из другого века, из прошлого. Немецкие евреи в основном были людьми с достатком, исполненными самоуважения и немецкими гражданами, пришельцы же – голь перекатная, забитые, согнутые вековыми унижениями и нуждой. Однако именно на этом «другом полюсе» еврейства сохранялась верность подлинному иудаизму.

[233]

Часть еврейской молодёжи (особенно студенты), вдохновлённая идеями политического сионизма, отрицала буржуазный образ жизни ассимилированных западных евреев, собственных отцов и дедов. В поисках подлинного еврейства интеллектуалы и художники из сионистских кругов всё чаще поглядывали на Восток, идеализировали мир местечка – *штетл*. Лишь немногие пошли путём *халуцим* (пионеров-первопроходцев), отправившись заниматься крестьянским трудом на земле Палестины. Большинство немецких евреев считали себя частью немецкого общества, несмотря ни на что.

В годы Веймарской республики искусство театра и кино достигло в Берлине небывалого расцвета, в этом убеждают театральные афиши (в залах можно видеть афишные тумбы, знакомые моему поколению), фотопортреты режиссёров-новаторов, талантливых актёров, оригинальных кабаретистов, а также снимки сцен из нашумевших спектаклей. Макс Рейнхардт, Леопольд Йесснер и Эрвин Пискатор, Марлен Дитрих, Хелена Вайгель и Роза Валетти, Эрнст Буш и Макс Палленберг, Бертольт Брехт и Курт Вайль – слава и гордость немецкой сцены. После 1933 г. все они покинут Германию – кто из-за еврейского происхождения, кто – из-за нежелания жить в Третьем рейхе.

На стендах представлено много иллюстрированных журналов, со страниц которых на посетителей Музея смотрят известные писатели, поэты, публицисты, среди которых – Вальтер Беньямин, Эрих Мюзам, Альфред Дёблин, Вальтер Газенклевер, Арнольд и Стефан Цвейги, Лион Фейхтвангер, Бруно и Леонгард Франк, Йозеф Рот, Франц Верфель, Курт Тухольский, Якоб Вассерман, Эльзе Ласкер-Шюллер, Маша Калекко. Все они – немецкие евреи.

1920-е гг. – время развития культурного сионизма, центром его стал Берлин, а лидером – известный поэт Хаим-Нахман Бялик. В Берлине выходит журнал «Рассвет» – оплот радикально настроенного сиониста

Владимира (Зеева) Жаботинского. Включив аппарат, можно увидеть отрывки из постановки «Диббука» в исполнении артистов еврейского театра.

В витринах – книги, первые издания. Книг много, и среди них – знаменитый роман Альфреда Дёблина «Берлин, Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе» (1929). В центре книги не евреи, а немецкое простонародье – от мелких лавочников до деклассированных криминальных элементов. Используя приёмы киномонтажа и коллажа, Дёблин смог изобразить, как точно подметил Илья Эренбург, «те хорошо унавоженные парники, в которых укоренились будущие оберштурмфюреры, любительницы военных трофеев, печники Освенцима».

Один из самых читаемых в Веймарской республике романист Вассерман в 1921 г. опубликовал книгу «Мой путь как немца и еврея», резюме которой прозвучало так: «Тщетно заклинать народ поэтов и мыслителей во имя их поэтов и мыслителей... Напрасно полагать, что яд можно обезвредить. Они приготовят свежий. Пустое дело – жить ради них или умирать за них. Они скажут одно: он – еврей».

И вот наступает январь 1933-го. В последующее десятилетие слышны только звуки погребального колокола по европейскому еврейству. А дальше – тишина... После того, как мы прошли дорогами Холокоста и изгнания, не хочется перечислять все приказы и законы Третьего рейха, которые последовательно и неуклонно лишали евреев всяких прав, свободы и жизни. В 1939 г. Мартин Бубер объявил о «конце еврейско-немецкого симбиоза». Отметив его необычайную плодотворность, еврейский философ сравнил его значимость с иудео-эллинской и иудео-испанской культурой, следы влияния которых никогда не сотрутся.

Вместо заключения, или Темна вода во облацех...

Зал, посвящённый настоящему времени, призван внушать надежду на будущее еврейства в Германии, но меня эта экспозиция не впечатлила. После войны в Германию приехали некоторые из уцелевших восточноевропейских евреев, но и у них преобладали «чемоданные» настроения. Многие, подзаработав, уехали в Израиль и США, кое-кто остался. В наших и собственных глазах они – старожилы. Приток евреев из бывшего Советского Союза в последнее десятилетие XX века был призван вдохнуть жизнь в умирающие еврейские общины. Численность общин и впрямь резко возросла. Из нынешних ста тысяч членов еврейских *гемайнд* иммигранты составляют 86%. «Русские»

евреи, в отличие от многих «старожилов», сохраняют общекультурные ориентиры, их интеллектуальный потенциал в целом очень высок, благодаря им произошло культурное обогащение общин. Но вряд ли прибывшие евреи в обозримом будущем займут в жизни страны то место, которое в прошлом принадлежало немецким евреям. Сейчас их потенциал едва востребован немецким обществом, ситуация на рынке труда тому не способствует. У приехавших нет той пассионарности, которая отличала евреев Германии, вырвавшихся из гетто в начале XIX столетия. Их менталитет иной. К тому же немецкое общество за 200 лет так изменилось, что войти в него русскоговорящим евреям чрезвычайно сложно.

[235]

Впрочем, д-р Соломон Корн, председатель Франкфуртской еврейской общины и вице-президент Центрального совета евреев в Германии, смотрит на будущее оптимистично: «Мы находимся в настоящее время в историческом процессе, который приведёт к тому, что из евреев в Германии сформируются немецкие евреи, которые превратятся в еврейских немцев». Правда, он предупреждает, что процесс превращения и тем самым возвращения на круги своя будет нелёгким и весьма длительным. Энтузиастов, согласных положить жизнь во имя приближения этой отдалённой цели, среди вновь прибывших при всём старании не найти.

Но вернёмся в Музей! Помимо залов с постоянной экспозицией для юных и взрослых посетителей здесь есть читальный зал, обучающий центр, оснащённый компьютерной техникой, помещения для специальных выставок. Исследовательские проекты в рамках Музея предполагают работу с архивами, подготовку выставок и печатной продукции. Среди вопросов, которые предлагались посетителям на выходе, моё внимание привлёк один: «Можете ли вы представить, чтобы президентом ФРГ в ближайшем будущем стал еврей?»

Прочла – и не знала, то ли плакать, то ли смеяться. Впрочем, в США на пост вице-президента баллотировался ведь еврей Либерман, сенатор от демократической партии. Американцы, получившие свои идеалы (включая демократию, бережливость и любовь к детям) скорее от евреев, чем от саксонских предков, вполне могли отдать ему голоса и многие отдавали. Но чтобы в Германии! В чьей голове родился этот безумный вопрос?!

И тут вспомнился эпизод шестилетней давности. Моя молодая знакомая, немка, в ту пору студентка Майнцкого университета, ездила с шестиклассниками в Бонн, на экскурсию в Музей современной истории Германии. На вопрос, кто является президентом Германии, один из ребят, подумав, изрёк: «Я думаю – Горбачёв».

Ответ меня поразил, я возликовала: «Если пятнадцатилетний немец допускает, что президентом Германии может быть русский, это ведь прекрасно! Это говорит о толерантности, о полном отсутствии ксенофобии у молодёжи». Но моя знакомая не разделяла моих восторгов: «Грета, не обольщайся! Это говорит только о его дремучей невежественности. Имя Горбачёва мелькает на телевидении, в прессе. Он его запомнил, вот и всё». Спорить я не стала, но, признаюсь, ответ невежественного мальчишки согрел мне душу.

Знакомство с Еврейским музеем помогает понять прошлое, а так хочется узнать, что ждёт впереди. Возможно ли будущее для евреев в Германии после Катастрофы?

На исходе лета 2005 г. Папа Римский посетил синагогу Кёльна. Мне посчастливилось присутствовать на встрече и стать свидетельницей нового этапа иудео-христианского диалога. Дружественная атмосфера встречи породила новые надежды. Сказать, что они оправдались, не могу. Но «надежда умирает последней»...

**Регина
Кон**

**«ДУХОВНЫЙ
КОКАИН
ДЛЯ НЕМЕЦКОЙ
ЖЕНЩИНЫ»**

[237]

*К 80-летию начала Второй
Мировой Войны.*

Д и П / 2019

В конце 2018 г. исполнилось сто двадцать лет со дня открытия первого торгового дома в Вюрцбурге – повод вспомнить о еврейских торговых домах и о судьбах их основателей и владельцев.

В немецких городах появились магазины-дворцы, настоящие архитектурные шедевры. Многие из них были основаны еврейскими предпринимателями. Притягивая публику, как магниты, они были в равной мере и торговыми предприятиями, и достопримечательностями. Универмаг «Вертхайм», построенный по проекту архитектора Альфреда Месселя на Лейпцигской площади в Берлине и открывший свои двери в 1894 г., стал самым большим в Европе.

В универмагах появились новые принципы торговли: широкий ассортимент, фиксированные цены, профессиональный персонал, излучающий обходительность и любезность. Такие сегодня привычные, а в начале XX века совершенно новаторские приёмы, как световая реклама, объявления о распродажах, помогали в борьбе за клиентов и приносили успех. Газеты и журналы охотно помещали рекламу торговых домов – ведь это способствовало увеличению тиража.

В октябре 1898 г. в Вюрцбурге открылся торговый дом, который основал двадцатисемилетний Зигмунд Рускевитц из Данцига. Незадолго до этого он сочетался браком со своей первой женой Иоханной, урожд. Линдемманн. У них родились три сына: Макс, Фриц, Эрнст. После рождения третьего ребёнка жена умерла. Он женился вторично. Мина, вторая жена, родила четвёртого сына, Ханса.

К своему тридцатилетию в 1928 г. Торговый дом, стремительно занявший ведущее место в отрасли, насчитывал более ста тридцати

служащих. К тому времени, получив образование, одну из руководящих позиций взял на себя старший сын Макс, воевавший во время Первой Мировой Войны и награждённый за храбрость Железным крестом II степени. К сожалению, ещё молодым он скончался от последствий ранений и был похоронен на еврейском кладбище Вюрцбурга.

В 1931 г. Рушкевиц открыл в партнерстве с немецким дочерним предприятием американской фирмы «Вулворт» свой магазин единой цены, составивший конкуренцию дешёвым магазинам. В нём работали шестьдесят служащих.

Зигмунд Рушкевиц был членом франконской ложи «Бней-брит», «Сыны Завета», одной из наиболее известных и старейших еврейских общественных организаций, участвовал вместе со своей женой в деятельности вюрцбургского еврейского культурного общества и пользовался всеобщим уважением.

Основатели торговых домов содействовали строительству музеев и других городских учреждений, будучи убеждены, что, расширяя свои концерны и увеличивая собственный капитал, они способствуют расцвету Германии.

На садовой выставке 1914 г. в Гамбурге экспонировался фонтан, созданный Артуром Шлегльмюнигом, вюрцбургским скульптором, учителем Эми Рёдер, выдающейся немецкой художницы-экспрессиониста и скульптора. Зигмунду Рушкевицу фонтан так понравился, что он купил его и подарил городу Вюрцбургу. Фонтан установили в городском парке, где он стоит и поныне. Символично, что фонтан находится на улице Иегуды Амихая, выдающегося израильского писателя и поэта, проведшего детство в Вюрцбурге. Родители Амихая, вероятно, могли быть знакомы с семьёй Рушкевиц.

Рушкевицы, как многие немецкие евреи, основавшие Торговые дома, гордились своей страной и не могли себе представить того, что ждёт их предприятия вскоре.

Всё изменилось после прихода к власти нацистов, возвестивших, что международная мода – это «духовный кокаин» для немецкой женщины, который поставляется евреями.

В 1933 г. принимается закон «О защите мелкой розничной торговли».

Защиты требует «Тетушка Эмма» – так в Германии принято называть хозяйку небольшой лавочки, предлагающей всякую всячину жителям соседних домов. «Тетушку Эмму» надо спасать от наступления близких универсальных монстров.

Универсальная торговля объявляется «еврейским изобретением», под бойкот больших магазинов подводится политическая база.

Пропаганда активно призывает население «возвращаться к корням» и покупать у «своих» мелких торговцев и лавочников.

В июне 1933 г. было организовано Немецкое модное бюро, почётным президентом которого стала Магда Геббельс. Партия ратовала за возвращение к немецким народным традициям, к национальному костюму и причёске. «Немецкая женщина не курит и не красится!» – зывали партийные идеологи. Чуждое влияние «парижских шлюх» и «евреев-швейников» было необходимо ликвидировать.

[239]

Путём множества законов и предписаний форсировалось наведение расовой чистоты на всех уровнях отрасли и её организаций. Было введено блокирование кредита, лимит тканей, ограничение экспорта, запрет на показ мод и рекламные ограничения. Бывало, что и сотрудники, как истинные национал-социалисты, контролировали, следуют ли еврейские работодатели лимитам? В одной фирме работник мехового отдела донёс на управляющего, продавца и модельера, те были арестованы и несколько дней провели в тюрьме. Объединение немецко-арийских фабрикантов распределяло для оформления витрин свой ярлык: «Немецкие товары из арийских рук».

В 1933 г. руководство НСДАП решило, что в субботу 1 апреля должен начаться бойкот еврейских магазинов, который, как говорилось в призыве, «докатится до самых маленьких крестьянских хуторов, чтобы особенно в сельской местности нанести удар еврейским торговцам».

С приходом Гитлера к власти вытеснение евреев из экономики практически завершилось после ноябрьского погрома 1938 г. В назначенный день по всей Германии перед магазинами, которыми владели евреи, выстроились пикеты. Штурмовики разрисовывали витрины звездами Давида и антисемитскими лозунгами: «Ни одного пфеннига еврейским универсальным магазинам!», «Немец, покупай у немца!».

Но ещё за три недели до первого имперского бойкота, толпа под предводительством гауляйтера Отто Хельмута, потребовала временного закрытия в Вюрцбурге еврейских врачебных кабинетов, адвокатских контор и магазинов, среди которых были и принадлежащие Рушкевицу.

Одна из вюрцбургских газет поместила обращение местного отделения НСДАП: «Немец, который серьёзно заинтересован в возрождении и обновлении Германии, знает, что ему делать, и последователен в своём отказе покупать у евреев. Есть люди, у которых отсутствует эта гордость и чувство собственного достоинства, и таковые встречаются даже среди тех, кто принадлежит к так

называемым лучшим кругам здешнего женского общества. В то время, как еврей во всем мире чернит немецкий народ, эти твари оказались способны публично поддерживать клеветников. Нужно заклеить всех женщин, открыто или тайком покупающих у евреев, предать в газетах огласке их имена, оштрафовать, а в Дахау стоит создать отделение для предательниц. Немцы, запомните: эти женщины больше не имеют ничего общего с немецким народом! И не за горами тот день, когда для них придёт расплата!»

Аризация

Между 1933-м и 1940 г. нацистский режим стремился принудить евреев эмигрировать из Германии, и в обиход вошло понятие «аризация» – переход еврейских предприятий или земельных участков в «арийские руки». Предметами аризации могло стать всё что угодно, от пакетов акций торгового дома до коллекций предметов искусства, а формы и условия были различными. Это могла быть конфискация, вымогательство, принуждение к продаже, добровольная продажа по заниженной цене; лишь изредка велись какие-то переговоры между отчаявшимся предпринимателем и порядочным покупателем, фиктивная же передача еврейских предприятий не еврею преследовалась по закону.

Начиная с 1935 г. еврей, в соответствии с нюрнбергскими законами, больше не принадлежал к немецкому народному сообществу и не обладал никакими правами, а еврейское достояние, согласно нацистской доктрине, было нажито путём мошенничества и ростовщичества. Тем самым государство облегчило своим гражданам присвоение еврейской собственности, ведь декларировалось, что конфискация происходила для пользы немецкого народа. Около 100 000 предприятий были ликвидированы или сменили владельцев. Важную роль здесь играли посредники, превратившие аризацию в неиссякаемый источник собственного дохода: адвокаты, маклеры и, прежде всего, банки, которые выплачивали соответствующие комиссионные и предоставляли покупателям кредиты. Представители промышленных и торговых палат оценивали имущество и торговые склады еврейских предприятий и участвовали в спекулятивной игре на понижение. «Комиссии по аризации», состоящие из нееврейских промышленников, оказывали влияние на судьбу своих еврейских конкурентов и решали, стоит ли вообще продавать еврейское предприятие или его нужно без лишних церемоний ликвидировать.

На семейное торговое предприятие Рушкевицев обрушились

массивные экономические репрессии. Зигмунду было отказано в необходимом кредите, и он был предупреждён, что отправится в концлагерь Дахау, если не согласится передать своё предприятие в арийские руки. Под давлением Рушкевиц продал свой Торговый дом и магазин единой цены в конце 1935 г. двадцатитрёхлетнему Йозефу Некерманну, сыну вюрцбургского торговца углём.

Устно было договорено – за 100 000 марок, из которых только 46 000 марок были переведены Неккерманом на специальный счёт. Цена покупки была значительно ниже стоимости компании. Неккерман считал захват «дружественным поглощением» и заявлял, что Зигмунд Рушкевиц попрощался с ним со словами: «Этот шаг для меня непрост, но я знаю, что моё дело в ваших руках пойдёт хорошо!»

Также аризировав компанию Карла Амсона Джоэла (дедушки американского певца –Билли Джоэла и дирижёра Александра Джоэла), Йозеф Неккерманн создал процветающую компанию по производству текстиля и посылочной торговли.

Бежавший в Швейцарию Джоэл подал в суд, требуя выплаты денег, жалоба была отклонена на том основании, что он был «иностранцем». Вместе с фирмой Джоэла Неккерманн также стал арендатором его виллы, куда и переехал вместе со своей женой.

Свою деятельность во время нацистского режима, которая стала основой для его послевоенной карьеры, он прокомментировал в автобиографических воспоминаниях:

«Я не чувствовал ни малейшей необходимости влезать в неприятности и не занимал активной оппозиции в политических вопросах. Я не годился для роли мученика».

После войны Неккерманн яростно сопротивлялся любым компенсационным требованиям предпринимателей, собственность которых он захватил, даже говорил, что против него – «еврейский заговор». С наследниками Зигмунда Рушкевица Неккерманн, наконец, достиг договора о компенсации в размере 50 000 марок и земельного участка в Вюрцбурге. Карл Амсон Джоэл только в 1957 г. после продолжительной тяжбы в многочисленных инстанциях получил в качестве возмещения компенсацию, составляющую лишь небольшую долю фактической стоимости компании, которую Неккерманн приобрёл двадцать лет назад.

Хельмут Шмидт так охарактеризовал Неккермана в 1994 г., выступая по телевидению: «Неккерманн стал бенефициаром коричневого террора».

После аризации семью Рушкевиц разбросало. Родители, Зигмунд и Мина, переехали в феврале 1936 г. в Берлин, где жили в пансионе,

а затем попытались покинуть Германию. К тому времени английские учреждения с трудом давали разрешение на эмиграцию в Палестину немецким беженцам. С начала войны с согласия гестапо были организованы нелегальные транспорты. Около пятисот немецких евреев, среди которых были Зигмунд Рушкевиц и его жена, получили разрешение на отъезд в Чехословакию, где вместе с беженцами из других стран 3 сентября в Пресбурге (Братиславе) погрузились на дунайский пароход, который доставил их в Румынию. Там они пересели на греческий корабль «Пасифик», ходивший под панамским флагом. Маленький пароходик был безнадежно перегружен, спальных мест и туалетов, еды и питья не хватало. Когда вспыхнула эпидемия тифа, полностью измождённый Зигмунд стал одной из её первых жертв. Он умер 17 октября, несмотря на самоотверженный уход жены. Мина скончалась 7 ноября. Их обоих похоронили на еврейском кладбище в Гераклионе. Только часть оставшихся пассажиров добрались до Палестины; многие погибли при взрыве корабля «Патрия», на который они пересели в хайфской гавани.

Сын Зигмунда и Мины, Ханс, отправился в Южную Африку, Фриц уже с августа 1933 г. жил со своей женой Идой, дочерью директора вюрцбургского банка, в Палестине.

Эрнст, после окончания школы и частного реального училища, поступил в отцовскую фирму, став коммерческим директором магазина единой цены. Он эмигрировал со своей женой Рут в Голландию.

Между тем, Голландию оккупировали немецкие войска. Возможность работы для Эрнста была ограничена, однако семья пережила некоторые счастливые моменты. В одном из писем к брату Хансу он пишет: «Мы сейчас больше года живём в сельской местности и нисколько не жалеем о своём выборе. Несмотря ни на что, мы в хорошем настроении, эта война когда-нибудь закончится. Что тогда будет, знают Боги, и бессмысленно ломать над этим голову. Мы ещё молоды и начнём ещё раз сначала. Этот год прошёл так быстро, потому что был полон событий. Вы даже не предполагаете, что мы пережили, и я боюсь, что мы не предполагаем, что ещё переживём».

10 мая 1942 г. около 140 000 тысяч евреев, живущих в Голландии, среди которых было много эмигрантов из Германии, обязали носить жёлтые звёзды. В июле начались депортации; к концу месяца уже около 6000 голландских евреев прибыли в Освенцим, большинство из них сразу же были отправлены в газовые камеры.

Транзитным лагерем, из которого уходили составы с обречёнными, стал Вестерборк, где содержалась и семья Анны Франк, а также Рут Гановер, подруги детства Иегуды Амихая.

В середине октября 1942 г. пришёл черёд и семьи Эрнста Рушкевица. Всё, что с ними потом произошло в Вестерборке, польском лагере Козеле и в различных вспомогательных лагерях Освенцима, где немецкие фирмы использовали рабскую рабочую силу заключённых, Рушкевиц запечатлел в дневнике на страницах маленькой адресной книжечки в виде писем, обращённым к жене и сыну. Писал он максимально лаконично, скупые карандашные строчки вместили повседневную лагерную жизнь с её страшными подробностями, радость от красоты природы, тоску по родным, надежду и нежелание верить в неотвратимое... Вот несколько выдержек из этих записей.

[243]

Лагерь принудительных работ Аннаберг, 19 ноября 1942 г.

«Нас забрали четыре недели назад... Ещё была надежда. Через два дня весёленькая поездка в Вестерборк. Марш-бросок с багажом полтора часа, Рут и сыну разрешили полдороги проехать. Надежда до последнего момента. Говорил со многими знакомыми, услышал лишь рыдания. Рут отважна, как всегда, сын пуглив, но мил. Беспокойная ночь, в половине восьмого погнали на регистрацию. Всё отобрали. Марш под дождём. Утешения нет. Мы сидим на рельсах со всеми нашими пожитками. Около 11 часов нас уже 928 евреев. Приходит поезд. Паника. На следующий день мы покидаем гостеприимную Голландию, многие плачут. Бремен – Берлин – Лигниц – Козель. Около 4-х утра: “Мужчины, на выход!” Короткое прощание. Мы ещё не можем поверить. Нас выстраивают, поезд отправляется с женщинами, детьми и мужчинами старше пятидесяти пяти лет. Когда мы опять увидимся? Что я только не предпринял за эти четыре недели, чтобы узнать, где вы, всё безуспешно!

Приехали, много промышленных предприятий, шахт. Марш через город, встреча с польскими евреями, нашими предшественниками, бараки, караульные, прожекторы. Переключка на плацу, зарегистрировали, распределили по баракам...»

2 ноября 1942 г. «День рождения сына. Мне тяжело на сердце. Нашёл сигарету, выкурил за его благополучие».

Вспомогательный лагерь Освенцима – Гляйвиц.

5 ноября 1942 г. «Моя бригада подарила мне сигарету. К картошке в мундире у меня есть ещё кусочек сухой колбасы; это мое меню в честь дня рожденья, можно язык проглотить. Только не думать!»

17 декабря 1942 г. «Как ни странно, мне не удаётся представить твой голос, а песенку сына и то, как он говорит «Папочка», я слышу. В последние дни безумно скучаю по вам».

21 декабря 1942 г. «Ежедневно со своей матерью, которая приносит мужу еду на стройку, приходит мальчик пяти-шести лет. Малыш напоминает мне о сыне, и это постоянно доставляет сердечную боль».

10 января 1943 г. «Лагерная песня восточных евреев в свободном переводе с идиш, жаль, что я не могу записать красивую печальную мелодию:

“В Гляйвице тесно и забор на засове, мы окружены проволокой и охраной.

Прихожу с работы голодный и усталый, меня ожидает жидкий суп без брюквы.

Я знаю одно еврейское местечко, оно так прекрасно!

Когда я вижу луну, то думаю о доме.

Луна, что ты смотришь на меня? Что тебе до того, что я хочу есть?

Возьму я скрипку и сыграю печальную песню.

Как там живётся на Родине?”»

7 февраля 1943 г. «Я всем сердцем желаю, чтобы Вам было не тяжелее, чем мне, тепло и достаточно еды. Ещё одному соседу стало хуже, это от того, что он думает только о доме и курит вместо еды. Если хочешь опять увидеть своих любимых, нужно употребить все силы, чтобы продолжать жить».

9 февраля 1943 г. «Твой 32-й день рожденья, Рут. Я желаю тебе свободы. Свободы для нас всех!»

30 мая 1943 г. «Только тот, кто это пережил, может осознать, почему я столько пишу о еде».

4 июля 1943 г. «В лагере – 1851 еврей».

26 июля 1943 г. «Вчера прибыли 600 поляков, среди них 200 женщин и детей. Сегодня утром расставание семей, душераздирающие сцены; а нам даже не дали времени проститься. Поляки рассказывают страшные новости. Во мне всё сопротивляется тому, чтобы им поверить».

4 августа 1943 г. «Сосед уже восемь месяцев назад смирился с тем, что его детей больше нет; что же касается жены, то у него остаётся надежда. Я просто не хочу верить, что наш малыш убит. Как я смогу начать жизнь после войны без Вас; я же буду только получеловек, если у меня больше не будет вас; нет, этого не может быть, я буду надеяться до последнего!»

10 октября 1943 г. «Вечер Йом Кипура. Не пощусь, как многие другие, но и не курю. Пост – саботаж. Сосед по бараку молится. Встретил старого знакомого, он оторопел: “Вы ещё живы? Вас уже давно считают мёртвым”».

19 октября 1943 г. «Сегодня годовщина неволи. Сыну – скоро семь,

если он ещё жив. Он с тобой? Это меня постоянно занимает; если нет, то у меня нет никакой надежды отыскать его. И что тогда? Только не думать об этом...»

24 октября 1943 г. «Санитарный транспорт для 95 человек, в том числе 15 девушек. “Санитарный транспорт” означал неминуемую смерть, потому что все в Блеххаммере знали, что заключённые, которых больше нельзя использовать в качестве рабочих, отправляют в Освенцим и убивают там».

2 ноября 1943 г. «День рождения сына. Любимый мальчик, я желаю тебе только одного: чтобы ты оставался со своей мамой, тогда целый год у тебя будет всё в порядке. И это будет продолжаться до нашего счастливого воссоединения. Я бы отдал всё, чтобы только знать, где вы и как у вас дела. Сколько ещё. И так встречает человек своё сорокалетие? Трое друзей подарили хлеб, самый прекрасный подарок, вкусный, хоть и сухой, потому что вчера не было маргарина».

Последняя запись была сделана **3 марта 1944 г.**

Из письма инженера Вильгельма Биля от 8 декабря 1947 г., адресованного Луизе Рушкевиц, тётке Эрнста, немке из Крефельда, вышедшей замуж за брата Зигмунда Рушкевица.

«...По поручению одной западногерманской фирмы я руководил в Блеххаммере монтажом большой установки по сжижению угля, и наряду с другими рабочими, которых мне предоставило руководство, получил бригаду из шести евреев. Среди них был ваш племянник Эрнст Рушкевиц.

22 января 1945 г. после прорыва Красной Армии на востоке, мы должны были покинуть место работы. Из еврейского лагеря в те утренние часы долго слышались выстрелы. Там, как обычно перед отправкой, сначала было покончено со всеми больными и неспособными к передвижению. Я уехал на тракторе-тягаче и позже нам встретилась колонна евреев, которые двигались по снегу рядом с проезжей дорогой под усиленным конвоем эсэсовцев. При чудовищном количестве беженцев в эти дни было невозможно где-либо найти место для ночлега, поэтому с уверенностью можно предположить, что заключённые должны были провести ночь под открытым небом. Все, кто в результате изнурения или голода не мог двигаться дальше, были застрелены».

Именно Вильгельму Биллю доверил Эрнст перед отправкой свой дневник, который позже его младший брат Ханс передал вюрцбургскому историку и журналисту Рональду Фладе. Сейчас он хранится в Центре еврейской истории и культуры Нижней Франконии имени Иоганны Шталь.

Празднование 30-летия со дня открытия Торгового Дома, принадлежавшего Рушкевицу; 1928 г.
«Камни преткновения», установленные в Вюрцбурге в память о погибших членах семьи Рушкевиц.

К началу марша смерти заключённых Блеххаммера на запад, Эрнст был ещё в относительно хорошем физическом состоянии, пережил тяготы пути и 2 февраля 1945 г. попал в концентрационный лагерь Гросс-Розен, где через пять дней заключённых погрузили в товарные составы и отправили в Бухенвальд. Там 31 марта 1945 г. он погиб, так никогда и не узнав, что его жена и маленький сын, к которым Эрнст обращался на страницах своего дневника, надеясь вновь их увидеть, ещё в октябре 1942 г. прямо из транзитного лагеря Козель были отправлены в газовые камеры Освенцима.

17 июля 2006 г. в память о них были установлены первые в Вюрцбурге «Камни преткновения».

На эту церемонию прибыл и 74-летний голландец Аарт ван Россум, бывший сосед семьи. Он привёз и передал в Центр еврейской истории и культуры в Нижней Франконии фотографии и документы соседей и их маленького сына, опубликовал подробный текст о семье Рушкевиц в Интернете. Это эссе прочитал Гад Рушкевиц, двоюродный брат маленького сына Эрнста, и между ним и Аартом установился постоянный контакт. Летом 2012 г. в Вюрцбург прибыла, желая посетить город своих предков, дочь Гада, который эмигрировал в Палестину – правнучка Зигмунда Рушкевица, биолог Яэль Рушкевиц-Лейбзон из Петах Тиквы: «Когда я была ребёнком, в нашем доме не говорили о прошлом, – рассказывала Яэль. – Но в последние годы мой интерес вырос, и я начала поиски. У фамильного дерева «Рушкевица» всё ещё есть листья!». И в этом нет сомнения!

Генриетта Ляховицкая

«...И Я, ЕГО ЧИТАЯ СТРОКИ...»

[247]

*«О снах. Сегодня мне привиделось нечто... То было помеще-
ние где-то на филологическом факультете Ленинградского
университета, и я спускался по ступенькам с кем-то, кто
казался мне Д.Е. Максимовым...»*

Иосиф Бродский.

Надо было дожить до шестидесяти восьми лет, чтобы прочесть в книжке эссе Бродского об этом его сне. Мне тоже иногда снится Дмитрий Евгеньевич. Редко, но снится. А наяву он мне часто вспоминается, и чем дальше, тем чаще.

Заранее прошу простить мне слишком личный характер воспоминаний. Он определяется тем, что Д. Е. Максимов – широко известный литературовед, критик, историк литературы, блистательный университетский профессор – был для меня, по-семейному, дядей Митей, мужем маминой сестры Лины Яковлевны Ляховицкой.

Первая моя встреча с ними случилась в 1945 г., когда мы – мама, мой брат и я вернулись в Ленинград из уральской голодной эвакуации. Мне было семь лет, но выглядела едва пятилетней из-за дистрофии. Мама привела меня в гости к тётё и дяде на Покровку (нынче Площадь Тургенева). Дядя вышел из своей комнаты-кабинета, мельком взглянул на меня, коротко переговорил с мамой и вернулся к работе, оставив нас на попечение жены. Тётя Лина строго оглядела тощую племянницу и спросила: «Что ты хочешь, деточка, конфетку или печенье?». «И то, и другое!» – последовал мгновенный ответ.

Вскоре вернулся прошедший Войну отец – военный юрист и наша семья, в связи с его новым назначением, покинула Ленинград. Мы следовали за отцом до самого «края света», если таковым считать Даль-

ний Восток, включая Приамурье и Южный Сахалин. Поэтому общение с родственниками прервалось на многие годы.

Когда отца демобилизовали и мы снова оказались в Питере, встречи с Д. Е. и Л. Я. случались редко – лишь по большим семейным праздникам. Семьи жили далеко друг от друга. Д. Е. был загружен научной работой и многогранной деятельностью в Университете, Л. Я. работала в Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. У нас тоже все работали или учились...

[248]

*

Вновь прошли годы, пока ситуация изменилась и мы смогли чаще общаться. Тётя Лина, бывая у нас, приносила новые публикации мужа с дарственными надписями «*Дорогим Соне и Лёве*» – моим маме и папе. Дядя Митя всегда очень тепло относился к ним. Это и понятно, ведь их смолоду связывала не только родственная, но и культурно-духовная близость, которая, думается, порой важнее первой. Когда Дмитрию Евгеньевичу было *шестьдесят восемь лет*, мне исполнилось *тридцать четыре*. К этому времени я уже была вовлечена в литературные занятия. Сознаюсь, что всегда писала какие-то «стишки» и «прозочки», которые копились в письменном столе. Никому из литераторов их не показывала, пока меня не «застукали» сотрудники НИИ за печатанием в обеденный перерыв стихов для маленького сына. Тут-то и обнаружили мои «пробы пера». Стали спрашивать, что ещё пишу. Две папки «Стихи» и «Проза» были переданы одному критику. Тот, поправляясь после инфаркта, сказал, что ознакомится через месяц-другой. Вдруг, через день он позвонил мне, сказал, что неожиданно для самого себя сразу всё прочёл, и спросил, у кого я занимаюсь. Я ответила, что ни у кого. Тогда, по его настоянию, стала я добровольно-принудительно и с перерывами посещать литературные семинары и объединения для начинающих литераторов...

*

Несмотря на предельную занятость, я всё же старалась навещать тётю Лину. Сидели мы с ней обычно на кухне, чаёвничали. Слышно было, как дядя Митя в своём кабинете печатает на старинной пишущей машинке. Иногда он выходил к нам, но в недолгих разговорах мы не затрагивали литературу, пока не вышел в свет большой том стихов А. Ахматовой. Не помню, как мы заговорили о нём, но я отрицательно отозвалась о ранних стихах Анны Андреевны. Дядя Митя, похоже, *впервые заметил племянницу*. Скорее всего, видный литературовед, профессор университетской кафедры истории русской литературы был,

мягко говоря, удивлён, что я осмелилась критиковать стихи, да к тому же созданные *самой Ахматовой*. С нею, с её судьбой и творчеством Д. Е. был тесно связан всю жизнь.

Дмитрий Евгеньевич родился 15 (28) декабря 1904 г. в Царском Селе. Ахматова, которая в то время там жила, как-то сказала ему: «Помню, как пришла прислуга и сообщила, что у Максимовых родился сын. Это были Вы». Одну из своих книг она подарила ему с надписью: «Последнему царскосёлу». Всё это я знаю от самого дяди Мити. Но статью о поэзии Ахматовой, написанную им в 1946 г., стало возможным прочесть лишь после его смерти в газете «Ленинградская правда» № 25 от 29.01.1989 (вырезку бережно храню).

Предваряет публикацию поразительный текст. Вот выдержки из него: «В августе 1946 г. в редакцию «Ленинградской правды» поступил сигнальный экземпляр книги Анны Ахматовой «Стихотворения» (...) Редакция заказала статью о грядущей книге литературоведа Д. Е. Максимова, тонкому и глубокому ценителю поэзии (...) Статья была написана, набрана к печати, и вдруг... Грянуло постановление (О журналах «Звезда» и «Ленинград», постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. – Г.Л.), после которого не только появление статьи, но и появление самой книги Ахматовой в печати стало невозможным (весь тираж этой книги был пущен под нож, сохранилось случайно несколько экземпляров) (...) Д. Е. Максимов не испугался, не сжёг черновик (...) Он восстановил статью по черновику, сохранённому в его архиве, и подарил машинописный экземпляр Анне Андреевне. Их дружба продолжалась до смерти Ахматовой (...) Статья Д. Е. Максимова 1946 г. – честное, правдивое слово несгибаемого интеллигента о несгибаемом поэте».

*

Возвращаюсь к личному общению с Дмитрием Евгеньевичем, который стал чаще уделять мне внимание. Иногда я, осмелев, читала ему свои стихи. Поначалу он был, видимо, не в восторге от моих литературных попыток, но вместо их критики показывал и зачитывал произведения молодых питерских поэтов, которых он пестовал. Помню разномастные машинописные листы со стихами Стратановского, Бродского, Кушнера...

Однажды дядя Митя прочёл мне стихотворение тринадцатилетней девочки: «О, ангелы! Вы хилы. / О, ангелы! Вы – подхалимы. / А дьявол говорит трубой. / А дьявол говорит со мной! / И по следам его копыт / Луна влюблённая летит!» В 1956 г., в свои восемнадцать лет, я тоже касалась этой темы: «Милы нам ангелы своим обличьем нежным. / Они

домашни и уютны, как камин. / Но разумом мы с демоном мятежным,
/ Что в мирозданье мечется один». Однако, краткие, чёткие строки
девочки-подростка с их энергией, динамичностью и образностью
понравились мне больше моих и накрепко запечатлелись в памяти с
первого же прочтения. Подростком этим была Елена Шварц.

*

[250]

Д и П / 2019

Примерно в 1984 г. я читала тёте с дядей своё новое стихотворение
«В июньском полусне». Когда произнесла: «Помню, было однажды,
встрепенулась листва...», они отметили в один голос: «Пошла
поэзия!» Видимо, начали сказываться результаты моих занятий в Доме
Писателей у замечательной поэтессы Нонны Слепаковой. Она вела
семинар детской поэзии, но обратила внимание и на мои «взрослые»
стихи, сделав ценные замечания.

Мои *стихи для детей* дядя Митя всегда хвалил: «Для детей стихи
писать трудно, это особый вид поэзии. Вот Блок – великолепный поэт,
но стихи для детей ему не удавались. А тебе удаются».

Но особенно дорожу я отношением Дмитрия Евгеньевича к *моей*
повести в письмах «Научи разлюбить тебя», которую он даже
уподобил шедевр мировой литературы – повести о неразделённой
любви «*Португальские письма*». Книжка была напечатана в Париже в
1669 г. и до сих пор популярна.

Прочтя рукописный вариант моей повести, Д. Е. сказал, что хочет дать
мне в долг деньги на пишущую машинку. Я удивилась:

– Вы хотите, чтобы я плодила свои слабые опусы?

– Почему же слабые? *Повесть – настоящая литература.*

– Но я не знаю, когда сумею отдать такую сумму.

– Отдашь там... – Дмитрий Евгеньевич грустно улыбнулся и показал
рукой на небо.

*

Искала я машинку долго, пока удалось приобрести портативную
красавицу «Олимпию». Она была с латинским шрифтом, так что
пришлось доплатить за установку кириллицы. Пожалуй, никто
теперь не сможет оценить, каким великолепным подарком была я
одарена. Даже мои ровесники вряд ли помнят, что простым советским
людям долго не положено было иметь в личном пользовании ничего
печатающего. А служебные машинки сдавались в спецотдел и
хранились там под замком каждый раз, когда выходные и праздничные
дни составляли вместе более двух. Видимо, в КГБ полагали, что за
три дня можно как-то проникнуть на место работы и напечатать пару
десятков антисоветских листовок. Когда появились копировальные
аппараты, они постоянно находились в зарешёченных помещениях под

Публицистика. Мемуары. Эссе

надзором спецотделов. Но и после снятия этих ограничений купить машинку было практически невозможно. Их не было в продаже. Наконец, изредка, стали появляться, но были мне не по карману. И вот – поддержка, да ещё от самого Д. Е. Максимова! Значит, в его глазах я не была графоманкой.

*

Однажды мы разговорились с Дмитрием Евгеньевичем о его работе, и я высказала предположение, что *он и сам, конечно же, пишет стихи*. Сначала он отвечал уклончиво, но я не отставала, просила почитать. И добилась-таки, настырная. Он прочёл одно стихотворение и внимательно посмотрел на меня. Видимо, его удовлетворило выражение моего лица – я была удивлена и обрадована и необычностью стихотворения, и замечательной манерой чтения. Последовало ещё несколько стихотворений. Я, сидя в кресле, подалась вперёд и вглядывалась в лицо чтеца, которое на моих глазах стало молодеть. Последним Д. Е. прочёл стихотворение «Поэт на Лиговке»: «Ходит в городе беда, / Ходят люди вбок, / В ожидании суда / Бредит городок. / А поэту от суда / Избавленья нет – / И ведёт его беда / Лиговкой сует». Я стала аплодировать, а Д.Е. довольно улыбался...

Почему речь идёт именно о Лиговке? В тридцатые годы дядя с тётей жили в коммунальной квартире многоэтажного дома на углу Лиговки (Лиговского проспекта) и улицы Жуковского. А о том, какая беда ходила в те времена по улицам Ленинграда (и не только), и какого суда ждали все – и поэты, и не поэты, приготовив смену белья и сухари, и с тревогой вслушиваясь в ночные шаги на лестницах, помнят многие. Это стихотворение опубликовано вместе с девятью другими *под именем Ивана Игнатова* в интереснейшем литературно-художественном альманахе «Незамеченная земля» (Ассоциация «Новая литература», Москва-Петербург, 1991).

В хранимой мною пожелтевшей вырезке из газеты «Невское время» от 31.03.1992 в разделе «Представляем книгу» помещена краткая, но информационно и эмоционально насыщенная статья Натальи Ковалёвой «Эту землю нельзя не заметить». Действительно, нельзя, ведь в альманахе включены произведения, созданные «начиная с 1920-х гг., в основном вне рамок официальной литературной жизни (...) Представлены авторы разных поколений», в том числе и «дебютировавшие в последнее десятилетие». Помещены стихи Е. Шварц, С. Стратановского, Л. Аронзона, Н. Горбаневской, С. Вольфа, О. Григорьева, и «целой плеяды своеобразных авторов – А. Петровой, Дм. Закса, О. Мартыновой, О. Юрьева...». Почти все они были авторами «самиздата» и «тамиздата». Прочтя заметку, я кинулась

искать эту «Землю», изданную тиражом 9735 экз. по цене 6 руб. 70 коп. Мне повезло найти её у букинистов всего за 8руб. 50 коп.

Подборку стихов И. Игнатова (второй псевдоним – *Игнатий Карамов*) предваряет обширная статья составителей Альманаха, в которой дана высокая оценка поэтического творчества Игнатова (Максимова).

*

[252]

Д и П / 2019

Позволю себе нарушить хронологический порядок, дабы внести существенное дополнение, связанное с мнением Анны Ахматовой о стихах Дмитрия Евгеньевича. В моём архиве есть копия машинописного материала о Неофициальной поэзии: «*Иван Игнатов (Д. Е. Максимов) ПИСЬМО АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ НА ТОТ СВЕТ*». Приведу несколько фрагментов из него: «Дорогая Анна Андреевна, страшно думать, что Вас нет на свете.(...) Помните: в Вашей небольшой, какой-то безбытной комнате на Петроградской стороне я читал Вам в первый и последний раз свои стихи.(...) Помните ли, как горячо Вы похвалили их, вложив свою оценку в привычную для Вас форму афоризма? «Властно и самобытно», – сказали Вы тогда (...) И после небольшой паузы, где-то посередине, между этим приговором и заключительным энергичным поздравлением, прозвучала прямая и откровенная фраза, уточнявшая эту оценку и, видимо, не изменявшая её сути: «А знаете – неприятные стихи!» (...) Этот отзыв не застал меня врасплох. В каком-то смысле я принимаю его и, конечно, совсем не смущён им и не обижен».

Далее Д. Е. говорит о той жизни «своей и общей, какой я вижу её – в её болезни, угловатости, в её угрозах, корчах, в её неразрешённости», которая породила его стихи и заключает: «Это моя дорога и моя правда, не перечёркнутая Вашей мерой, которую я люблю больше, чем свою (...) Я не выдумывал этой пропорции мрака и света. Она возникла из моего состава (...), столкнувшегося с жизнью. (...) Простите мои стихи и это обращение к Вам, моей грусти, – к Вашей силе, славе и власти. Простите меня, любящего Вас и дерзнувшего потревожить в Вашем великом покое».

Каждый раз, читая это письмо, не могу я сдержать слёз. Конечно же, эта женщина в своей «силе, славе и власти» глубоко и несправедливо ранила Дмитрия Евгеньевича. Могла бы утаить своё *сугубо личное впечатление*, хотя бы ради долгих лет дружбы, не преданной им в самые чёрные времена. Мало того, в письме сказано: «... этот отзыв в моё отсутствие Вы повторили и другим людям (мне рассказывали)»... Я пыталась, но не сумела понять: «А это ещё зачем?! Для самоутверждения?». Нет спору, у Ахматовой есть великолепные стихи, она большой поэт, но перед её поэзией в целом у меня не было особо

Публицистика. Мемуары. Эссе

трепетного преклонения. Однако *ореол выдающейся личности сиял*. После прочтения *письма Максимова* ореол этот померк. А гордые слова Дмитрия Евгеньевича: «Это моя дорога и моя правда» вызывают восхищение им, утверждавшим (в том же письме), что борьба искусства «с мраком и мороком жизни» может проявляться и в наступлении «... на них с поэтическим железом в руках». По моему мнению, слова «с поэтическом железом в руках» гениальны!

Одно из стихотворений Игнатова (Максимова) называется «Обида». Полагаю, что среди всех ран, нанесённых ему жизнью, немалое место занимает злосчастная фраза Ахматовой. Это подтверждается двустихием: «А ты, обиженная тоже, / Травиночка моя, не тужи» – это обращение к жене, страдающей вместе с мужем.

[253]

*

Когда-то рассказала я дяде Мите о своей философско-геометрической схеме циклической эволюции сложных систем, названной мною «генер». Он живо заинтересовался этой спиралевидной кривой, так как, исследуя творчество Блока, обнаружил в нём присутствие спирального развития, да и сам Блок, если я правильно запомнила, использовал этот образ в связи с поэмой «Возмездие». (Работа Д. Е. Максимова о поэте названа «Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока», а в 1976 г. появилась его публикация «О спиралеобразных формах развития литературы: к вопросу о эволюции А. А. Блока»).

*

Мне жаль, что мало довелось беседовать с дядей Митей о литературе. Но и во время бытовых разговоров я получала особое удовольствие от красоты его речи. Это была настоящая русская речь – богатая, образная, чистая, высокая, истинно *благо-родная* (*благо*, полученное от рождения, *родная* речь). На диво точно и кратко он мог выразить суждение, которое мне не удавалось сформулировать. К примеру, как-то раз Д. Е. спросил меня об одном нашем родственнике, и я попыталась рассказать о том, как изменился этот человек, став после защиты диссертации доцентом в университете:

– Он стал другим... Его взгляды... Мы с ним теперь часто «по разные стороны баррикад», он...

– Поправёл? – одним метким словом определил дядя Митя.

На моей памяти настоящая русская речь всегда была редкостью, а нынче она превратилась в драгоценность, владеть которой мало кому дано. *Осенью 2006 г.* в берлинских русскоговорящих литературных кругах наслушалась и начиталась я сверх меры всяких низких и грязных речей и текстов и ответила на них стихотворением «Опущенная речь»: «Нынешней речи крива колея – мат да тюремный жаргон...» Именно

тогда, думая о том, какой высочайшей пробы была речь Дмитрия Евгеньевича, принялась я за эти воспоминания о нём.

*

[254]

Ди П / 2019

Читая теперь, *в свои шестьдесят восемь лет*, работы Дмитрия Евгеньевича, замечаю, что по мере возрастного сближения растёт моё понимание близости наших воззрений. Вот небольшая книга «Брюсов. Поэзия и позиция». Советский писатель, Л. 1969. Подарена автором моим родителям: *«Дорогим Соне и Лёве с неизменным и давним дружеским чувством...»*. В тот год родился мой сын и мне было не до серьёзного чтения. Сейчас впервые вчитываюсь в эту книгу. Она может служить образцом глубокого многостороннего исследования творчества поэта, неразрывно переплетённого с его личностью и судьбой: «Самый характер личности Брюсова как поэта, страстной и вместе с тем рассудочной (...), может служить препятствием к живому общению с его поэзией (...) Границы между “поэтическим видением” и “поэтическим содержанием” в самом художественном творчестве, конечно, не существует. Видение поэта, его точка зрения (...) входят в содержание его творчества (...) Поэтическое содержание, в свою очередь, выявляется в точке зрения». Эти строки напомнили мне о том, как долго искала я *название для собрания* в нескольких тематических книжках написанного мной. Десяток вариантов перебрала, пока нашла такое: *«Мой взгляд»* далее идёт название темы книги, например, *«в поэзию жизни»*. Оказалось почти по Максиму – «видение» и «содержание». Жаль, что невозможно уже поделиться с ним этим *совпадением наших взглядов*, о котором говорится в моём экспромте:

КОГДА СОВПАЛИ «ВЗГЛЯДЫ»

Памяти Д. Е. Максимова

Пыталась я поймать не раз
его косящих странно глаз
куда-то уходящий взгляд...
Лет длинный выстроился ряд,
совпали возрасты и сроки,
и я, его читая строки,
со «взглядом» встретила его –
теперь – в конце пути всего.

15 октября 2006 г.

Публицистика. Мемуары. Эссе

*

Дядя Митя и Тётя Лина прошли неразлучно сквозь долгую, длиною в 60 лет, совместную жизнь, в которой немало было *мрака и морока*, но всегда супруги оставались рядом, поддерживая друг друга. Их душевная близость была неизменной. Интеллектуальная атмосфера наполняла их жилище. Н. Л. Дунаева, одна из учениц Д. Е. вспоминает, что именно единством супругов создавалась эта атмосфера – изысканная, но и демократичная – с одинаковым уважением ко всем, включая застенчивых студенток первых курсов. Приведу (в сокращении) отрывок из этих воспоминаний. «Максимовские суаре, как правило, носили камерный характер: хозяева и двое-трое приглашённых... Но бывали исключения, когда созывалось очень много народа. На одном из таких собраний читал Бродский. Это было едва ли не первым его публичным выступлением: на дворе стоял 1960 год. Поэт сидел посредине комнаты Лины Яковлевны, а в глубине её, по всему коридорчику, захватывая прилегающее к нему пространство кухни и кабинета, в проёме открытой входной двери и частично на лестничной площадке – сидели и стояли приглашённые. Бродский читал «Шествие». По окончании Дмитрий Евгеньевич кратко высказался о прослушанном в своей подчёркнуто-уважительной манере. Помню его слова о «состоявшемся поэте», но восторженной оценки, которую я ждала услышать, ошеломлённая и текстом, и манерой чтения, не последовало (...) Судьбу же поэта Д. Е. принимал близко к сердцу: от него я получила распечатку стенограммы судилища (...) За несколько месяцев до смерти он как-то сказал мне, что из всех современных поэтов, пишущих по-русски, на первое место ставит Сергея Георгиевича Стратановского».

Привела я этот отрывок потому, что «мой взгляд» на поэзию Бродского совпал со «взглядом» Максимова. Совпали наши взгляды и на поэзию Сергея Стратановского, с которым мы однажды в те времена случайно встретились, и он читал мне одно за другим свои высокоталантливые стихи.

*

Тётя Лина ласково называла мужа Митюша, заботилась и тревожилась о его здоровье, которое в последние годы всё ухудшалось, а работал он на износ. Пальцы его рук, искорёженные полиартритом, были так скрючены и прижаты к ладоням, что ему приходилось ударять по клавишам пишущей машинки суставами. Это причиняло боль, но он печатал часами. Застёгивать пуговицы он не мог. Ему помогала тётя Лина. Она подсчитала, что в сумме на сорочках Д. Е. около тысячи пуговиц. После стирок и глажения сорочек в прачечных многие пуговицы болтались на одной нитке, их надо было заново пришивать.

Я ей сочувствовала, хорошо зная эту проблему, ухаживая за своим отцом. До сих пор не понимаю, почему даже в новом тысячелетии сохраняется эта нелепая модель мужских сорочек...

Однажды тётя Лина спросила, нет ли у меня знакомой портнихи, которая бы за приемлемую плату привела в порядок заношенную до дыр домашнюю куртку дяди Мити. Он не желал расстаться с тёплой и уютной вещью, но уже неприлично стало принимать в таком виде многочисленных посетителей. Я сказала, что незачем тратиться – сама всё сделаю. Тётя удивилась: «Разве ты умеешь шить?» Когда через неделю я принесла отреставрированную куртку, оба – и дядя, и тётя пришли в восторг, а я думала о том, что даже немного участия доставляет радость старым, беспомощным людям.

К сожалению, у меня не было возможности уделять им много времени. А они всё тяжелее болели и на глазах слабели. Обнаружилась онкология у тёти Лины. К этому добавился несчастный случай – она обварилась кипятком. Обширный ожог не поддавался лечению...

Предчувствуя неизбежное, Лина Яковлевна передала мне, чудом сохранённый ею, архив семейства Ляховицких, включающий старые документы и фотографии – бесценные свидетельства жизни поколений еврейского рода в экстремальных исторических условиях России на протяжении двадцатого века...

*

Детей у них не было. Сожаление об этом я услышала впервые от дяди Мити лишь после смерти тёти Лины. Урну с прахом Лины Яковлевны мы втроем с дядей Митей и папой привезли на Южное кладбище, чтобы похоронить в могилу её сестры Софии (моей мамы). Идти по кладбищу до могилы было далеко. Наконец, добрались. Я закопала урну. Плакала. Мы долго стояли, склонив седые головы... Пора было уходить, но силы покинули старых больных мужчин, они и дома-то уже почти не могли передвигать ноги. Казалось, оба хотели бы лучше навсегда остаться у могилы своих жён... Увидав неподалёку небольшой автобус, увозивший группу людей от захоронения, я бросилась туда и попросила шофёра за плату взять и нас. Он согласился, но пришлось сначала ехать с группой в далёкую новостройку, и лишь затем – к писательскому дому на улице Ленина, что на Петроградской стороне (в том же доме жила Анна Ахматова и они с Дмитрием Евгеньевичем часто общались). Обессиленный дядя Митя слабым голосом сказал мне: «Не знаю, как бы я обошёлся без тебя... Бездетные, может, и живут, как люди, но умирают, как собаки – о них некому позаботиться».

Храню я почтовую открытку от дяди Мити из Дома творчества писателей в Комарово. Написана от руки 12 июня 1986 г. и обращена

к папе и ко мне: *«Дорогие Лёва и Геня! Сегодня – два месяца со дня кончины Лины. Я не оправился от этого удара и вероятно не оправлюсь никогда. Здесь – хорошо, но солнце для меня не светит. Недели через три выйдет моя книга, но и это – не радость... Будьте здоровы! Слава Богу, что Вы не одиноки. Обнимаю Вас. Д. М.»* Тётя Лина умерла 12 апреля 1986 г. В потрясающем пророческом стихотворении Д. Е. «Память» есть строки о ней: *«...Последней памяти я сберегу глоток – / Молчанье глаз твоих, беспмятных навеки, / И сбившийся назад поношенный платок».*

[257]

Дядя Митя скончался 13 марта 1987 г. в больнице после операции, проведению которой он противился.

Похоронили Дмитрия Евгеньевича Максимова в Комарово на том же кладбище, где покоится Анна Андреевна Ахматова. *Вновь царскосёлы – поблизости друг от друга...*

Спустя некоторое время ко мне обратились с просьбой о передаче урны с прахом тёти Лины для перезахоронения в могиле Дмитрия Евгеньевича. Поехала я на Южное кладбище и своими руками откопала урну. Её увезли в Комарово. *Теперь они снова вместе – тётя Лина и дядя Митя...*

*

Прошло много лет с тех пор, когда был написан первый вариант этих воспоминаний, как вдруг мне была передана в подарок из Петербурга великолепная книга **«Дмитрий Евгеньевич МАКСИМОВ в памяти друзей, коллег, учеников»** (отв. ред. Л.А. Иезуитова, И.С. Приходько). Благородный синий переплёт украшен крупным, без каких-либо рамок, мастерски выполненным фотопортретом Максимова. Он, словно живой, смотрит с чуть ироничной улыбкой из своего настоящего на будущих читателей. На титульном листе значится: **РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» БЛОКОВСКАЯ КОМИССИЯ**, К 100-летию со дня рождения, **МОСКВА НАУКА 2007.**

Эта книга – результат огромной, истинно научной работы многих профессионалов – памятник не только «выдающемуся российскому учёному, филологу, критику, историку литературы, создателю науки о русском символизме...», но, на мой взгляд, и той животворной силе, которая даёт возможность сохранять и преумножать подлинную культуру даже в самые тяжкие и мрачные времена. Книга предназначена для широкого круга читателей.

*Берлин, декабрь 2006 г., дополнено и исправлено в
сентябре-декабре 2018 г.*

Анжелла Подольская

MONVJOU PLATZ или ХРОНИКИ НЕ О ЛЮБВИ

От первого лица

«Если жалеть о чём-то, то лишь о том, что так тяжело доходишь до вечных истин».

Вера Полозкова

В 1924 г. писатель В. Б. Шкловский написал и опубликовал в Берлине книгу «ZOO или Письма не о любви», посвятив её Эльзе Триоле. Следуя его приёму, попытаюсь рассказать о Литературной Студии в Берлине с момента моего прихода в неё. Воспоминания не о Берлине, а о событиях, к которым я была причастна, о людях, которые оставили светлый след в моей душе. К сожалению, необходимо упомянуть и о тех, которых, как сорняки в огороде, вышвырнула из памяти. Словно, побывав на приёме у психоаналитика: высказаться и окончательно забыть...

Ещё живы три члена Литературной Студии, пришедшие в неё до меня и двое, пришедшие одновременно со мной. Ни одному не пришлось в голову написать, своего рода, «Летописи» Студии. По поводу «Летописи» – ирония, надеюсь, понятна.

Возможно, это не будет последовательное повествование, а некая чехарда воспоминаний.

Всё-таки прошло почти четверть века с момента моего прихода в Литературную Студию, но ностальгическое желание вновь пройти сквозь эти годы взяло верх над сомнениями. «Зачем это надо?», – вполне правомерный вопрос. Думаю, чтобы «нынешние» знали и не повторяли наших ошибок, или, наоборот, – захотели бы их повторить.

«Утренние тротуары берлинских улиц...»

Базары, осыпанные белыми лепестками цветущих яблонь...

Орхидеи – в цветочных магазинах на Unter den Linden...

Сиди, смотри на закат...

Мне семьдесят лет. Душа моя лежит передо мною...

*Она уже износилась на сгибах...
Сгибали душу смерти друзей...
Ошибки. Обиды...
И старость, которая всё же пришла...
Память разошлась кругами. Круги дошли до каменного
берега. Прошлого нет...»*

В. Б. Шкловский

О, Берлин! Где немцы уже не «цветут здоровьем». Где, по-прежнему, «красотки торгуют собой» на Oranienburger Strasse. И всё также на государственном гербе «орлы сидят, подобные вечности...»

[259]

Если вести отсчёт от первой эмигрантской волны, то после падения Берлинской стены, мы – четвёртая волна людей, которые оставили Родину в конце 80-х и 90-х. Все волны – история, длиною в целый век.

Русские – понятие всеобъемлющее. Собственно, – русские и «русские» евреи. И «русские» немцы, репатриировавшиеся спустя сотни лет на свою историческую Родину, однако позиционирующие себя, исключительно, как «немцев». Напрасно. Для коренного населения, все мы – *русские*, вновь оккупировавшие любимый *Deutschland*: «Русские опять “взяли” Берлин». На этот раз – без танков и орудий. Без единого выстрела. «Взяли» всерьёз и надолго.

И немцы уже не в первый раз изумлены, ошарашены «интервенцией» с Востока. На улицах – русская речь. Русские газеты, журналы, издательства, рестораны и кафе, русские магазины, где, как ни парадоксально, любит отовариваться коренное население.

1994 г. «Ошибаясь и плутая в эмиграции», я очутилась в Берлине. Перед этим – годичная эмиграция в Израиль, который оставил во мне не лучшие воспоминания. Повторяться не стану – об этом написала в моей документально-художественной прозе «По лезвию памяти»¹. Уехав с Родины, я так и не приехала в страну «Эмиграция», которая не стала моей: «Меня не греет это солнышко. Цветочки не пахнут».

Ходасевич назвал Берлин «Мачехой российских городов». Хотя в первые, послереволюционные годы Берлин стал своеобразной литературной столицей русской эмиграции, Ходасевич оставался в этом городе чужаком. В своих стихах о Берлине он, который всегда был достаточно жёлчным лириком, даёт волю своему сарказму:

*Все каменное. В каменный пролёт
Уходит ночь. В подъездах, у ворот –*

*Как изваянья – слипшиеся пары.
И тяжкий вздох. И тяжкий дух сигары.*

*Бренчит о камень ключ, гремит засов.
Ходи по камню до пяти часов,*

*Жди: резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина –*

*И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.*

[260]

Мои эмиграции, последовавшие одна за другой, привели к депрессии. Хотелось, укутавшись в туман, затеряться в нём... От окружающей тоски – прыгнуть со скалы в открытое море... Только не было моря рядом... Это состояние что-то изменило в моём сознании – я начала писать стихи. Как человек в меру образованный, любила литературу, особенно, – поэзию. Многих любимых поэтов читала наизусть. Но никогда в «прошлой» жизни не писала сама. Через год после моего приезда в Берлин, будто кто-то нашептал мне поэтические строки:

*«Я – не от плоти...
Я – не от плоти во плоти...
И – не от мира...
И – не от мира на крови...
И – не от слова, Твоего...
И – не от дыма без огня...
Так может, вовсе нет меня?»*

Ещё за час до этого в голову не приходило, что могу писать.

К моменту моего приезда муж, дочь и внук уже год жили в Берлине. Однажды, гуляя с внуком, муж услышал окрик: «Лёньчик, это ты?» Голос принадлежал жене Марлена Глинкина, бывшего соседа по Киеву.

Леонид Бердичевский стихи писал с молодых лет. Как-то, послал их в журнал «Юность», откуда получил лаконичный отказ зав. отделом «Поэзии»: «Лирика – это баловство, в нынешнее время она не актуальна. В стихах следует отражать социалистическое соревнование трудящихся в борьбе за построение коммунизма, писать о комсомольских стройках, например, о БАМе», – и т. д.

В середине 1995 г. Глинкин привёл Бердичевского в Литературную Студию, которая тогда находилась на Monbijou Platz, при JKV².

Ретроспектива: Студия была организована в 1993 г. при Клубе «Диалог» в Русском Доме Л. Макеевой, руководившей культурными проектами. Ещё до нашего прихода, Александр Лайко – руководитель

Студии, не согласился с каким-то решением Татьяны Форнер, возглавлявшей «Диалог». Студия была вынуждена покинуть Русский Дом и, долго скитаясь, обрела пристанище под крылом ЖКУ, председателем которого была Irene Runge. Деятельность её была многогранна. Немка, сделавшая многое для русской эмиграции «четвёртой волны». Точно не знаю, она ли создала в Берлине музей имени Анны Франк, но, будучи много лет его директором, способствовала развитию экспозиции. Культурными проектами в ЖКУ занимались Алла Киселёва – журналист из Москвы и Игорь Шалмиев – журналист из Баку.

[261]

Главный редактор журнала «Знамя», Сергей Чупринин, писал:

«На протяжении последнего столетия именно Германию с наибольшим правом можно считать «второй Родиной» для сотен, а возможно и тысяч русских писателей. У тех, кто сегодня живёт в Германии, есть мощная традиция, которую можно развивать. Есть аудитория, отзывчивая среда, к которой можно обращаться, ибо, по экспертным оценкам, в Германии осело к нашим дням около двух с половиной миллионов наших бывших соотечественников. И есть, слава Богу, энергия, которая позволяет пишущим по-русски создавать свои ассоциации, затевать литературные журналы и альманахи, устраивать конкурсы и фестивали».

Словно в подтверждение этих слов, члены Литературной Студии собирались в ЖКУ каждую среду. Жизнь сохранила эти «среды» и сегодня. Встречаясь, авторы читали друг другу свои новые тексты, выслушивая иногда вполне справедливую критику, реже – похвалу. Уже позднее, Маргарита Их, рассказала мне, что когда в Студию пришёл Бердичевский и прочёл свои первые стихи, она сказала: «Дорогие коллеги, я вас поздравляю. У нас появился настоящий поэт». А Александр Лайко, вместо похвалы или критики заметил: «Надо делать книгу».

Как-то, придя с очередной литературной встречи, Л. Бердичевский сказал, что ЖКУ хочет издать сборник произведений членов Студии. Средства для издания обещает найти Irene Runge. Но некому набирать исходные тексты авторов. Он передал мне просьбу – помочь в их наборе. Я согласилась. Своего компьютера у меня ещё не было, я стала приходить в ЖКУ несколько раз в неделю. Текстов было много: не только членов Студии, но и потсдамских авторов.

Monbijou Platz. Старинный дом. Крутая лестница на второй этаж. Длинный, узкий коридор, ведущий в большую овальную комнату,

по одной из стен которой – громадные, в пол, окна. Из комнаты – небольшой переход в бюро, где трудились сотрудники.

Я намеренно не приходила по средам, опасаясь столкнуться с кем-либо из новых коллег мужа. Но однажды, не помню почему, нарушила это правило. Набирая текст, услышала, как в бюро зашёл мужчина (Леонид Кац) и спросил обо мне: «Нам сказали, что здесь находится жена моего друга. У нас сейчас – пауза. Пойдёмте, все хотят с вами познакомиться». Я последовала за ним. Возникло чувство, что я нахожусь под рентгеном: встретили меня несколько пар изучающих женских и мужских глаз. От неловкости не знала, как себя вести. В это время в комнату вошли ещё несколько человек. Один из них, довольно крупный и интересный мужчина, сразу обратился ко мне, как к старой знакомой: «Что вы будете сегодня читать?» – «Ничего. Я стесняюсь». – «Все стесняются. Значит, договорились – в следующий раз», – резюмировал он. Это был Александр Лайко.

Цитата сайта «Русское Литературное эхо»:

«Русская неизбывная тоска и скука одолевают. Легко можно понять тех, кто, обалдев от безделья, сел за письменный стол. Надо признать, что человеку, закончившему школу в Советском Союзе, писавшему сочинения и изложения, публиковавшемуся в стенгазетах, а тут ещё, вдруг, опубликовавшемуся в печати, поскольку сейчас, напечатать можно всё, были бы деньги, не мудрено даже и посчитать себя русским писателем. Вот все, умеющие писать по-русски, так и посчитали и считают до сих пор. Раз напечатано, к этому нас приучали, – значит, литература. Но какая?! И книги графоманов заполнили магазины, а читающий народ ужаснулся. Можно ли остановить эту лавину макулатуры? Думаем, что невозможно. Но можно попытаться ей противопоставить более качественную. Хочется верить, что читатель разберётся, кто есть кто. Известно, что талантливая литература предполагает талантливого читателя. По нашему общему убеждению, он есть и всегда будет».

Ноябрь, 1995 г. Сама, наверное, я не решилась бы... В следующую среду вместе со мной в Студию пришёл ещё один новый автор – Михаил Вайман. Он первым читал свою поэму, которую приняли положительно. Потом предоставили слово мне. У меня кружилась голова, руки были влажными, голос дрожал – я волновалась, как на госэкзаменах в Университете. Прочла шесть-семь стихотворений. Кто-то сказал, что стихи – необычные, неправильной формы, но неплохие.

Кац раскритиковал: «Не соблюдены каноны стихосложения, не выдержаны «кончики»» (его любимое выражение, всегда «боролся» с «кончиками»). Последним высказался Лайко: «Стихи – хорошие. А вот это – просто хорошее». И Вайманом, и мною «экзамен» был сдан. Мы стали членами Студии.

Кто же «населял» Литературную Студию в то время? Вот её действующие лица.

Маргарита Их. Помните, в Малом Театре были «Великие Старухи» – Турчанинова, Гоголева...? Так вот. Маргарита Ильинична Их была «великой старухой» Литературной Студии. А ведь ей в ту пору было всего лишь семьдесят. Грузная, очень умная, компанейская. Маргоша, как все её называли, писала хорошие рассказы. Я назвала её *старухой*, лишь для того, чтобы обозначить значение Маргариты Их для Студии. На самом деле это слово абсолютно с ней не вязалось. Несмотря на свою полноту, она была легка на подъём, смешлива, заражая всех своим оптимизмом. Как-то сразу мы стали с нею очень близки. Она требовала, чтобы и я называла её «Маргошей», но у меня язык не поворачивался. Выдумщица, фантазёрка, она говорила: «Я – жуткая лгунья. Ни одному моему слову верить нельзя». Конечно же, она утрировала ситуации и использовала их в своих рассказах. Например, придумала, вызывая всеобщий хохот, случай в израильском зоопарке, о том как, глядя на неё, «возбудился» местный бегемот. Она первой в Студии издала небольшой сборник рассказов (не считая Лайко и Усача, которые уже имели изданные сборники). Свою книжку она назвала «Verschtehen Sie?»³, в которой очень смешно обыгрывала свою фамилию «Ich». Человека она оценивала с первого взгляда. Её ярлыки были точны, порой – безжалостны, например: «Пирожок без ничего», – охарактеризовала кого-то. Маргоша... Всеобщая любимица ещё не разросшейся Студии.

Леонид Усач. Заслуженный артист России, автор и исполнитель юмористических рассказов. Писатель Виктор Ардов называл его (из-за фамилии) «великим однофамильцем» Сталина. Усач ездил к Михаилу Зощенко для передачи тайного «привета» от друзей (баночки мёда и мешочка лука, в котором находились и деньги). В доме у Ардова он встречался со знаменитыми писателями и актёрами. Не стану их перечислять. Мы все их хорошо знаем. Усач часто рассказывал об этом удивительном доме на «легендарной Ордынке». Мы заслушивались – рассказчиком он был прекрасным.

Артистическая карьера Усача началась на войне, где он получил

кличку «артист», а в качестве первого гонорара – пять суток ареста. В декабре 1944 г., под Варшавой, в окопах, он рассказал какую-то смешную историю. Бойцы «загоготали» во всё горло. Немцы услышали и открыли огонь по траншеям. Слава Богу, никто не пострадал. Прибежавший командир роты сердито спросил: «По какому случаю “ржа”?!».

Ему ответили: «Товарищ капитан, тут Усач такое рассказал. Удержу не было не рассмеяться». Командир, посмотрев на Усача с ухмылкой, сказал: «Артист. Пять суток ареста». После войны, в оправдание своей клички, Усач закончил Театральное Училище им. Щукина. Но юмор победил, и Усач стал артистом Московской эстрады, хотя и в кино снимался в небольших эпизодических ролях. Уже живя в Берлине, он издал два небольших сборника: «Закулисные приколы» и «Смех, слезы и др.».

Он несколько затянул с эмиграцией – семья должна была выехать на пару лет раньше. Жена Усача шутила: «Артист ждал присвоения ему звания “Заслуженный”».

Пётр Заманский. Закончил Литературный институт им. Горького в Москве. Поэт. Член Союза писателей и драматургов Украины. С очень жёстким характером. Честный в своём литературном творчестве и в общении с людьми, открыто выражавший свое мнение, которое часто шло вразрез с негласными официальными установками по многим «щекотливым» вопросам, будь то в приватной беседе или в публичном выступлении. Прочитую одно его стихотворение:

*«Я знаю, что в жизни можно прикинуться глуховатым;
тихо и осторожно быть всюду не первым, а пятым.
А может быть даже двадцатым. А может быть даже сотым.
И не ругаться матом, и не следовать модам.
И не шагать проспектом, а петлять переулком.
Я знаю таких – с дефектом, подобных пустым шкатулкам».*

Александр Лайко. Закончил московский библиотечный институт. Поэт. Член Союза писателей Москвы, член немецкого ПЕН-клуба писателей.

В СССР Лайко печатал детские стихи, переводы. Ни одной «взрослой» строки напечатано не было. С середины семидесятых начал публиковаться в русскоязычных эмигрантских альманахах и журналах («22», «Время и мы» и др.) Через несколько лет после эмиграции издал свой первый сборник стихов «Анапские строфы».

В начале 1995 г. Лайко вместе со своим другом и соредактором,

Андреасом Мазурковым (который до эмиграции работал в «Московском комсомольце»), выпустили журнал, с названием «Студия». В нём были напечатаны все члены тогдашней Литературной Студии, а также авторы, которых редакторы знали ещё в Москве.

Анна Осмоловская. Поэт и прозаик. Красавица с неповторимой улыбкой, доброжелательная и общительная, с большим шармом и чувством «вкуса». «Вкуса» – к жизни, к мужчинам. В одежде – всегда что-то воздушное, летящее. Её деликатные, ненавязчивые советы часто помогали коллегам найти правильный подход при подготовке своих текстов к печати.

[265]

Фрагмент из её поэмы «Ева»:

*«Старенье, смерть и обновенье.
Вот только грусть чуть-чуть берёт,
Ведь скоро уж и мой черёд.
Но время – вечное движенье,
Как замкнутость, как кривизна.
И повторится искушенье,
Улыбка, кожи белизна,
И повторится ожиданье
Любви и верного свиданья».*

Иосиф Вольфсон. Историк. Директор средней школы. Участник войны. Прозаик.

Писал рассказы, преимущественно, о войне. В Берлине был больше известен, как муж Эры Васильевны Кузнецовой – доктора искусствоведения, автора нескольких монографий, заведовавшей до эмиграции отделом в Русском музее в Ленинграде. В последние годы она редко появляется на публике – возраст. Но те, кто в Берлине давно, знают её блистательные лекции по искусству, её «язык» стопроцентно эрудированного человека. Вольфсон рассказывал байку из их молодости. В то время, когда они только начали встречаться, вокруг Эры Васильевны «вились» поклонники. Однажды, чтобы рассеять их ряды, он подошёл и спросил: «Эрик! Я сегодня, как всегда, ночую у тебя?» Шутка была оправдана: ряды поклонников рассеялись.

Леонид Кац. Писал стихи. Его жена как-то сказала: «Если бы я знала в молодости, кем он станет, я бы подумала... Выходила замуж за кандидата наук, а он оказался простым поэтом...»

Григорий Мичник. Уже в то время очень пожилой человек. Писал прозу. Его интересовали только темы «войны» и Холокоста. Он

написал книгу о гетто в городе Станислав, тексты к которой я помогла ему набрать на компьютере.

Марлен Глинкин. Его проза публиковалась в различных изданиях Украины и Германии. Член союза писателей Москвы.

Анна Черткова. Подруга Маргариты Ильиничны Их. Писала небольшие рассказы.

Антонина Кудрявицкая. Не писала ни стихов, ни прозы. Но была грамотным редактором.

О вновь пришедших:

Леонид Бердичевский. Закончил Академию художеств в Ленинграде. Трудился художником в Русском Академическом Драматическом театре им. Леси Украинки в Киеве. Участник многих художественных выставок. Был членом Союза художников и Союза театральных деятелей УССР.

Михаил Вайман. Врач-стоматолог. Член союза писателей Москвы.

Анжелла Подольская. Выпускница Киевского Государственного Университета им. Т. Шевченко. Математик-программист.

Мы «влились» в коллектив и, что называется, «дружили домами». Атмосфера в Студии была, почти, семейной. Надо сказать, что все наши дамы были, кто тайно, а кто и нет, влюблены в Лайко. Он «купался» в этой любви, делая вид, что не замечает её. А тут подоспел его день рождения. Студийцы решили устроить ему «Бенефис». Все готовились: писались речи, выступления, стихи. Я не умела и не умею писать стихи «на заказ». Но не хотелось выглядеть «белой вороной». Решила использовать для поздравления сказку А. С. Пушкина, отрывок из которой немного переделала:

Сказ о славном юбиляре, о Лайко, о государе

*Три студицы под окном
размечтались вечером.
Расспросите их: «О ком?» –
Ну, конечно же, о нём.
Всё – о славном юбиляре.
О Поэте-государе...*

*«Кабы я была царица, –
говорит одна студица, –*

*я б для батюшки-Лайко
наварила бы пиво.
Даже лучше – первачу,
угодить ему хочу.
И тогда бы я Лайко,
знать, понравилась легко».*

*«Кабы я была царица, –
молвила друга студица, –
я б тогда бородачу
испекла бы калачу.
И сказала б рифмачу:
“Ешь от пуза – не хочу”.
Ох, умаслила б. Ох, расслабила б.
На весь свет его я прославила б».*

*«Кабы я была царица, –
третья говорит студица, –
я б поэта не пошла,
я б поэта закармила.
Да не пивом с калачами,
а лукошком со стихами.
Песню дивную сочинила бы...
И любовью одарила бы».*

*Только вымолвить успела,
дверь, как в сказке, заскрипела.
На пороге «сам» стоит, –
хмур, задумчив и сердит:
«Тут, студицы, вам – не забава.
Тут, студицы, вам – есть Держава,
«Студией» величается...
Окажете-ка услугу –
не ищите мне супругу.
Получите мой отказ.
И ещё вам – мой наказ:
Вы поите меня, да кормите.
Христа ради – стихи не пишите.
Горше злого первачу
Вириши женские, не рифмованные.*

*Не исполнивший наказ
Будет выдворен тотчас».*

*Три студии под окном
Загрустили вечером...*

[268]

Кто же мы такие? Рождённые в СССР при социализме, доживающие при капитализме с «человеческим лицом»? Да, с «человеческим». Думаю, нам всем повезло, что мы оказались именно в Германии. Кто-то саркастически улыбнётся при этих словах, но этот «кто-то» не заботится здесь, в Германии, о завтрашнем дне, о «хлебе насущном». Нечего пенять на то, что не все смогли реализовать себя здесь в профессии или реализовали частично... Все мы приехали в страну, когда нам уже было далеко «за...» И ничего конкретно полезного дать этой стране мы уже не могли.

В этих обстоятельствах Литературная Студия вселила в нас надежду, возможно, иллюзию некоей нужности и востребованности. Ведь мы, по-прежнему, обладали нашим «русским языком», который здесь, в Эмиграции, воспринимался особенно остро, так как вокруг звучала чужая речь.

Продолжение следует...

¹ *Двухтомник избранных произведений: «Черновик чувств» и «Рисунки на песке» (Повести, рассказы, стихи, лирические миниатюры, Берлин, 2016 г.).*

² *Еврейское Культурное Объединение.*

³ *«Вы понимаете?»*

Мина Полянская

**МЕМУАРНО-
ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
О НАТАЛЬЕ НИКИТИЧНЕ
ТОЛСТОЙ**

[269]

Бывает – странствуешь по лабиринтам памяти и обнаруживаешь, что несоединимое выстраивается вдруг в событийную связь, и вьётся-вьётся извилистая тропинка ещё никому не видимого, а на самом деле уже единого сюжета. История моей пятнадцатилетней дружбы с Натальей Никитичной Толстой соткана как будто бы из случайностей. Когда четверть века назад, под всевидящим оком цензуры, я строила очерк о петербургском, молодом Алексее Николаевиче Толстом – бледном худощавом поэте, зачёсывающим волнистые волосы на косой пробор, в высоком цилиндре денди лондонского, похожем, по мнению Андрея Белого, на Ленского, завсегдатае кабачков и ресторанов петербургской богемы: «Бродячая собака», «Капернаум», «Вена», типичнейшем персонаже века Серебряного, человеку – авторе книги стихов «За синими реками», а затем уже цикла рассказов «Заволжье», романов «Чудаки» и «Хромой барин», мне и в голову не могло прийти, что спустя годы познакомлюсь с его внучкой, и не где-нибудь, а в петербургской больничной палате.

Постараюсь придерживаться хронологии событий, но вынуждена заглянуть в моё советское литературное прошлое – иначе невозможен мой рассказ. Итак, в 1989 г., на рубеже двух эпох, в «Лениздате» была издана книга, не замеченная читателями, несмотря на обилие в ней очерков о поэтах и писателях Серебряного века, связанных с Петербургом и названная строкой из стихотворения Ольги Бергольц: «Одним дыханьем с Ленинградом...».¹ Сборник в сером переплёте был излишне строг и сух, но точен в изложении осторожных фактов. Среди прочих в нём помещён был мой очерк об Алексее Толстом в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. В Берлине я заново заинтересовалась судьбой писателя, жившем в немецкой столице с 1921 по 1923 гг., написала о нём берлинский очерк и поместила в

нашем культурно-политическом журнале «Зеркало Загадок».

В середине 90-х я оказалась в больничной палате рядом, кровать в кровать, с Натальей Никитичной Толстой, внучкой Алексея Николаевича, и она представилась мне, глядя насмешливо в пространство, справедливо рассчитывая на эффект:

– Я – Толстая.

– Из чьих Толстых будете? – спросила я с кажущейся невозмутимостью, которую отнюдь не ощущала.

– Алексея Николаевича внучка.

– О, могу Вас консультировать по некоторым предкам.

– Это как?

– Я посвятила Вашему деду объёмный очерк с названием «Художник весенней жизнерадостности». ²

И Наташа, верившая в судьбоносную предопределённость встреч, оживилась и попросила рассказать о малоизвестном ей Фан-дер Флите. Я сообщила, не запинаясь, что дальний родственник Алексея Николаевича был ещё и родственником Чернышевского и тоже заражён был передовыми политическими идеями. Я продолжала демонстрировать свои знания:

– Фан-дер Флит жил на 6-й линии Васильевского острова, в доме 33. Познакомил молодого Толстого с поэзией Бальмонта, Иванова, Брюсова. – И, рассчитывая тоже на эффект, уже дальше цитировала Толстого наизусть: «В мезонине, в жарко натопленной комнате, почти касаясь головой потолка, он читал стихи. По штукатуренным стенам металась его усатая бородатая тень, он чёрт знает что говорил. На верстаке, рядом с лампой, стояла построенная им модель четвёртого измерения. Закутываясь дымом, он впихивал меня в это четвёртое измерение».

– Так вот где истоки страсти к фантастике, – проговорила Наташа, глядя на меня с нежностью, а в глазах светилась свойственная ей всегда замечательная смешинка. С этой смешинкой я натерпелась, поскольку иной раз от её шуток стонала от хохота. Наталья Никитична обладала редчайшим чувством юмора, остроумием, острословием, как в устной, так и в письменной речи. Некоторые из её изречений доводили меня, и я думаю, не только меня, от смеха до изнеможения.

– Наташа, – умоляла я, – нам нельзя так много смеяться, будут преждевременные морщины.

Так мы подружились, она, красивая, высокая, статная женщина и я, худенькая, маленькая, чуть выше её плеча. Мы, разумеется, много говорили о двух её дедушках – Алексее Толстом и Михаиле

Лозинском. И, конечно же, о бабушке, замечательном русском поэте, Наталье Васильевне Крандиевской, в десятых годах занимавшейся живописью и скульптурой в знаменитой студии Е. Н. Званцевой, в том самом угловом доме с башней на Таврической улице, где находился литературно-художественный салон Вячеслава Иванова – знаменитая «башня Иванова». Её двадцатилетний брак с Толстым распался в 1935 г., умерла в 1963 г. У Крандиевской с Толстым было двое сыновей: Никита (отец Наташи) родился в 1917 г., Дмитрий – в 1923 г.

[271]

Наталья Никитична Толстая

Наталья Никитична Толстая родилась в эвакуации в Елабуге в 1943 г. Там её дедушка по материнской линии, Михаил Лозинский, в маленькой комнате – одной на всю семью, переводил «Божественную комедию». Незадолго до рождения Наташи, в той же Елабуге покончила с собой (а по некоторым новым версиям – убита) Марина Цветаева. Наташе казалось, что между нею и Цветаевой существует некая внутренняя связь. И даже самый наш последний разговор незадолго до смерти Натальи Никитичны был именно о ней, о Марине Ивановне, в частности, о нравственном праве некоторых «исследователей» создавать тексты уровня кухонных мещанских сплетен и о том безобразии, которое сейчас творится вокруг поэта на основе «свободы слова и мнений». Елабужские рассказы Наташи, известные ей по рассказам взрослых, делали и меня причастной к цветаевской трагедии, возникала тоже связь, тем более, что я тогда

уже написала книгу о берлинской Цветаевой «Брак мой тайный...».³ Мы тогда пришли с Наташей к выводу, что не мы выбираем писателя, о котором пишем, а он нас выбирает и наблюдает за нами из вечности. И тот факт, что Наташа сидит у меня на диване в берлинской квартире и рассказывает мне о Елабуге – это судьба, это так должно быть. Михаил Лозинский с семьёй, как и Цветаева, был направлен на жительство в гибельную Елабугу, а не в Чистополь, где на привилегированных пайках поселились престижные писатели. В надежде выжить с сыном Муром (Георгием) в Елабуге, как за последнюю соломинку пыталась ухватиться Цветаева, верившая по старинке в круговую поруку ремесла и в то, что писатели должны, обязаны помочь ей с сыном выжить. И кто из представителей литературной номенклатуры, поселивший Лозинского в такую глухомань, мог бы предположить, что после войны он, первый советский поэт-переводчик, за перевод «Комедии» Данте удостоится Сталинской премии?

Своего деда по отцовской линии, Алексея Толстого, Наташа видела однажды, в трёхлетнем возрасте, в 1945 г., незадолго до его смерти, когда её, наконец, показали ему, тогда уже больному. Автор «Золотого ключика» сделал внучке «козу»: «Идет коза рогатая за малыми ребятами! Ух, забодаю!» Наташа запомнила это.

Толстой был чуть ли не единственным из возвращенцев – известных писателей, который пришёлся ко двору новому режиму, правда, произошло это далеко не сразу, но всё же, произошло. Этот писатель вёл двойное существование с соответствующими возможностями и последствиями, которым чревато двойное существование, когда сердце бьётся на пороге как бы двойного бытия. Граф стал депутатом Верховного совета!

В Детском Селе, где он поселился с семьёй в конце 1920-х над дверью особняка на Пролетарской улице, дом 6, красовалась табличка: «Гр. Толстой», двойной смысл которой был очевиден. Сокращённое «Гр.» читалось как «гражданин» и одновременно намекало на его графство. Эту двойственность (согласно легенде, которая могла быть правдой) подтверждала и старая экономка – эстонка Ю. И. Уйбо, сопровождавшая семью в эмиграции. На вопрос, дома ли Толстой, она по телефону, в разгар сталинского террора, бесхитростно отвечала: «Их сиятельство в райком ушли». Наталье довелось видеть разорённый войной закованный дом, в котором в тридцатых годах жили Толстые на Пролетарской улице: «Все дворцы лежали в руинах, а гулять по паркам было трудно из-за бурелома и нечистот. В Пушкине (папа всегда говорил «в Детском») мы подошли к облупленному

двухэтажному дому с заколоченными дверьми и обрушенным крыльцом. Здесь папина семья жила до войны, когда парки, вековые парки, шумели довоенной листвой. Забудь, если сможешь, про советскую власть, углубись в парк, и ты уже в восемнадцатом веке».

Толстой, расставшись с Натальей Крандиевской, переехал из города Пушкина (бывшего Царского Села) в Москву в 1938 г. и расположился в роскошном особняке, в кругу вновь созданной семьи. «Третий Толстой» (так Бунин назвал свой очерк о Толстом) стал, можно сказать, вторым Горьким: после смерти Горького в 1936 г. именно Толстой возглавил Союз писателей СССР.

Был ли счастлив писатель с устойчивой нелестной репутацией у российской интеллигенции (лауреат 3-х Сталинских премий первой степени), хотя не раз хлопотал об опальных и даже арестованных знакомых (и, как выяснилось из дневников сына Цветаевой Георгия, активно заботился о нём)? Скорее всего, нет, тем более, что последняя его жена Л. И. Баршева, урождённая Крестинская, была «приставлена» к нему, и положение его было немногим лучше, чем у Горького, оплетённого сетью шпионов среди приближённых в собственном доме.

Наталья назвала мне однажды космическую цифру – количество доносов, которое поступило на Алексея Николаевича. Он умер 23 февраля 1945 г. от саркомы лёгких в возрасте 62-х лет, не дожив 2-х месяцев до победы; был объявлен государственный траур, так что, если учитывать досье, уже заведённое на него для скорого ареста, финал его жизни выглядит настоящим сюжетом жуткого двойного бытия.

Толстой завещал ВСЁ наследие последней жене, но «справедливый» Сталин изменил завещание, поскольку и это, изменить – не своё завещание – ему было дано. Итак, расчувствовавшийся Сталин повелел в завещании Толстого записать, что часть гонораров от публикаций полагается уже появившимся ныне на свет внукам, тогда как нынешним детям и будущим возможным внукам – ничего не полагается. Сложная такая получилась комбинация изошрённого ума. Таким образом, Наталья, прижизненная внучка, какое-то время была частичной (прямая внучка – побочная наследница) литературной наследницей Алексея Николаевича, и поначалу, как она мне говорила, ей «что-то перепало» – до истечения наследственного срока.

Наталья приезжала ко мне в Берлин в июне 2007 г., и мы, конечно, посетили цветаевские места, побывали у дома, отмеченного

мемориальной доской Марины Цветаевой. Пансион Элизабет Шмидт, который в 20-х гг. облюбовали русские эмигранты, называвшийся в воспоминаниях современников ещё и «Русским домом в Вильмерсдорфе», сохранился с прежним адресом и нумерацией: Траутенауштрассе 9. Марина Цветаева жила там в двух крошечных комнатах с дочерью Ариадной (и с приехавшим из Праги на две недели Сергеем Эфроном) летом 1922 г. До неё, в том же 22-м г, в той же квартире, жил с женой Илья Эренбург, который затем и предложил её Цветаевой, переехав на Прагерплац, а в 1924 г. в Траутенау-хаузе (дом ещё и так называли), незадолго до женитьбы на Вере Слоним (она и нашла будущему мужу жильё недалеко от своего дома), поселился двадцатипятилетний Владимир Набоков.

Но нашей главной целью была Бельцигерштрассе, где в 1923 г. жил с семьёй Толстой, с отцом Наташи, тогда ещё шестилетним мальчиком. Повесть «Детство Никиты», написанная в 1920 г., Толстой посвятил сыну: «Моему сыну – Никите Алексеичу Толстому с глубоким уважением посвящаю».

Дом на Бельцигерштрассе 46, где А. Н. Толстой написал свой роман «Аэлита».

Подороже к Бельцигерштрассе 46⁴ произошла история даже мистическая. Мы нарушили правила движения, и нас остановила полиция. Я с несвойственной мне патетичностью вдруг заявила полицейским, что у меня в машине сидит внучка Толстого (разумеется, не подчеркивая, какого именно),

чувствуя интуитивно, что такое имя может быть на слуху у немца, который Толстого – любого из троих – Льва Николаевича, Алексея Константиновича, Алексея Николаевича – не читал. Трое полицейских, двое мужчин и одна милая женщина, заглянули в машину, внимательно посмотрели на Наташу, засмеялись (почему засмеялись?) и не только не наказали нас, но ещё помогли доехать – по литературному маршруту! – до Бельцигерштрассе. Но такого не бывает! Немецкий полицейский должен был нас оштрафовать. Однако же этого – не

произошло, а когда мы остановились у дома 46, Наталья сказала, что дедушка знает о её присутствии здесь и доволен ею. И, стало быть, это он, находясь там, на своём Олимпе, в своей вечности, очаровал полицейских, нарушивших инструкции?

Что чувствовала Наташа, когда увидела берлинский дом, где жила некогда дружная семья? А семья состояла тогда из шести человек: кроме самого Толстого и его жены, Крандиевской, – их дети Никита и Дмитрий, сын Крандиевской от первого брака Фёдор и экономка Ю. И. Уйбо. И вот что у меня выткалось: «хождение по мукам» укрепило семью, а житие при советах трагически разрушило, раскололо прекрасный семейный союз.

Четырёхэтажный дом серого цвета с глухими заштукатуренными балконами, напоминавшими Набокову столы с выдвинутыми ящиками, которые забыли задвинуть, сохранился до наших дней. Сохранился и облик той части улицы, где находится этот дом – тихий и уютный уголок Берлина с небольшими кафе и неторопливыми пешеходами. Дом на Бельцигерштрассе можно было бы назвать «стартовой площадкой» «Аэлиты» Толстого, так как именно здесь он написал свой первый научно-фантастический роман. «Настоящая» романная стартовая площадка находилась, впрочем, в Петербурге. Там разворачивается действие романа «Аэлита», там же в 1923 г. он впервые будет опубликован. Покинув Петербург двенадцать лет назад (Толстой перед революцией жил в Москве), автор сохранил в памяти приметы любимого города, и был осведомлён о бесчисленных переименованиях улиц, также ставших символом новой власти.

Наталья Толстая окончила Ленинградский университет и до конца жизни преподавала на кафедре скандинавской филологии, она – автор учебника шведского языка, а также автор лирических рассказов, написанных с изысканным юмором, чаще всего они публиковались в журнале «Звезда». Кроме того, опубликована книга её рассказов «Одна», и совместный сборник рассказов с Татьяной Толстой. «Сёстры» – дань памяти деду, первой части его трилогии «Хождение по мукам» – роману, написанному им в эмиграции, под Парижем.

Местом действия некоторых рассказов Натальи Никитичны стал Ленинградский университет, петербургское здание Двенадцати коллегий, коридоры несбывшихся надежд. Один рассказ называется «Филологический переулок», а в одном из номеров нашего журнала «Зеркало Загадок» мы опубликовали её рассказы под общим названием «Университетские рассказы». Большинство новелл

Натали Толстой в определенном смысле – автобиографические. Персонажи и события – всего лишь рамка, драпировка воспоминаний. То есть персонифицированный, скажем так, повествователь является одним из персонажей произведения. И он, этот повествователь – ошутим. Как сказал бы заумный критик, демонстрируется оголённая позиция автора. Новеллы Натали Толстой – часто воспоминания о родительском доме, надёжной крепости защиты детства, а также о школе и студенческой юности. Писательница отмечает второстепенные, ненужные ей детали, но тем не менее, новеллы выписаны с набоковской тщательностью и пронзительной памятью, в них нет «краткостисестрыталанта», которая у иных уничтожает ткань произведения или же превращает его в неуловимое привидение. При всём том, благодаря жёсткой строгости отбора деталей резче выделяется основная мысль. Вот эту лифтёршу – бабу Надю в валенках и в ситцевом летнем платье с короткими рукавами в любое время года я никогда не забуду. Предлагаю отрывок из рассказа «За каменной стеной», который до публикации Наташа мне прислала, что для меня особенно важно, как пушкинское возвышенное: «сбирайтесь иногда читать мой список верный» (и я ещё вспомню этот рассказ), в котором тщательно расписан «лифтёрский» быт, убогая, примитивная жизнь трудового народа, вернее, народонаселения, а за всем этим – юмор автора с едва уловимой улыбкой Чеширского кота:

«В нашей парадной круглосуточно сидели лифтёрши. Их работа состояла в том, чтобы сообщать в контору, когда лифт сломается. Если дверь лифта просто заклинивало, то лифтёрша открывала её особым крючком и выпускала застрявшего гражданина. Лифтёрша баба Надя весь рабочий день вязала крючком круглые нитяные подставки под неизвестно что. Она дарила нам эти никому не нужные вязаные кружки, когда приходила занимать деньги. Зимой и летом на ней было ситцевое платье с короткими рукавами и валенки. На обед лифтёрши ели копчёного морского окуня. Он лежал во всю длину на газете, верёвочки впивались ему в коричневые бока. Лифтёрши пальцами выковыривали из-под верёвочек розовые куски, а копчёный дух пролетарской рыбы поднимался до пятого этажа. У бабы Нади были сын и дочь. Сын служил срочную службу, и Надя с гордостью показывала фотокарточку: неказистый солдат на фоне развёрнутого знамени части. Сын отслужил, отдохнул и начал беспробудно пить. Каждую неделю заплаканная Надя приходила просить у мамы денег».

Я бы назвала некоторые рассказы Натали Толстой, в том числе и поздние, «ленинградскими», в них присутствует городской колорит

шестидесятых-восьмидесятых, предлагаются ленинградские городские координаты, те, что бытовали до мутного начала новых времён, а это и есть временное пространство сознания.

(Впрочем, действия многих рассказов происходит и тогда, когда, по словам Толстой, «советская власть, почти родная, ушла не попрощавшись. Ни инструкции не оставила, ни тезисов». Для будущих критиков Натальи Никитичны – это очень интересная тема могла бы доставить ещё и удовольствие, поскольку юмора в них не меньше, чем у Зощенко).

[277]

Детство Наташи прошло в Ленинграде на Набережной реки Карповки, пересекающий Кировский проспект, бывший Каменноостровский, соединяющий центр города с островами. Он же – бывшая Улица Красных Зорь. (Забегая вперёд сообщаю: в 1991 г., в другую эпоху, проспект вернётся к первоначальному названию, на круги своя – он снова обернётся Каменноостровским).

Я возвращаюсь в Берлин, поскольку мой текст складывается, в основном, между Петербургом и Берлином, сохранившим, несмотря на катаклизмы, своё название. В доме на Бельцигерштрассе Толстой писал об Улице Красных Зорь: «Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми – ни одна голова не выглядывала на улицу». На одном из этих домов висело объявление странного содержания: оно приглашало желающих совершить космическое путешествие, указывался адрес, где стоит космический корабль: «Инженер Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс, явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе». Дом № 11 – четырёхэтажный, с лепными украшениями над окнами, стоял в глубине пустыря, простиравшегося до реки Ждановки. Именно во дворе этого дома и состоялся торжественный старт космического корабля. На пустыре перед мастерской Лося стал собираться народ. Шли с набережной, бежали со стороны Петровского острова...».

Что же касается Каменноостровского проспекта, то он в начале XX века был застроен доходными домами нового типа, с оригинальными фасадами, как правило, облицованными керамикой и гранитом, и воспринимались они, как чудо комфорта – со станциями, гаражами, лифтами и хранителем у главного подъезда. В одном из таких домов, в конце Каменноостровского, на пятом этаже, в квартире окнами на Каменный остров Алексей Толстой поселил Дашу и Телегина – героев написанного в эмиграции романа «Сёстры», – о судьбах русской интеллигенции предреволюционных лет (примеров тесной

связи трилогии «Хождение по мукам» с Петербургом можно привести множество). Набережная Карповки, Ждановская набережная, Каменноостровский проспект – всё это хронотопы Петроградской стороны, по Бахтину, закономерная связь пространственно-временных координат, а в нашем случае это и в самом деле коммуникативная ситуация, повторяющаяся во времени и определённом месте.

Наталя Никитична вспоминала дом своего детства на Карповке у проспекта, претерпевшего множество, вызывающих

путаницу в самых трезвых умах, переименований: «Мы жили в сталинском доме с видом на мелководную, с романтическими изгибами речку. Её дно было покрыто огромными водорослями, в этих водорослях водились водяные крысы, ужас детства. В Ленинграде таких домов, как наш, построенных в тридцатых годах, мало. Строили его долго и денег не жалели. Вазы, скамьи, тумбы, лоджии-солярии. На каменных барельефах – девушка рвёт грудью финишную ленточку, один мальчик держит модель планера, другой – сидит в кустах с собакой, выслеживает диверсанта. До сих пор меня охватывает волнение, если вижу здание, похожее на наш дом. Квартиры предназначались для работников горкома ВКП(б) и горисполкома, а в одном крыле было общежитие для обслуживающего персонала. Когда пошли аресты по «ленинградскому делу», исчезло много квартироръёмщиков, а новыми жильцами стали народные артисты и люди из Органов. Дали квартиру и нам, многодетной семье лауреата сталинской премии» (За каменной стеной).

Небольшое отступление, вызванное мыслями о метаморфозах с названиями городов и улиц, жертв смены власти, режимов и «культурных самодуров» – отражения нашего времени и жизни. У меня вдруг выстроилась парадоксальная до смешного цепочка: Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург, а также: Каменноостровский проспект – Улица Красных Зорь – Кировский проспект – Каменноостровский проспект. Круг замкнулся. Вопрос – риторический: эти ритмичные возвращения к первоначальному

*Дорогой Мине
- старому другу
- сестре по духу
на память
от одной Наталии
Толстой
июнь 2005*

Книга «Одна» подарена мне с надписью: «Дорогой Мине – старому другу – сестре по духу на память от одной Наталии Толстой. Июнь, 2005».

названию после стольких лет мытарств, блужданий, переименований – признание несостоятельности того, что произошло за все эти десятилетия или же это – лёгкость в мыслях необыкновенная, как сказал бы Гоголь? Кстати, улица, на которой создавались «Петербургские повести» и «Ревизор», названная ещё в 1903 г. улицей Гоголя, в приступе рвения возвращения к исконным корневым названиям с лёгкостью мысли необыкновенной в некоторых городских головах (градоначальников) тоже переименована. Гоголь убран – и всё тут. Но

[279]

Предлагаю ещё один отрывок из рассказа Натальи Толстой «Всё ясно» с «ностальгическими» рассуждениями о советских временах, за которыми отчётливо просматривается грозный быт семидесятых:

«Что значит «хороший чай» в 1980 году? Конечно, индийский, со слонем. Февраль. Чай продают во втором дворе огромного дома на Кировском проспекте. Стоять во дворе ещё хуже, чем на улице: холод пробирает до костей. За мной стоит мамаша с маленькой девочкой. Девочка капризничает и тянет маму домой. Старуха поворачивается к девочке: «Привыкай! Всю жизнь по очередям стоять будешь». Другая старуха, добрая, дёрнула девочку за рукав: «Не плачь, скоро весна придёт». «А что, – спросила я, – весной очередей не будет?» – «Почему не будет? Весной тепло, стоять веселей».

А ещё ушедшая эпоха унесла с собой тот трепет, который охватывал советского человека при виде импортных вещей. Как о них мечтали... Я была в восьмом классе, сестра – в десятом, когда к нам стала приходиться тётка с сумкой, полной импорта: кофточки, майки, шарфики... Как её зовут, никто не знал. «Мама, когда спекулянтка придёт?» – «Девочки, имейте терпение. Спекулянтка придёт завтра вечером».

Звонок. Сердце забило в груди. Идёт! Радость от югославской кофточки в полоску, купленной в 1958 году, была, пожалуй, острее, чем от первого свидания или от поступления в университет».

Помните ли, как выходили мы на долгий срок из дому на охоту за хлебом насущным, за мылом и другими предметами первой необходимости до того, как следы советской жизни исчезли с улиц?

Вместо Эпилога.

«О, как гаснут – по степи, по степи, удаляясь, годы!» – с горечью восклицал Квинт Гораций Флакк. Пора бы посмотреть и мне «старые снимочки», но увы, никак не могу найти плёнку совместных берлинских

фотографий с Наташей, и всё кажется, что чего-то вовремя не сделала, недостаточно хороших слов сказала о рассказах ей лично, а она в этом нуждалась, и в больницу я позвонила с опозданием, незадолго до её смерти. Она умерла 16 июня 2010 г. – ещё один служитель свободного искусства ушёл из жизни.

Полагаю, что мне не следует расслаблять себя такими фатальными понятиями как «логика истории» и её «закономерности», или же другими утешениями, которые предлагают нам философы истории, но моя история тоже не терпит пустоты, и в Петербурге – *мы сойдёмся снова.*

¹ «Одним дыханьем с Ленинградом...». Ленинград в жизни и творчестве советских писателей / Сост. Г. Г. Бунатян., Лениздат, 1989.

² Мина Полянская «Художник весенней жизнерадостности» (А. Н. Толстой) / «... Одним дыханьем с Ленинградом...», Лениздат, 1989.

³ Мина Полянская. «Брак мой тайный...» / «Марина Цветаева в Берлине». Москва, 2001.

⁴ В этом доме А. Н. Толстой прожил со своей семьёй с 1922 по 1923 годы и написал свой первый научно-фантастический роман «Аэлита».

Израиль Потиха

ОБРЫВКИ ПАМЯТИ

[281]

Хроника блокадных дней

*К 80-летию начала Второй Мировой Войны.
К 75-летию освобождения Ленинграда от блокады
немецко- фашистских захватчиков.*

1936 г. Мне – семь лет. За окном – крики и смех ребят, с которыми я обычно играю. Выхожу во двор. Четверо ребят моего возраста бегают вокруг парня четырнадцати-пятнадцати лет: «Жид, жид – по верёвочке бежит». Ицхак ловит их, одному за другим даёт подзатыльник:

– Вот тебе за жида.

Я присоединяюсь к ребятам и кричу то же самое.

– А ты-то что? Ведь, сам – еврей!

– Я? Еврей?

– Ну, беги к матери. Она скажет, кто – ты.

– Мам, Итька говорит, что я – еврей.

– Да, мы – евреи.

– А что, все так евреев не любят?

– Не любят... Завидуют их уму.

Я был удручён. Мне не хотелось быть умнее, хотелось быть, как все.

В первые дни войны Ицхак (добровольцем) и его отец ушли на фронт. Оба погибли в сентябре 1941 года.

1940 г. Я – в четвёртом классе. Учительница рассказывает, как тяжело жилось при царе, каким он был жестоким. Как произошла революция и как расстреляли царя и всю его семью. Один из учеников поднял руку:

– А почему расстреляли маленького сына царя? Он же ни в чём не был виноват.

– Да, не был. Но, если бы его не расстреляли, в последствии он мог бы претендовать на престол. Вокруг него объединились бы сторонники самодержавия, и советская республика могла бы быть свергнутой.

Дома я спросил у бабушки:

– А каким был царь? – ожидая, что услышу о его жестокости.

– Царь? Ну, нормальным...

– Как? Ты что, за царя?

Ничего не ответив, бабушка внимательно посмотрел на меня и вышел из комнаты.

До революции бабушка занимался торговлей. Петлюровцы чуть его не повесили – ему удалось откупиться. Из-за пережитых волнений бабушка заболела и умерла в психиатрической больнице.

22 июня. 1941 г. Лето.купаемся с ребятами в озере. Выбегаю из воды, зарываюсь в песок. Яркое солнце палит. В воздухе – радостные крики, смех, визг детей. Вдруг, какой-то тревожный говор. Слева, справа – люди, одни за другими, торопливо покидают пляж. Двое ребят бегут в мою сторону: «Пацаны! Война!»

Июль. Моя двоюродная сестра с подругой шли по небольшому лесочку на Поклонной Горе. Впереди – мужчина, оглядывающийся по сторонам, повернул в сторону Осоавиахима. «Наверное, шпион», – решили подружки и, прячась за кустами, стали незаметно следить. В Осоавиахиме будущие лётчики осваивали полёты на планере. Мужчина остановился, наблюдая, как натягивают амортизатор, как взлетает планер.

Потом повернул обратно. Девочки – за ним. Возле трамвайной остановки подбежали к милиционеру, рассказали о своих подозрениях. Милиционер проверил у подозреваемого документы – оказались в порядке. Девочек он похвалил за бдительность.

1941 г. Сентябрь. Пятый класс. Вошла высокая, худощавая учительница: «Дети, я буду вести у вас немецкий язык». В приоткрытую дверь заглядывает девушка: «Маргарита Фёдоровна, Вас – к директору». Через пять-семь минут вбегает Маргарита Фёдоровна, вся – в слезах, хватая портфель и, ничего не объяснив, выбегает из класса. В последствии выяснилось – ей, как немке, было приказано срочно выехать в Сибирь вместе с семьёй.

На следующий день пришла маленькая, изящная учительница:

– Bonjour!¹ – И написала на доске по-французски: «Je vous salue».²

А через несколько дней школу закрыли.

БЛОКАДА.

Конец ноября. Трамваи не ходят. Иду по трамвайной линии. Навстречу, вдали – мужчина. Он то падает, то поднимается. Подхожу ближе... Отец... С июля – на оборонных работах. Совсем обессиленного довёл его до дома. Он лёг и больше не вставал.

Декабрь. Сильные морозы. Дров взять негде. К нам подселили четверых военных регулировщиков – они дежурили на трассе «Ленинград – Тосно». До Нового Года с дровами проблем не было. Один раз в неделю их старшина приносил из Парголово «сухой паёк». Делили на четверых. Пайки не хватало. С дежурства они возвращались голодными. С обмороженными лицами и конечностями.

Однажды старшина пришёл из Парголово, высыпал на стол грудку сухарного лома.

Обычно, деля паёк на четыре части, он спрашивал: «Кому?». Кто-то из солдат, повернувшись спиной к столу, называл очередную фамилию. В этот день я сидел у стола и с вожделием смотрел на ещё не разделённую грудку сухарей. Рядом горела свеча. От моего дыхания пламя слегка заколебалось. Промелькнула мысль: «Посильней выдохну, огонь погаснет, я схвачу сухарный обломок, суну в карман». Что я и сделал. Как только погас огонь, все закричали: «Спички! Где спички?» Пока искали спички, я положил сухарь обратно. Потом спрашивал себя: «Что заставило меня положить его на место? Испугался? Кусочки – по четыре-пять сантиметров. В куче их было много. Никто бы не заметил. Совесть?» Скорее всего, произошло это как-то автоматически, бессознательно.

Январь. Регулировщиков перевели в другое место. Мы остались без дров. Мороз – тридцать семь-сорок градусов. Сожгли всю мебель, мамину гитару. Мы с отцом круглые сутки лежим в кроватях в пальто, в другой одежде, зарывшись в одеяло.

Мама – на улице, в очереди в магазин. Третьи сутки не может выкупить эти несчастные **125 грамм хлеба**. Из-за недостатка в машинах, продукты подвозят на лошадях. По дороге – повозки грабят, лошадей – забивают. У мамы всё лицо обморожено. На щеках и на носу висят «лоскуты» кожи с кусочками мяса. Пальцы тоже отморожены. Наконец, удалось выкупить хлеб за четыре дня. Его невозможно есть – промёрз насквозь. И под одеялом его не отогреть – на полу, стенах – изморозь.

Конец января. Папа не отзывается. На первом этаже в двух квар-

тирах уже никого нет. В третьей – семья из пяти человек лежит без признаков жизни. В четвёртой проживает хозяйка этого большого, деревянного дома, которой после революции и конфискации оставили одну большую комнату. Она отказывает маме присмотреть за папой: «Выйдите, Роза Львовна! Всё равно Вам осталось жить недолго – скоро здесь будут немцы и уничтожат всех евреев». На втором этаже живёт женщина с дочерью. Они приютили студентку, муж которой сбегал со всеми продовольственными карточками, тем самым, обрёл её на верную гибель. Эта соседка, Валентина Большакова, согласилась перевезти маму на санках к маминой сестре и присмотреть за папой.

26 января. Я ночую у Большаковой. Папа – дома. Мама – всю ночь в очереди за хлебом. Вернулась вся обмороженная с выкупленным хлебом. Взяв папину порцию, я спустился к нему. Он – с открытыми глазами, открытым ртом. Его ноги – чёрные по колена. Я окликал, тормошил его. Он лежал без признаков жизни. Оставив на одеяле его порцию, я поднялся наверх. Мама уже не могла двигаться. В десять утра Большакова и её студентка спустили маму вниз, усадили на санки и мы двинулись в другой конец города. Проходя мимо рынка на 2-ом Мурманском, увидели, как арестовывают людей, торговавших человеческим мясом. Спустя три дня бригада по сбору трупов вывезла папу и пятерых соседей на кладбище. Вскоре умерла и мама. Её смерть из-за сильного обморожения была мучительной.

Февраль. Тётя сказала, что если меня не возьмут в Детский Дом – я не выживу. Меня не взяли – он был переполнен. Я пошёл на Васильевский Остров, где жил мой дядя. Но его уже не было в живых. Я пошёл в местный Детский Дом, но и он был переполнен. Размышляя «Как же быть?», я пошёл вдоль аллеи, подбирая упавшие с клёна «носики». Доставал из них крохотные семена, жевал, пытаюсь как-то заглушить голод. Проходя мимо магазина, возле которого собралась большая очередь, увидел выбежавшего мальчика лет десяти. В руках он держал хлеб, давясь, запихивал его в рот. Из магазина донеслись крики: «Держите! Держите его. Он выхватил пайку у старушки». Его схватили, отняли остатки хлеба, мальчик упал в снег. Я пошёл дальше. Дойдя до гавани, повернул обратно. Проходя мимо того же магазина, увидел этого мальчика – он так и лежал на снегу. Никто на него не обращал внимания. Подошёл к Детскому Дому, сел на ступеньку. Стемнело. Подошла женщина: «Ты что сидишь, мальчик?» – «Не принимают. Там – полно». – «Пойдём со мной». Женщина оказалась детдомовским врачом, по её настоянию – меня всё же приняли. Привели в большую

комнату – дети лежали на полу, тесно прижавшись один к другому. Я протиснулся между двумя мальчиками. Один из них улыбнулся. Мы разговорились – о еде. Эта тема была самой актуальной. Утром объявили «подъём». Все стали подниматься, кроме одного мальчика. Подошла воспитательница: «Не встаёт? Буди». Я стал его тормошить. Он не подавал признаков жизни – глаза и рот приоткрыты. «Кажется, он умер, – сказала воспитательница. – Сейчас вынесут». Смерть от истощения была массовым, обычным явлением. У окружающих никаких эмоций смерть уже не вызывала – естественный процесс угасания организма. Иногда даже притуплялось чувство голода – получив свою пайку, уже не набрасывался с жадностью на хлеб, а любовно прятал его под подушку. Это свидетельствовало, что дни этого человека сочтены.

[285]

Март. Водопровод не работает, ходим с вёдрами на речку. Подхожу к раздевалке, чтобы одеться и идти за водой – моё пальто отсутствует. Поиски ни к чему не привели. Стою расстроенный. Мимо проходят две воспитательницы с нашим шефом, балтийским матросом. Он спрашивает: «Что с тобой?» – «Пальто украли». Он с возмущением поворачивается к воспитательницам, но те только руками разводят. Матрос снимает с себя бушлат: «Держи, от Балтийского Флота». Бушлат – новый, бронзовые пуговицы с якорями на рукавах блестят. Сбоку, – красные звёзды. Такой радости я давно не испытывал, вмиг забыл о пропаже.

Май. В Детский Дом пришли сотрудники радиокомитета с идеей организации выступления детей на радио. Оказалось, несмотря на голод, у некоторых (человек десять возраста от шести до пятнадцати), ещё сохранились таланты. Мне предложили рассказать о жизни в Детдоме и объявлять номера выступлений. До радиокомитета добирались на трамвае. К тому времени они уже начали ходить. Концерт прошёл удачно. Нас похвалили, каждому дали по булочке и конфете. Особенно, всем понравилась песня «Синенькая майка вышла на лужайку» в исполнении Бори Ласкина. Он получил две булочки и две конфеты, что возмутило остальных ребят. На обратном пути, в трамвае, на него набросились и стали отбирать «несправедливый» подарок. Он попытался быстро съесть булочку – она упала на пол. Расталкивая пассажиров, дети стали подбирать кусочки. Ничего не получилось – булочку затоптали.

Этот концерт иногда передавали по радио и после войны.

Июль. Постоянно слышатся разговоры об эвакуации. Все мечтали:

«Наконец, наедемся на “большой” земле». А налёты не уменьшаются. Однажды, в десять утра – тревога. Бежим в бомбоубежище по длинному коридору. Мощный взрыв – во двор упала бомба. Оконные рамы вылетели из проёмов, звон разбитого стекла. Несколько ребят и я, в том числе, забежали в пионерскую комнату, забились под столами. Погибла маленькая девочка, ранена одна из воспитательниц. На следующий день объявили сборы к эвакуации.

[286]

Эвакуация. До Ладожского озера ехали на поезде. На берегу ждал катер. Вокруг – много ящиков с картошкой и мороженой рыбой. Все набросились на рыбу. Воспитатели пытались помешать, но многим удалось поесть. Наконец, погрузились на катер. Плывём. Озеро окутано туманом. Вдруг, пронзительный крик: «Мина». Кинулись к борту. На расстоянии около метра что-то тёмное плюхалось в воде. Катер резко накренился – все покатались к противоположному борту. К счастью – обошлось без столкновения. На другом берегу, в населённом пункте, – привал. Старшие ребята с большими бачками пошли в эвакупункт за кашей. Их долго не было. Наконец, идут. В одной руке у них – ручки бака, другой – подгребают из бака кашу и, обжигаясь, на ходу едят. Потом, снова – поезд. Каждому выдали по буханке чёрного и белого хлеба. Многие съели сразу обе буханки. И я. На каждой станции из вагонов забирали детей с заворотом кишок. Я лежал на третьей полке с сильными болями в животе. Налетели немецкие самолёты. Опытный машинист умелым маневрированием избегает попадания бомб. Поезд то движется полным ходом, то тормозит, замедлив, то сдаёт назад. Во время одного из резких торможений я слетел с третьей полки. Это меня спасло. Благодаря сильной встряске заработал кишечник, и я пошёл в туалет.

Пункт нашего назначения – посёлок «Варнавино», Горьковской области. Подплываем на пароме к высокому берегу. Многочисленная толпа жителей встречает с продуктами, подарками. Со слезами сострадания люди смотрят на блокадных детей. Нашлись желающие взять кого-то на воспитание. Нас поселили в школе. Спали по трое на деревянных топчанах, я – с двумя братьями по фамилии Маркус. Укрывались одним одеялом. Сверху набрасывал свой бушлат. Однажды, проснулся – бушлата не оказалось. Кто-то из старших ребят рано утром обменял его на овощи. В Детдоме отсутствовали элементарная дисциплина и организованность. Нас никак не могли накормить. Ежедневно мы совершали набеги на хозяйские огороды. Жители жаловались, осаждая воспитателей и директора. Мы же, из бедных блокадников превратились в ненавистных грабителей огородов. С нами никто

не мог справиться. Те, у кого где-то были родственники, мечтали поскорее оставить Детдом. Однажды подошёл ко мне парень из старшей группы, Толя Иванов, – у него уже был паспорт:

– У тебя родственники есть?

– Есть. В Молотове и в Новосибирской области.

– Давай сбежим. Доберёмся до железной дороги на попутках, потом – на поезде.

– Я подумаю. Поговорю с ребятами, с которыми сплю.

Договорились бежать вчетвером. Два дня копили на дорогу хлеб. Денег ни у кого не было. Поднялись в четыре утра и двинулись в путь. Мы с Толей – впереди, сзади – братья Маркусы, которые всё время ссорились и толкали друг друга. Выйдя за посёлок, они отстали, остановились. Толя сказал:

– Давайте быстрее, надо уйти подальше до подъёма.

– Мы не пойдём, – сказали братья и повернули обратно.

Минут через пятнадцать, колеблясь, и я объявил, что возвращаюсь в Детдом. Толя махнул рукой и зашагал быстрее.

Утром выяснилось, что Толя Иванов отсутствует, но это известие никого не взволновало: «У него есть паспорт, он не пропадёт, доберётся до своих», – говорили воспитатели. Больше мы его не видели.

Мысль покинуть Детдом меня не оставляла. Вскоре появилась возможность уехать к тётке в Молотов. С двумя другими детьми, братом и сестрой, которые собирались к родственникам в Тюмень (у одного из них тоже уже был паспорт), меня вписали в эваколист. До железной дороги нас довезли на машине. Там сели на поезд и доехали до Кирова, где была пересадка на сибирский поезд. На стенах вокзала висели объявления, предупреждавшие о действиях воровских групп. У меня была небольшая котомка с личными вещами. У моих попутчиков – тоже. Один из них, устроившись на корточках у стены, задремал. Когда проснулся, в руках его болтались обрезанные лямки от котомки, в которой были их вещи и документы. Еле волоча ноги, мы потащились в эвакопункт. Им оформили новые документы и нас усадили на поезд.

В Молотове я сошёл. На перроне у одной женщины спросил: «Как пройти к заводу им. Сталина». – «Что тебе там нужно?» – «Там работает моя тётка». Оказалось, женщина знала тётку – они работали вместе, она отвела меня к ней домой. Тётка была эвакуирована из Москвы, жила с пятилетним сыном и годовалой дочкой. Она надеялась, что я смогу ей помочь в чём-то по дому. Но я был так немощен, к тому же – с нарушением психики, что сам нуждался в помощи. Она сразу отправила меня в баню, в которой я не был больше года. Разомлел от тепла и пара, выйдя – заблудился. Тётка еле меня разыскала. На следующий

день она отвела меня в школу. На переменах, обычная шумная атмосфера вводила меня в ступор. Кровь прилиwała к голове и лицу, я переставал воспринимать окружающее. На уроках был не в состоянии не только что-либо отвечать, но не понимал, о чём говорит учитель. Тёте посоветовали пока от школы воздержаться. Она списалась с другой моей тётей из Новосибирской области и отправила меня к ней.

Спокойный, маленький посёлок. Тётин муж – на фронте. Она жила с моей двоюродной сестрой и бабушкой. Они делали всё, чтобы мои силы восстановились, чтобы не отстал от учёбы. От тёти исходила большая доброта, сострадание и понимание. Я оттаял, принял человеческий облик. У тёти была корова. Был огород. Молоко, свежие овощи, посильный сельский труд понемногу восстановили мои силы. Появилось влечение к книгам, музыке, рисованию. Три года я посещал с шестого по восьмой классы, хотя мои успехи в школе были очень ограниченными.

В августе 1945 года я вернулся в Ленинград, к той тёте, от которой ушёл в Детдом.

Обстановка в ленинградской школе и моё состояние не способствовали успехам в учёбе – меня оставили на второй год. Мне казалось это полным жизненным провалом, катастрофой. Решил: жить один и работать над собой. Моя комната, где я жил с родителями, была занята многодетной семьёй. Мы с тётей обратились в суд. Мне предоставили временное жильё в посёлке «Токсово». Комната была наполовину забита мешками с дустом. На этих мешках я спал три месяца. Потом моя голова не выдержала этого дурмана, и я сбежал в Ленинград, поступив в художественное ремесленное училище, где получил общежитие.

¹ «Здравствуйте», «Добрый день».

² «Я приветствую вас».

[289]

Д и П / 2019

Новые переводы

Леонид Бердичевский

Сидши

Давид Гофштейн

(1889 – 1952)

Из ранних стихов

В ПОЛНОЧЬ

Уж полночь проплыла над городами,
и счёт колдует башенных часов,
он над окрестностью кружит витками,
но не стихает перебранка псов.

В лачугах спят под скомканной соломой,
продрогшие от стужи земляки,
похрапывая, бормоча в истоме,
едва укрыты, иль почти наги.

Луна прильнула к окнам откровенно,
особенно к лачуге в глубине,
как будто бы взяла её в аренду,
чтобы остаться с ней наедине.

Но спать пора, захлопываю книгу,
гашу я лампу, и гашу свой взгляд,
и начинают мысли нервно прыгать
то вверх, то вниз, то прямо, то назад.

Хоть силою энергии сражён я,
но всё же не могу заснуть никак,
и суета ликует иступлённо,
пульс ударяет молотом в висках.

Я весь дрожу у входа в неизвестность,
и не решаюсь за порог ступить,
глотая, задыхаясь, я окрестность,
не укрощая молодости прыть.

[291]

НОЧНАЯ ТИШИНА

День погасила тишина,
и ночь всплыла надменно.
Я стул поставил у окна, –
чтоб встретить дню замену.

Всё погрузилось в крепкий сон, –
в объятия сновиденья.
Лишь мною сон не соблюдён, –
и словно длю свой день я.

Но за окошком, во дворе,
скулит моя собака.
Дамышь скребёт в своей норе, –
ей дела нет до мрака.

И робко пение сверчка, –
неуловимо, вроде,
как будто бы издалека,
но к тишине приходит.

И без сомненья, тишина
полна тепла и неги.
Благословенна будь она
здесь, – при ночном ночлеге.

СУББОТА ПОЗАДИ...

Суббота позади, и поволокой
укрыты сумерками признаки зимы.
А в лавочке полусогнувшись, сбоку
девчужка смуглая несёт бутылъ из тьмы.

[292]

Здесь кнут нектати. Дремлет он за шторой.
На блюде хала возбуждает аппетит.
Все молчаливы. Силы нет для спора.
Отец дремотно сник и в потолок глядит.

И сёстры вдалеке – лишь силуэтом,
плывёт их шепоток тончайшей нитью вдаль.
Тень плотною стеной висит при этом,
нет радости ни в чём, – вокруг царит печаль

Я у стола – вблизи оконной рамы
с тоской вдвоём сижую. Закрыт мой детский рот.
Звезда едва плывёт под взглядом мамы.
Корова во дворе спокойно корм жуёт.

Ицик Мангер

(1901 – 1969)

ЭПИЛОГ ДНЯ

Я устал. Спокойной ночи.
Веки сном воспалены.
Жизнь подсказывает сны, –
их мечта, – любимой очи.
Я устал. Спокойной ночи.
Веки сном воспалены.

Бормочу спросонья песню.
и дремотно, вроде сплю.
и, как будто, во хмелю,
птицей я парю на месте.

Бормочу спросонья песню.
и дремотно, вроде сплю.

Протоптав ко сну дорогу
к ночи приношу я сон,
наконец, им побеждён,
спать улёгся на пороге.
Протоптав ко сну дорогу,
ночи подарил я сон.

[293]

ОСЕНЬ

Эта песня о поздней осени,
я пою её с грустью в глазах.
Голова моя вверх возносится,
чтобы песня имела размах.

Птицы мчатся к далёкому лету, –
непригодна им крыша моя.
Даже тополи, клёны и кедры
в летние бы умчались края.

Все хотят теплоты и покоя,
даже в дождь, – пусть он тихо идёт.
Понимают, что жизни всё стоит, –
был бы чист голубой небосвод.

Но пою я об осени поздней
с грустью, – но, не обидеть же гостью.

Старый храм, переживший столетья,
шумно в нём, – там торговля идёт.
У толпы барыши на примете.
Охраняют служители вход.

Бедняков догоняют проклятья,
пусть на вечность кивают они.
Не могу их слова разобрать я, –
в шум закутаны грустные дни.

Но об осени, всё-таки, песня,
пусть услышана будет, едва.
И в мелодии этой чудесной
грусть красива, и ярки слова.

ЭПИТАФИЯ

[294]

Здесь лежит соловей. Грустен он. Утомлѐн.
Он навечно один спит на жѐсткой кровати.
Он бродяга. Портной. Он поэт. Бога ради,
его песня молчит. Здесь незыблем закон.

Постояльцы молчат в крапивы аромате.
Снег распластан вокруг, – неподвижен и он.
У мышей и у змей в норы вход защищѐн
темнотою кромешной при вечном закате.

На могильные камни цветов не кладут
потому, что их вьюга рассеет мгновенно.
Стаи мудрых ворон только изредка тут, –
не выносят они запах смрадного тлена.

Здесь не встретишь обычных кладбищенских коз.
Мертвецам предназначен сна крепкий наркоз.

С французского

Тристан Корбьер

(1845 – 1875)

НОЧНОЙ НАТЮРМОРТ

(2-ой вариант)

Вникая в спор колоколов,
его восприняла, как зов
кукушка, что в часах хлопочет.

Свеча свой воск глотками льёт
уже предчувствуя восход,
хоть улицы в объятьях ночи.

Но вот со скрипом в тишину
прёт катафалк, навстречу сну
несёт он страшную посылку.

И стая шумная ворон
смокает, слыша тяжкий стон, –
покойник ждёт, сжевав ухмылку.

[295]

Артюр Рембо

(1854 – 1891)

МОЛИТВА НА НОЧЬ

Как Ангел, я свободен и беспечен, –
за пивом целый день в истоме провожу.
другим живот развлечь мне больше нечем,
чтоб был, как парус вздут, – за этим я слежу.

А осень мне несёт свои рулады.
Сонливою тоской закован я весь день,
мне ничего иного и не надо,
поверьте, право, совершать мне что-то лень.

Но вот, меня покинула дремота,
гнетут теперь желанье и икота,
оглядываюсь, – где поблизости пустырь.

Его заметив, счастлив я безмерно,
и примостившись рядом, среди терний, –
на них я облегчил свой мочевой пузырь.

ОХОТА НА ВШЕЙ

Лоб малыша в поту. Он весь в кровоподтёках,
на нём лежит теней дрожащая печать.
И две сестры глядят на малыша мороку,
что в голове его. Не зная, как начать.

Его ведут к окну, туда, где больше света,
и яркая герань полощется, шурша.
И сёстры дружным и настойчивым дуэтом
несутся пальцами по кудрям малыша.

Он крайне напряжён, прерывисто дыханье,
он чувствует возню, и пальцев перебор,
Их тороплива страсть, чтоб утолить желанье, –
их захвативший вмиг бушующий задор.

Сосредоточенность при трепете молчанья
находят отклик в глубине его души.
Смешались вместе в ней свободы осязанье,
и хруст от каждой, пригвождённой ими, вши.

Ужом вползает грусть из-за оконной рамы,
и предвещает малышу спокойный сон.
Подарен он ему сестринскими трудами, –
сон этот в тишину усталостью включён.

С польского

Вислава Шимборска

(1921 – 2013)

ВЕРМЕЕР

Пока ещё та дама в жёлтой кофте,
в тиши простора Риксмюзея в раме
висит, и молоко льёт из кувшина в миску
спокойно, чтоб не пролилось на пол,

мир будет на земле существовать, –
свет не заслужит окончанья света.

АВС

Довольна я, что не узнаю,
что обо мне подумал А,
что В простил я забываю.
«В порядке всё!» – решила С,
во всём участвовала D?
Е – молчаливая везде.
И ожидал ли что-то F
G точно знала, – это блеф.
H что-то скрыл, – всем стало ясно.
Прибавить звук хотела I
была я рядом, – чёрт возьми,
асё налицо, но всё напрасно...
Что J и K, что L и M –
всё это в области дилемм, –
их алфавит хранит в запасе.

[297]

Д и П / 2019

ДЕЛИКАТНОСТЬ СЛЕПЫХ

Я читаю стихи слепым, –
это сложно, и очень трудно.
Каждый звук порождает дрожь,
даже руки во власти дрожи..

Ощущаю, что строки стихов
тонут в темени глаз незрячих.
И представить должны они
обесцвеченные сюжеты,
и впитать стихов откровенье, –
россыпь звёзд, что живут в стихах,
облака, лунный свет и солнце,
рыб серебряных под водою,
пятна чёрных орлов на небе.

Я читаю, но потемнело:
вот, малыш – в жёлтом, луг зелёный,

Леонид Бердичевский

черепица на доме серая,
номера на спортивных майках,
обнажённая встала у двери.

Вспоминаю, хоть сложно вспомнить,
фигуры святых на костёле,
прощание в окнах вагона,
стекло в микроскопе и перстне,
зеркала, как фотоальбомы.

Но, как деликатны слепые,
как спокойны и терпеливы,
улыбаясь, ладоши сдвигают.

Робко книги моей касаясь,
хоть она и вниз головою,
и автограф просят на память.

[298]

Елена Зельгер

[299]

Райнер Мария
Рильке

(1875 – 1926)

ПАНТЕРА

Ей всё равно
Весь мир подёрнут мутью.
Нет ничего
Лишь прутья, прутья, прутья.

Кружит давно
По тесной клетке ртутью.

Отрешена
И тело, как в забвеньи.
Лишь на мгновенье –
Дано прозренье –
Зрачка светлеет дно...

И дальше вертится веретено.

ВЛЮБЛЁННЫЕ

Врастая друг в друга
и духом, и плотью.
Сплочённые жаркой,
пронзающей осью,

горя и желая взорваться
О, Жажда!
Её утолите
не раз и не дважды.

Не тронь их, не тронь их!
Позволь им сразиться,
в огне утоая,
друг другом напиться.

ПАДЕНИЕ

С небесных падает и падает садов
Увядшая листва в прощальном жесте.
Отверженный... И сердце – не на месте.

Ночами, в одиночестве паря,
Сквозь звёзды падает тяжёлая Земля...

Мы падаем... И падает рука.
Смотри, в других такое же Паденье.

Но, есть Один, чьё Вечное Терпенье
С бездонной нежностью нас держит на руках.

Герман Гессе

(1877 – 1962)

НАЧАЛО ОСЕНИ

Туманно осени дыханье.
Не всё нам лето – вышел срок.
Вечерней лампы огонёк
Влечёт домой с прогулки дальней.

Сад гол – чуть выйдешь за порог –
Там тлеет огненной надеждой
Лишь дикий виноград мятежный.
Не всё нам лето – вышел срок.

Ты, юных дней весёлый Бог.
Твоё не дорого мне злато.
Не в радость, что ценил когда-то.
Не всё нам лето – вышел срок.

О, ты Любовь! – Прекрасный дар!
Моя пожизненная страсть.
Моей крови даёшь пожар!
Ужели можешь ты пропасть?

[301]

Д и П / 2019

Елена Зелгер

Регина Кон

С немецкого

Марианна Райн

(1911 - 1942)

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Вдруг дождя запела арфа,
Покоряясь ветра силе.
Будто по хрустальным нитям
Мягко капли заскользили.

Черноту ствола сырую
Изумрудный луг вздымает,
Словно влажную корону
Великан листву склоняет.

Как огнём волшебным розы
Под рососою полыхают,
Серебристою вуалью
Дождь их нежно пеленает.

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЬ

Как расточает серебристый
Фонтан те капли хрусталя,
Что в солнечных лучах искристы,
Так льётся песня соловья.

В чудесном ярком семицветьи
мельчайший атом расплётён,
И в красоте флейтово-нежной
Сплелись все звуки безмятежно, –
Души настроен камертон.

ДЕТСТВО

[303]

Ещё не так высоки были небеса,
но синева их ярче, чем сегодня.
За ними обиталище господне,
Чья борода, как пена у лица.

Мир был велик, но и не отдалён.
Лежал как будто перед башмаками.
По лестнице сойдёшь, и за дверями
Уже бежит тебе навстречу он.

Заманчивое открывалось нам,
Оно манило из земного чрева,
Из каждого цветка, травы и древа
Звенело и впускало в тайны храм.

Дневные хлопоты, таинственные сны
Пока ещё друг другу доверяют
И брат, и сёстры, рядышком шагают,
На шее – бусы, что из сказочной страны:

А ночь сидела, скорчившись в углу,
О, этот страх, волшебный, тёмно-серый!
Но ангел прилетал и всё светлело,
Спасал детей, рассеивая мглу.

Но только вдруг терялась иногда
И речь, и мысль, как камушек в потоке,
Когда в своём стремительном галопе
Его ласкает и несет вода.

Пред влагой слёз неожиданно ты – слаба,
Не сразу будет взгляд твой просветлён,

Помогут ли забвение и сон?
Но где-то в нас уже плелась судьба.

ПОРЫВ

Огонь, что нарисован – не согреет,
Любовь опишешь, ну и что с того?
И утолить сердечный голод не сумеет
Стишок альбомный друга твоего.

Мне нужно тоже действовать и жить!
Пусть будут наяву и боль, и Рай!
Я вглядываюсь в даль, и всё дрожит,
Кричу судьбе: «Готова я, давай!»

Готова я и к тяжести потерь,
Ведь память всё сторицей возместит.
Жизнь горячо пульсирует теперь,
Мне рук и воли силу укрепит.

Устала, ну и что ж, сомненья нет,
Не слабостью, спокойствием полна.
Увянет и прекраснейший букет.
А я вот не ломаюсь, не должна!

Валерий Матэтский

[305]

С английского

Марк Стрэнд

НЕИЗБЫВНАЯ ТОСКА

Те часы, которые были даны, чтобы купаться в сиянии воображаемого будущего, быть вовлечённым в потоки любовных обещаний или страсти, настолько сильны, что навсегда чувствуешь себя изменённым и убеждённым, в том, что даже самая маленькая частица окружающего мира стала обвиняемой в невозможном величии; ах, да, и можно смотреть на деревья и быть в восторге от слабющего ветра реки бледно-золотистой листвы, каскадирующей вниз, и высокого, мелодичного пения бесчисленных птиц; эти моменты далёкого прошлого ещё вернутся, но ненадолго, как светлячки в ароматной жарё летней ночи.

МЕСТО

Дереву Уолкотту

Вот это место. Стулья белые. Стол блестит.
Человек, сидящий там, смотрит на бледное сияние.
Ветер, как бы очищая пространство,
Многokrатно перемешивает воздух вокруг. – Место, как для меня, – думает он.
Его всегда тянет к легковесным прощаниям,
Которые он устраивает так, что горе – даже самое близкое –

Видится, как бы издалека. Длинный слой облаков
Висит над открытым морем с солнцем; солнце
Равнодушно тонущее в нём, – мягкая версия
Истории, которая рассказывается только однажды, если это так, и
всегда слишком поздно.

Официантка приносит его напиток, который, на мгновение,
Попадает в поток угасающего света.

Красный цвет напитка загорается на его рубашке. Небо постепенно
темнеет,

Ветер стихает, всё вокруг приобретает возвышенный характер.

Кажется, что

Одни только фиолетовые сумерки в этот лёгкий вечер, более чем
причина

Для того, чтобы быть там; чтобы видеть это; что это, само по себе,

Счастье, как если бы этот простой факт был самодостаточным и
длился бы бесконечно.

КОНЕЦ

Не каждый знает, что он будет петь в конце,

Наблюдая с пирса, как уплывает корабль, или как это будет выглядеть,

Когда рёв моря удержит его, неподвижным, там, в конце;

Или на, что он будет надеяться, когда станет ясно, что он никогда не
вернётся.

Когда придёт время подрезать розу или приласкать кошку;

Когда закат подожжёт газон, а полная Луна, замораживающая его,

Больше не появится, не каждый человек знает, что он откроет вместо
этого.

Когда вес прошлого ни на что не опирается, и небо,

Это не более, чем запомнившийся свет, а рассказы о перистых

И кучевых облаках закончились, и все птицы зависли в полёте,

Не каждый знает, что ждёт его, или что он запоёт,

Когда корабль, на котором он находится, проскользнёт во тьму, туда,
где конец.

Сара Теусдейл

ВЗГЛЯД

Стивен целовал меня весной,
Робин осенью,
Но Кóлин, только смотрел на меня
И никогда не целовал вообще.

[307]

Поцелуй Стивена был в шутку,
Робин проиграл в игре,
Но поцелуй в глазах Кóлина,
Хватает меня днём и ночью.

Флер Тальбот

ВНЯТНО

Он никогда не звонит, он никогда не приходит.
И я тоскую? Нет, никогда!
И когда он тонет в мрачной угрюмости,
Я становлюсь мудрей,
И никому не удастся меня одурачить.
Никогда.

С итальянского

Альда Мерини

ЧУВСТВО

Мне нравится глагол, который я чувствую.
Чтобы почувствовать звук моря, понюхайте его.
Почувствуйте звук дождя, омывающий ваши губы, почувствуйте
ручку,
которая отслеживает чувства на белом листе.
Почувствуйте запахи тех, кого любите, услышите их голоса
и почувствуйте это своим сердцем.
Чувство – это глагол эмоций, который лежит на спине мира, и
чувствует.

Агостино Дега

ОНА ВЫБРАЛА УЛЫБКУ

Она была действительно уникальной женщиной,
тонкой, не отягощённой монотонностью жизни.
Она держала всё в себе,
и в душе у неё была элегантность.
Она больше никого не преследовала.
И всегда отказывалась от сложностей в любви, просто хотела
лёгкости,
далёкого полёта.
В ней было что-то блестящее, эфемерное, хотя и не эфирное,
напоминающее сухое, легко потягиваемое вино.
Мало кто понимал, что нет никакой разницы между её улыбкой
и её плачем.
Она выбрала улыбку
и изысканную, неожиданную гармонию жестов.
Она часто улыбалась, потому что чувствовала себя более
защищённой.
Более уверенной.
Вот почему она улыбалась.
Вот почему она считала себя счастливой.

С португальского

Норма Бонтемпи

СТРАННАЯ

Меня всегда осуждают,
Как «странную» или «другую»...
Но знаете что?
Я скорее умру,
Чем стану такой,
Как весь остальной мир.

[308]

Д и П / 2019

Новые переводы

**Белла
Якубова**

[309]

С немецкого

**Гуго
фон Гофмансталь**
(1874 – 1929)

ВДВОЁМ
сонет

В руке она несла бокал,
дрожали рот и подбородок.
Уверенность владела ходом,
бокал ни капли не терял.

Рука легка. Он ехал подле
на лошади. Сидел в развал,
с ухмылкой колкость ей сказал,
как будто бы в вино ей додал.

Стал близок диалог к скандалу,
он руку протянул к бокалу,
но взгляд уж начинал блуждать.

Как молния промчалась искра
по телу, – вспенивая быстро
вино, чтоб землю удобрять.

Герман Гессе

(1877 – 1962)

День меня сегодня утомил,
только бы заснуть – одно желанье,
небо в звёздах прибавляет сил
и детей своей сгребает дланью.

Даже руки пожелали спать,
только мысли склонны к размышленью,
голову они пустили вспять, –
я дремлю, уже поддавшись лени.

Но душа не спит и рвётся прочь
на свободу. – там парить вольготно,
но настойчива, как прежде, ночь, –
знать, что лишь ко сну она пригодна..

Готфрид Бенн

(1886 – 1956)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Крепки болезней наважденья, –
пройди сквозь «я» и «мы» и «ты»,
перешагни через терпенье
«зачем» и «почему» хребты.

Путь это детские вопросы,
кишит в них знаний шумный рой,
ныряет мысль сквозь смех и слёзы,
ответы слышатся впервой.

О море, о снегах и розах,
начале жизни, и – конце,
рассветах ярких, и заносах,
сетях морщинок на лице.

Эрих Кестнер

(1899 – 1974)

ДОЖДЛИВЫМ НОЯБРЁМ

Наденьте изношенных пару ботинок,
что в келлере старом пылятся давно.
Лежат искорёжены в серой корзине,
и там прикрывают плетёное дно.

Когда вы промёрзли от ветра и стужи
и вас промочила погоды напасть,
вам эти ботинки вновь станут не чужды,
к прогулкам у вас не утрачена страсть.

Устал моросить надоедливый дождик, –
умыта листва, – заблестела опять.
Лишь кривится ветер на лиственной коже,
и после её он спешит обрывать.

А к вечеру снова хрустальные капли
асфальту интимно шептали слова.
Из луж доносился их трепетный запах,
лишь лес укрывал от дождя озорства.

Но всё оказалось не так, как приснится,
теперь торопитесь с прогулки домой.
Ведь осень, слегка спотыкаясь, но мчится
и, в целом, довольна своею судьбой.

На транспорт не стоит питаться надеждой,
бегите – пол тёплый, проверенный кров.
Ботинки снимите, халат свой наденьте,
и тем разогрейте застывшую кровь.

[311]

Д и П / 2019

Бэлла Якубова

Карл Кролов

(1915 – 1999)

**ЧТО ВЗЯТО –
ОСТАЛОСЬ...**

Что взято – осталось.
Поестъ бы, хоть малость
той пици, что с нами...

Тянуть до обеда
без вздоха, без следа,
впитавши глазами...

Доставлена срочно
реклама по почте
с косметикой – дамам...

Живём в полумраке
без солнца, как раки,
и бредим лучами...

Все в сырости стены,
но ждём перемены,
и днём и ночами...

К себе нам осталось
испытывать жалость,
хотя бы словами.

[312]

Д и П / 2019

Новые переводы

[313]

Д и П / 2019

Гости альманаха

Леонид Березин

*К 80-летию начала Второй Мировой Войны.
К 75-летию освобождения Ленинграда от блокады
немецко-фашистских захватчиков.*

ПАСТУХ-ЧАБАН

ШКОЛА ЖИЗНИ И МОЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Знаете ли вы, уважаемый читатель, что значат эти малознакомые многим из нас слова «пастух-чабан»? Конечно, нет. Тем более, нам – детям, выросшим в городе, в городских условиях. Даже для тех из нас, кто до войны учился в начальных классах школы, много читал и был знаком с «Гиперболоидом инженера Гарина», знал и уважал «Старика Хоттабыча», эти слова стали реальностью только в колхозе в годы Великой Отечественной Войны, которая научила нас бороться, преодолевать невероятные трудности и невзгоды.

Первая военная, блокадная, затем сибирская – снежная, суровая и морозная, вьюжная и голодная зима пережита с большим трудом. Наступила долгожданная весна. В мае 1942 г. сданы успешно экзамены за пятый класс. Каникулы. Но здесь не было пионерлагерей – не до отдыха. С раннего утра до позднего вечера, наравне со взрослыми, мы должны были работать – и дома, и в поле. Мы – пионеры, все были патриотами и очень хотели, чтобы война как можно быстрее закончилась победой нашей страны над фашистами. Главный лозунг военной поры: «Всё для фронта! Всё для победы!» День и ночь флаг с этим призывом развивался над сельсоветом и правлением колхоза имени Т. Г. Шевченко. Сибирская деревенька, со странным названием «Жестки», входила в состав этого колхоза. Находилась она в лесостепной зоне Западной Сибири в Октябрьском районе Челябинской области, в 120 км бездо-

рожья от областного центра. Многие из нас работали на МТФ.¹ Основную работу выполняли доярки, телятницы и подростки-пастухи. В состав МТФ входили стада коров и телят, две отары, одна – обычных и одна – дойных овец. Доярки ухаживали, кормили и вручную доили в зимнее время года около сотни коров – утром и вечером. Летом – по три раза в день.

Когда дойка заканчивалась, все бидоны (по 36-40 литров) плотно закрывали крышкой и приёмщица грузила их на бричку². Затем она, городская, слабая жительница, запрягала лошадь и отправлялась за несколько километров в райцентр, на молокозавод. И снова, тяжёлая работа – снять бидоны с брички, занести их в помещение и высоко поднять каждый до чаши сепаратора³ – весь надой пропустить через него. Из сливок сбивали сливочное масло, а из обраты изготавливали козеин – вся продукция шла для фронтowych госпиталей. На МТФ возвращались пустые бидоны и остаток «Обрата», которым поили молодых телят. Я вспоминаю всё это, потому что приёмщицей молока, грузчицей и извозчиком трудилась моя незабываемая и любимая тётя Вера – главная сила и опора нашей семьи в эвакуации.

В школе нас учили многому, только не реальной жизни. Вот несколько фрагментов, запомнившихся мне на всю жизнь. Ветеринар, очень пожилой человек из эвакуированных, и колхозный пастух – инвалид прежних войн, строго следили за «работой» одного, на всё стадо, огромного, могучего быка-производителя с кольцом в ноздре. Главное, чтобы в стаде оставалось как можно меньше, так называемых, не огуленных – яловых коров. Чем больше в стаде яловых коров, тем меньше будет в новом сезоне молодняка, и станут ниже надой молока – яловая корова ни приплода, ни молока не даёт. Виноваты работники фермы, если корова не захотела «общаться» с быком-производителем. Не секрет, что за малейшее упущение в работе могли серьёзно наказать. Как правило, уже в ноябре начинался отёл и завершался он в мае-июне. Стадо телят надо пасти отдельно от других стад. За ним зорко следит телятница, тётя Клава. Самым маленьким телятам уделяется наибольшее внимание. Их надо холить и лелеять, ни в коем случае нельзя допустить падёж молодняка. Самых маленьких телят надо поить натуральным молоком ранним утром до выгона в поле, и во время паузы на обед тоже надо дать им немного попить молока. Так продолжается до тех пор, пока телята не подрастут и не окрепнут.

Соседский мальчик в школу не ходил и целыми днями, с ранней весны один пас колхозное стадо телят. Ко времени нашей встречи он уже был знатоком своего дела. Мой первый рабочий день в роли пастуха телят начался задолго до восхода солнца. Однажды, мой «теля-

чий» учитель забежал за мной, и целых три дня мы пасли стадо телят вдвоём. Я быстро усвоил, как мне показалось, основные премудрости пастушьей работы. На четвёртый день я остался один на один с семьюдесятью телятами. Как обычно, ранним утром прибегаю на ферму, выгоняю телят из телятника, а тётя Клава подзывает меня к себе, улыбается и тихонько говорит: «Сынок, ты такой маленький, худенький, как ты сможешь управиться с такой своенравной скотиной? Тебе надо подкрепиться. Вон там стоит тазик, из которого утром я поила молоком телят, они немножко не допили, так что остаток этот – тебе. Пей на здоровье!»

На следующее утро я уже прибежал в телятник с горбушкой, так называемого, чёрного хлеба. Его основа – коричневая мука-пыль из семян лебеды, которую мы сами мололи на домашних жерновах, чудо техники с древнейших времён, немного смолотых картофельных очисток, чуть-чуть пшеничной муки, вода, соль, опара и что-то ещё. Один раз в неделю в русской печи пекли несколько буханок этого хлеба. Травили его экономно, так, чтобы хватило на всю семью на целую неделю. Я считал, что мне крупно повезло с работой в колхозе – с большим удовольствием выпивал остаток свежего натурального молока с кусочком эрзацхлеба. Есть хотелось всё время, поэтому дополнительное питание мне очень помогло бороться с голодом. Только много лет спустя я смог оценить предложение тётя Клавы. Ведь это был, с её стороны, настоящий подвиг. После дневной паузы я снова бежал на ферму, выпивал через край из медного тазика, как молодой телёнок, свою, теперь уже незначительную, порцию молока и выгонял своих питомцев на пастбище. С заходом солнца, как правило, благополучно возвращался на ферму. Так продолжалось всё лето. Я справлялся с работой молодого пастуха молодняка и за один рабочий день зарабатывал только один трудовень. Правда, результат оплаты станет известен только в конце сельскохозяйственного года. Колхоз рассчитается с государством, сдаст всё для фронта, правление подведёт итоги и примет решение. Например, «выдать колхозникам по двести граммов пшеницы на трудовень?!» А как же жить целый год? Ведь хлеб был основным продуктом питания. Колхозники кое-как могли прожить за счёт своих подсобных хозяйств. Но у нас не было ни коровы, ни овец, ни кур, ни свиней. Нас ждала зима впроголодь! Но мы – блокадники, дети фронтовиков, не поддались холоду и голоду. Научились заготавливать в лесу дрова на зиму, копать, сажать, полоть, окуривать, поливать свой огород, а осенью – снимать урожай. Семья большая, на двоих взрослых – двое малышей и двое школьников. О всех надо позаботиться, всех надо накормить.

Летом работали без выходных. Не всегда всё шло гладко. Однажды, совсем в начале моей пастушьей жизни, произошло следующее приключение. Известно, что телята хотят кушать каждый день. И как только я выгонял их из телятника, обгоняя друг друга, вприпрыжку, они мчались, куда глаза глядят. Наконец-то первый голод утолён, темп замедляется, движения становятся более спокойными, но некоторые ещё продолжают медленно щипать травку. Телята, как мне тогда показалось, начали меня понимать, слушать мои команды и стали устраиваться отдохнуть. Моя бдительность снизилась. Погода – отличная, я присел на траву, читаю книжку и одновременно слежу за поведением стада, но незаметно для себя – заснул. Как долго я спал? Не знаю. Думаю, что не долго. Очнулся, протёр глаза и «о ужас!» Ни одного телёнка в поле зрения не видно. «Что делать? Куда бежать? Где искать телят?» Дело в том, что часам к десяти-одиннадцати утра солнце уже хорошо пригревало, природа оживала, роса испарялась, бабочки и другие насекомые просыпались. В то лето среди них особенное беспокойство телятам стали причинять слепни. Раньше я ничего о них не слышал и не знал. Представьте себе небольшого роста щупленького мальчишку тринадцати лет, стоящего с книжкой под мышкой посреди огромного поля. Небо голубое, ни облачка, солнце яркое сияет, звенящая тишина. «А где же мои подопечные?» В тёплые летние дни слепни становились особенно активны, целыми роями кружились в воздухе в поисках жертвы, издавая неприятный зудящий звук «бззз...» Как позднее я понял, именно этот звук возбуждал нервную систему телят и у них начинался «БЗИК»! Найдя жертву, слепни налетали, впивались жалом, больно кусая. Особенно страдали от слепней пастухи и совсем молодые телята. На коже появлялся огромный волдырь, который долго чесался и не проходил. Услышав этот противный звук, телята начинали отмахиваться хвостом, крутить головой, дёргать ногами, но ничего не помогало. Спаситься от «бзика» они могли только бегством, спрятавшись в тени ближайшего перелеска или зайти в воду озера. Сломая голову я бросился искать телят. Зона – лесостепная. Бегу в сторону фермы. Кругом – хлебные поля, берёзовые перелески и только вокруг небольшого озера сосновый бор. Сосна в этих краях редкое явление. Кстати, в этом же бору находилось деревенское кладбище. Но тогда я не обратил на него никакого внимания. Я был озабочен тем, как найти стадо телят. Мне повезло: все они стояли, успокоившись в бору, помахивая хвостами и, видимо, ожидали меня. Хорошо, что это волнующее приключение закончилось на этот раз благополучно. Наглядный урок на будущее.

Война всё ещё продолжалась. Преодолевая невероятные трудности

жестокой зимы, мы с сестрой успешно закончили шестой класс. Наступило лето 1943 г. Руководители МТФ поручили мне пасти стадо дойных овец. Это примерно сто голов мелкого рогатого скота. Доили овец в основном в летнее время, для чего предварительно их загоняли в специальный индивидуальный загон. Молоко сливали в бидоны и отправляли на молокозавод, где изготавливалась брынза, которую посылали раненым на фронт. Опыт работы пастухом телят, полученный предыдущим летом, мне пригодился, несмотря на то, что поведение овец, их повадки существенно отличались от телячьих. И снова всё лето с утра до позднего вечера я работал на нашем огороде и пастухом овец.

Зима 1943-1944 гг. оказалась самой тяжёлой для всей нашей семьи. 24-го января 1944 г. в боях за освобождение Ленинграда от блокады погиб мой отец. Прах его покоится в братской могиле-мемориале на четыреста человек на станции Елизаветино, недалеко от города Гатчина. В послевоенные годы в День Победы я всегда бывал там с моим сыном и родными. В феврале новый удар судьбы – скончался мой любимый дедушка. Завернули его в талес, положили в гроб тфилин и два молитвенника. Гроб поставили на сани и тихонько повезли на деревенское кладбище в сосновом бору. Не сбылась моя мечта – побывать там и навестить его.

Наступила весна. Закончился очередной учебный год. И снова всё лето 1944 г. с раннего утра до позднего вечера – пашем, полем, поливаем, окучиваем, убираем, выкапываем, засыпаем в погреб на зиму разные овощи и картошку.

Этим летом мне доверили пасти большое колхозное стадо овец более пятисот голов. За эти годы я подрос, набрался сил и опыта работы пастухом. Но пасти такое большое стадо овец – совсем другая работа. Надо понять их повадки, изучить элементы стадного поведения. Это смешанное стадо, в нём кроме бывалых, красивых овец, с прекрасной шевелурой до тех пор, пока их шерсть не постригут, много молодых ягнят, пара статных, крупных баранов-вожаков с оригинально закрученными рогами и одна – неказистая, слегка прихрамывающая, овца. Теперь я уже не просто пастух, а пастух-чабан, отвечаю головой за сохранность всего поголовья. Суметь сохранить стадо без потерь оказалось не просто. К концу лета, ближе к осени – участились встречи с хищниками. Однажды, ранним утром гоню стадо на пастбище. Вдруг все овцы метнулись в сторону. Что случилось? Может быть, их испугали вороны или взлетевшая стая перелётных гусей? Нет. Откуда ни возьмись, появился здоровенный седой или почти белый волк. Он вцепился в бок самой слабой овцы, забросил её себе на спину и,

не спеша, стал убегать в сторону леса. У меня в руках только палка. С диким воплем я бросился на хищника, стал отбивать палкой свою овцу. Я слышал, что это не местные волки, а пришельцы, бежавшие с запада на восток от войны. Они очень опасны, агрессивны. Говорят, что однажды осенью волки набросились на пастуха из соседней деревни и сильно его погрызли, поранив почти до смерти. Он еле выжил, стал инвалидом. Но в этот момент я не думал об опасности для жизни. Главное – отбить овцу и отогнать волка подальше от стада. Волк хотя выпустил из пасти окровавленную жертву, покрутил головой по сторонам и, не спеша, стал двигаться параллельно со мной по другую сторону канавы. Овца упала на землю. Часть внутренностей вывалилась наружу. Овца-двухлетка была ещё жива. Глаза у неё были грустные. Она не хотела их закрывать. Я громко кричал: «Волки, волки, на стадо напали волки!» Видимо свершилось чудо, ветер донёс мои вопли до людей и меня услышали на ближайшей конюшне. Вскоре на помощь прискакал конюх с охотничьим ружьём в руках. Он погнался за волком, отогнал его в лес и вернулся ко мне. Что происходило со мной в это время? Я – не Маугли. Для меня – это не сказка, а первое в жизни знакомство с диким, голодным зверем в борьбе за жизнь, с глазу на глаз. Конюх быстро соскочил с коня, надо было спешить прикончить овцу, пока она была ещё жива. Ловко вытащив из-за пояса нож, он перерезал овце шею, обождал пока сольётся кровь, взвалил тушу на коня и ускакал. Я думал, что когда вернусь к вечеру на ферму, меня ожидает наказание за потерю овцы, но к моему удивлению меня не ругали.

Чуть позднее я даже получил в подарок кусочек свежего мяса, как и другие колхозники, у которых тоже случились встречи с волками.

Хочется вспомнить ещё один эпизод из моей жизни чабана. Когда хлеба скошены, тогда пасти овец становится легче. Овцы спокойно бродят, держатся очень кучно, близко друг к другу, подбирая остатки урожая. Я с другими мальчишками-пастухами взглянул на расположенное поблизости морковное поле. Нарвали морковки. Сбегали к ручью, помыли. Взобрались на высокую скирду соломы. Сидим, болтаем. Солнышко светит по-осеннему, слегка пригревает и мы, не спеша, едим морковь. Вдруг, мои овцы мгновенно разделились на два стада и бросились в разные стороны. «Что или кто их так испугал?» Кубарём слетаю вниз и бегу к овцам: в нескольких шагах стоит серая мать-волчица, которая вывела своих детей на учебную охоту. Волчата с двух сторон вцепились в полугодовалого ягнёнка. Каждый тянет к себе, а волчица наблюдает за ними и грозно рычит на меня. Я с криком бросаюсь на молодых хищников с палкой. Отбиваю ягнёнка. Он, как ни в чём ни бывало, отряхнулся и затрусил к стаду. Волчата не спешат

покинуть поле боя. Волчица-мать подаёт им сигнал для продолжения охоты. Я кричу, машу палкой и делаю шаг в сторону одного из волчат, затем шаг в сторону другого и так шаг за шагом борюсь один со стаей хищников. Невдалеке от нас, за следующим стогом соломы – ещё несколько волков, видимо выбирают удобный момент для нападения. Наконец- то мальчишки услышали мои вопли и бросились ко мне на помощь. Вся ватага включилась в борьбу. Мы пошли в наступление, начали бросать в волков комья земли до тех пор пока стая не разбежалась. Я не мог понять, что же произошло с ягнёнком? Пару дней я ничего не замечал. Однажды, когда я в конце дня гнал стадо на ферму, то заметил, что ягнёнок, побывавший в пасти волчат, начал отставать от отары. Я сказал об этом ветеринару. На следующее утро, прежде чем настезь открыть ворота овчарни для выгона овец, появились ветеринар и бригадир. Они встали у ворот, чуть-чуть приоткрыв дверцу овчарни и выпуская их по одной, начали считать – пятьсот тридцать три овцы. А вот – и наш герой. Его схватили за ноги, положили на спину на стол. Он жалобно блеял от боли. Нашим глазам открылась причина его хромоты – рана между ног. Волчата отгрызли ему мошонку. После операции и нескольких перевязок ягнёнок поправился. Хорошо, что я вовремя заметил его хромоту, и раненый ягнёнок был спасён от гибели. Эти эпизоды лишь маленькая часть пережитого нами, детьми войны, в борьбе за жизнь, за Победу!

Летние каникулы закончились. Заканчилась и моя незабываемая, неповторимая, трудная чабанская эпопея. Скоро начало учебного года, и все дети должны пойти в школу. А меня заменить пока некем. Продолжаю пасти овец почти до конца сентября. Возможно, руководители фермы думали, что у них работает самый читающий, самый грамотный пастух, что и семи классов образования ему достаточно. Они надеялись, что я буду работать, пока не выпадет снег. Осень в Сибири быстро заканчивается, приближается зима. Хлеба скошены, сено, силос заготовлены, план сдачи зерна государству выполнен: нынче вырастили хороший урожай зерновых – двадцать центнеров пшеницы с гектара. По меркам далёкого прошлого это высокий результат. Так что – после подведения итогов года, может быть, на заработанные трудовые и нам что-нибудь достанется, и мы не будем голодать. В то лето я заработал двести трудовых! Немногие простые колхозники могли похвастаться таким результатом за весь год. А я, городской подросток, внёс свой скромный вклад в дело Победы над врагом.

БЕРЛИНСКИЙ ТАКСИСТ

В последнее время многим нашим коллегам, посещающим «Tagespflagestation»⁴, стало трудно ходить, тяжело встать, сесть, порой даже стоять. Проще всего и надёжнее – лежать. Но, как гласит старинная поговорка: «Движение – жизнь». Трость, костыль, ролятор всё чаще становятся неременными нашими спутниками. О прекрасной прогулке в солнечный день по парку приходится только мечтать. Нынче в Берлине весенние дни выдались особенно приятными. Небо кажется необъятным, бесконечно глубоким и притягательно голубым. По всему телу разливается благодать. На душе становится тепло и хочется жить и жить. Багульник распускает свои нежные жёлтые глазки. Несмотря на такую благодать дойти до остановки автобуса не просто. Постоянно угнетающие, тупые боли в спине сменяются острыми болями в суставах. Приходится терпеть и не допускать неосторожных движений. Болят ноги, которые ведут себя как-то странно.словно дюжина недовольных чертенят бегают по ним. Прежде, чем выйти из дому, не забыть принять лекарство, которое поможет выдержать трудности и тяготы пути. Но, как и прежде, хочется успеть везде и не пропустить ничего интересного и, как нам кажется, самого важного события в культурной жизни еврейской Общины Берлина, района, а иногда и города. Этот день не является исключением. Сегодня – встреча ветеранов Великой Отечественной Войны, радостный праздник весны «Пурим» – праздник спасения еврейского народа от полного уничтожения в древнем Персидском царстве. Это единственный праздник в году, когда разрешается выпить так, чтобы не отличить Ахашвероша от Хамана!

Надо прибыть к началу встречи и не очень устать в пути. Общественным транспортом не успеть. Есть «палочка-выручалочка» – городское такси. Быстро набрав номер, слышу вежливый голос: «Willkommen bei Taxifunk. Wen Sie sofort brauchen Taxi, drücken Sie bitte „Eins“, wenn Sie wollen sprechen mit uns, drücken Sie bitte „Null“»⁵. Мгновенно нажимаю «единицу» и сразу слышу в ответ: «Ihre Taxi kommt in Fünf Minuten»⁶. Быстро одеваемся, трость в руки и спешим на выход. Такси к порогу дома подъехать не может – надо преодолеть пару сот шагов. Наконец, подходим к такси. Какое совпадение: широко улыбаясь, нас приветствует многолетний знакомый, водитель Педро Бонеччи. Много лет он работает на ближайшей к нашему дому автостоянке. Изредка наш заказ достаётся ему. Время поездки с ним пролетает незаметно, почти мгновенно. Начинается наша беседа обычно с обмена глобальными новостями. Затем, переходим на новости местного, иногда семейного или культурного характера. Каково же было сегодня наше удивление:

[321]

Ди П / 2019

Леонид Берзин

он начал рассказывать содержание недавно прочитанной им книги, которая произвела на него сильнейшее впечатление. В книге шла речь о том далёком времени, когда к власти в Германии пришли нацисты. В стране начался страшный геноцид по национальному, сексуальному, религиозному признакам. Многие жители этой культурной страны не верили, что только за это людей будут преследовать и уничтожать. Поняли они это слишком поздно, когда уехать, скрыться от нацистов практически стало невозможным. В результате, около пятидесяти пяти тысяч евреев, –жителей Берлина, были сосланы в лагеря смерти и уничтожены. Память о многих из них увековечена надписями на тысячах «Stolperstein» («Камни преткновения»), размещённых перед входом в дома, где когда-то жили погибшие. Но в то время находились смельчаки, отважные люди, которые боролись с режимом всеми доступными методами. Они спасали детей и взрослых, друзей, знакомых и мало знакомых людей от верной гибели. В книге рассказывалось о реальных событиях спасения своих друзей евреев одной немецкой семьёй, проживавшей в центре города, по Курфюрстендамм, под носом нацистских ищеек. Педро был настолько потрясён смелостью этих людей, которые, рискуя собственной жизнью, совершали подвиг. Ему захотелось побывать в загадочной стране – Израиле, пройти по аллее в честь людей-спасителей. Было интересно слушать его рассказ, полный драматизма и переживаний, наблюдать за выражением его лица, поверить в искренность его ощущений от прочитанного. Хочется верить, что наш таксист не одинок, и тёмному прошлому нет возврата.

¹ Молочно-товарная ферма;

² Вид телеги;

³ Аппарат, разделяющий молоко на сливки и обрат;

⁴ Дневная служба ухода за пожилыми людьми;

⁵ «Добро пожаловать в Такси! Если Вы немедленно нуждаетесь в такси, нажмите, пожалуйста, “1”, если Вы хотите говорить с нами, нажмите, пожалуйста, “0”»;

⁶ «Ваше такси прибудет через пять минут.

Михаил Вайман

[323]

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Был благодатным майский день,
природа утопала в неге,
и даже прошлогодний пенёк
готов был выбросить побегом.

Мы рады были той весне,
и запахам набухших почек.
Потом ты подарила мне
свой нежный аленький цветочек.

Их дарят в памятную ночь
в порыве страсти обнажённой,
отбросив все сомненья прочь,
лишь целомудренные жёны.

* * *

Я с грустью поднимаю вежды¹
с тех пор, как в суете сует
бесследно потерял надежды
беспечных юношеских лет.

Я потерял к тому ж и веру
в то, что свободы голос жив.
И понял: нет на свете меры
и нет предела злу и лжи.

От лжи я затыкаю уши.
И об одном в душе молю:
не потерять бы только душу,
легко ранимую мою.

ДЕПРЕССИЯ

Стушается туман. Невыносимо
жить без надежд, тоскуя и скорбя.
Я прячусь от судьбы неумолимой
и вместе с тем – от самого себя.

Мне кажется, что я – в плену обмана
в снах наяву, где тяжек каждый день.
Преследует, пугая постоянно,
меня моя же собственная тень.

Под гнётом мук, душевных и телесных,
без устали я думаю о том,
как затеряться в сонме звёзд небесных,
иль раствориться в небе голубом.

ВДОХНОВЕНИЕ

Бывало так, что вдохновенья
ко мне являлась благодать.
И я в минуты озаренья
всё мог придумать, всё создать.

Любая спорилась работа.
Я ощущал почти испуг,
когда с орлиного полёта
всё открывалось мне вокруг.

Как будто выросли крылья.
И мне казалось: все цветы
мгновенно тайны мне открыли
своей нездешней красоты.

Легко я сочинял сонеты
и рифмовал: «Была весна –
с красою нашей всей планеты
любимых женщин имена».

* * *

О, Господи, зачем ты дал мне слух?
Куда теперь мне от кошмаров деться?
Ложь, крики, вопли, клевета – вокруг
и сквернословье, что я слышу с детства.

[325]

О, господи, зачем мне зренье дал?
Чтоб видел я уродства, язвы, раны,
Фальшивой красоты изъяны
иль чей-то угрожающий оскал?

Услышал всё же Бог мои слова:
теперь мои стареющие уши
всё, что вокруг, воспринимают глуше,
и виден белый свет глазам едва.

Спасибо, всемогущий Бог,
что ты мне всё-таки помог!

АННА ФРАНК

К 80-летию начала Второй Мировой Войны

«Мир молчал, когда вы умирали».
Нгози Адичи Чимаманда

Анна Франк, сколько лет тебе было,
когда ты написала «Дневник»?
Ты, конечно, те дни не забыла,
беспощаден был мир тот и дик.

Чтобы только украдкой смотрела
ты в окошко, – отца был наказ.

Кто-то там убегал от расстрела,
и толпу угоняли на казнь

знаменитых врачей и учёных,
и беспомощных малых детей.
Ты потом шла среди удручённых,
обречённых на гибель людей.

За какие грехи ты страдала
в безысходном, кошмарном аду?
Мир молчал, когда ты умирала
среди трупов в тифозном бреду.

P. S.

Стихи про Анну Франк не смог
я довести до совершенства.
Но этот факт во мне тревог
не вызывает совершенно.

Ведь, если находясь в плену
забот, я б не писал про Анну, –
пред памятью о ней вину
я чувствовал бы постоянно.

¹ Веки.

Александр Витзон

МОЯ ЛЕСНАЯ СКУЛЬПТУРА

[327]

«Природа! Мы ею окружены и охвачены – бессильно, не имея возможности из неё вырваться... Она вечно создаёт новые образы: что есть теперь, ещё никогда не было; что было – никогда не возникает вновь – всё есть новое и вместе с тем старое...»

И. В. Гёте «Об искусстве, литературе и природе»

К своеобразному виду искусства можно отнести такой вид творчества, как «Лесная скульптура». Её особенностью является содружество автора-художника с неповторимой природной пластикой. А многообразие природных форм можно только поражаться. В «Лесной скульптуре» человек придает природным формам художественную выразительность и завершенность.

Работа над лесной скульптурой завораживает. Находишь в лесу заготовку, и в тебе сразу же пробуждается фантазия. Или не пробужда-

ется – бывает и такое. Ты просто внутренне ощущаешь красоту природных форм, ещё не видя, какой эта работа предстанет в законченном виде. В твоём воображении возникают различные ассоциации, но ты никак не можешь «схватить» определённый образ. Тогда приходится отложить эту работу до лучших времён и ждать, когда к тебе придёт какая-то подсказка свыше.

За многие годы занятий «Лесной скульптурой», у меня нередко случалось, что заготовка до её финального завершения могла пролежать несколько лет. Она уже очищена от земли, от лишних сучков и веток, вымыта, высушена, но как-то не клеится. И вдруг, тебя что-то озаряет, и ты с воодушевлением приступаешь к работе.

В качестве примера, расскажу о своей скульптуре, которая называется «Лесной дух»

Однажды мой давнишний московский друг, живущий в Вуппертале, позвонил, сказав мне, что у них в ближайшем лесу на стволе высохшей берёзы находится огромный наплыв. Я сразу же загорелся, тем более, что мы с женой собирались этого друга навестить. По приезду мы спилили наплыв. Хотя я и очистил его от кусков отслоившейся коры и от трухлявой гнили, привезти его в Берлин было непросто – он весил около двадцати килограмм. Уже на месте дочистив его от «слабых» мест и выявив некоторые формы, я никак не мог представить себе конечный вид скульптуры. Много раз возвращался к ней, но всё было напрасно. И только через несколько лет мне ясно привиделся в ней ассоциативный образ какого-то лесного чудища с выразительной декоративной пластикой.

Как правило, мое внимание в лесу привлекают причудливо искри-

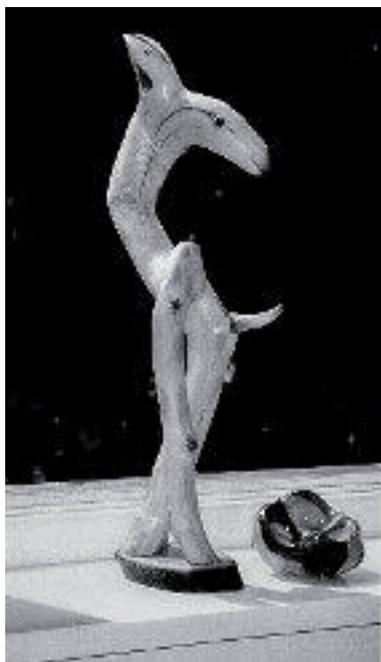

влённые стволы, изогнутые ветки, переплетённые корни, наросты на корнях и стволах – суевели и капы, и другие необычные формы деревьев. Они могут напоминать, пусть и отдалённо, предметы окружающего мира или просто вызывать те или иные ассоциации.

Расскажу об одной довольно крупной работе – настенном панно размером 1,5 x 2,0 м. В один из выходных дней я приехал на дачу. Накануне прошли грозовые дожди с сильными поры-

вами ветра. Я вышел прогуляться в лес и вскоре наткнулся на огромную, вывороченную ветром, сосну. Корневище было всё в земле, но когда я грубо очистил его, то увидел причудливо переплетённые корни, расположенные в основном в одной плоскости. Это вызвано тем, что корни сосны, в отличие от ели, имеют поверхностное залегание. А дальше пошла «одиссея». Понадобилось усилие четырёх мужчин, чтобы отпиленный от ствола корень, весивший 100 кг, вытащить на опушку леса, к дороге, и на тележке довести до дачи. Оттуда после долгих месяцев обработки, на машине с прицепом доставили это пан-

[329]

но, которое я назвал «Спрут», в нашу московскую квартиру.

Изделия из «Лесной скульптуры» могут иметь и прикладное значение, но при этом они должны обладать высокими эстетическими качествами. Например, – декоративная рамка, выполненная из дупла поваленной ольхи, которое привлекло моё внимание не только своей формой, но и богатой цветовой гаммой. Правда, случился казус: когда дупло было отпилено, из отверстия в стволе вылетел рой ос и сильно меня испугал. Мне удалось с трудом спастись бегством...

Примером «быстрой» работы является скульптура под названием «Пророк». На лесной обочине, напротив дачных участков, я заметил выброшенные кусты шиповника, корни которых показались мне инте-

ресными. Дома, после их осмотра и тщательного соединения нескольких кусков, я увидел в наметившейся скульптуре как бы профиль Моисея, державшего в руке скрижали. Дальнейшая обработка – подрезка деталей, их склеивание, подборка подставки и окончательная отделка – была, как говорится, делом техники.

Изделия «Лесной скульптуры» могут быть и составными, как скульптура под названием «Бемби». Как-то на поваленной сосне я увидел две ветки, из которых могла получиться интересная работа. И действительно, после их подрезки и соединения «туловища» и «головы», получилась забавная фигурка оленёнка. Место соединения на шее было затёрто специальной пастой и тщательно оттонировано.

Хотелось бы рассказать ещё об одной моей крупной работе, начало которой было положено в Москве, а

завершилось через десять лет уже в Берлине. Это декоративный столик, который я назвал «Кленовый лист». История его необычна. Однажды, идя на работу через парк, где спиливали большие деревья, я увидел пень, поверхность которого напоминала форму кленового листа. Мы с приятелем с помощью двуручной пилы сделали толстый срез, и появилась готовая столешница. Но мне никак не удавалось подобрать к ней подходящую ножку. Жена – мой главный критик, справедливо ни с чем не соглашалась. И только в Берлине, через несколько лет после приезда, мне посчастливилось в лесу Тегеля обнаружить нужную заготовку. Это был трёхпалый корень с декоративными капями, который идеально подошёл к столешнице. Эту работу я подарил своей жене к нашей золотой свадьбе.

Влечение к «Лесной скульптуре» возникло у меня только в зрелом возрасте. Толчком послужила поездка с друзьями, с палатками и байдарками, к истокам Волги в окрестностях озера Селигер. В местных лесах росло много можжевельника, на склонах часто попадались вывороченные кусты с искривлёнными стволами и причудливыми корнями. Вот там я и сделал свои первые работы.

Позже, много лет занимаясь в Московском обществе «Природа и

фантазия», я никак не предполагал, что это увлечение станет частью моей жизни, что я буду профессионально этим заниматься. Однажды близкий друг сказал мне: «Вот ты закончил престижный Бауманский институт, являешься высококвалифицированным конструктором прокатных станов. Многие годы проектировал металлургические заводы авиационной промышленности. Но я думаю, основное твое призвание – это художественное творчество – «Лесная скульптура». Сначала эти слова меня сильно удивили, а потом подумалось: «А, может быть, он прав?»

[331]

Мне представляется, что любой человек может заняться этим интересным творчеством, для этого не обязательно обладать профессиональными навыками – они непременно со временем придут. А для людей, особенно пожилого возраста – это не только стимул находиться в движении и любоваться красотой природы, но и возможность развивать свой художественный вкус, украсить интерьер жилища неповторимыми произведениями искусства, выполненными в соавторстве с природой.

Леонид Данцигер

ПРОГУЛКИ ПО РУССКИМ УЛИЦАМ БЕРЛИНА

В Берлине, за восемь веков его существования, пережившем прусскую империю, Веймарскую республику и времена нацизма, каждый может найти что-то интересное для себя. Давно никого не удивить и прогулками по русским местам города. Многие крупные представители русской культуры подолгу или эпизодически были его жителями. Здесь жили М. И. Цветаева, А. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский. Тут обитали В. В. Набоков и В. Ф. Ходасевич. Сюда захаживали В. Б. Шкловский и И. Г. Эренбург... В какой-то момент, встречая русские имена на указателях улиц Берлина, я задумался: «Сколько всего улиц, площадей, проспектов в немецкой столице названо в честь людей, родившихся в России?» К исследованию подключился мой давний друг, знаменитый берлинский историк и эрудит Б. Долинский. Хочется рассказать вам о местах, названных в честь «наших». С исследовательской целью мы объездили все эти места, сфотографировали таблички с названиями улиц и сделали эти записи.

Александрплатц. Самый заметный и значимый русский «след» в Берлине. Германия – единственная страна, где центральная площадь столицы носит имя, пусть и бывшего, главы зарубежного государства. Осенью 1805 г. в Берлин приехал русский император Александр I, чтобы заключить с Фридрихом III союз против Наполеона. В честь Александра I король Пруссии, Фридрих Вильгельм III, и назвал эту площадь.

Алекс – так зовут это место берлинцы, раньше был рыночной площадью и местом парадов. Вплоть до середины 19-го столетия площадь

служила для проведения учений, военных парадов, а для крестьян – местом для торговли скотом.

Неподалёку находилась частная практика врача Альфреда Дёблина, в свободное время писавшего романы. Как-то ему пришлось выслушать ядовитый вопрос от своей пациентки: «Скажите, не боитесь ли Вы потерять своё врачебное искусство, сочетая его с второразрядным писательством?» Выслушав даму, Дёблин доверительным голосом ответил: «Вы совершенно правы, уважаемая госпожа! К сожалению, только что я совершил огромную врачебную ошибку: отправил одного пациента домой лечиться народными средствами, а потом, к ужасу, обнаружил, что он – миллионер!»

С лёгкой руки Альфреда Дёблина сложилось представление о том, что сердце Берлина – это **Александрплатц**. Его знаменитый роман «Берлин. Александерплатц» сыграл в этом не последнюю роль. Во всяком случае, каждый приехавший стремится начать знакомство с городом именно с этого места.

Александрплатц – ворота восточной части города. С 1895 г. в центре площади стояла колоссальная медная статуя Беролины, аллегии Берлина. Величавая дева, в римском одеянии, высотой 7,5 м гордо возвышалась на 6,5-метровом постаменте. Во время Второй Мировой Войны, в 1944 г., она была расплавлена и пошла на металл для оружия. Сейчас в центре площади находятся Часы Всемирного Времени, а рядом – Телебашня и Красная Ратуша.

Глинкаштрассе. Ещё один заметный русский «след» в Берлине

– улица Глинкаштрассе. Своё название она получила в 1951 г. в честь М. И. Глинки. Начинается от Унтер-ден-Линден, прямо от здания представительства «Аэрофлота», примыкающего к зданию Российского Посольства, которое находится здесь с 1837 г.

Великий русский композитор был в Берлине пять раз. Глинка очень любил этот город. «Мне хорошо здесь», – говорил он. Последний раз Михаил Иванович поселился тут в сентябре 1856 г. Здесь же, 3 (15) февраля 1857 г. он и оставил этот мир. Во время войны дом, в котором он жил, был разрушен. Сегодня на его месте стоит современное здание с памятной доской – на ней портрет композитора и поясняющая надпись. А в конце улицы, там, где она пересекается с Моренштрассе, на доме №9/63 – большой барельеф композитора. Под его изображе-

нием на фоне скрипичного ключа указаны даты жизни М. И. Глинки и по-немецки начертано его высказывание: «Создаёт музыку народ, а мы, художники, только её аранжируем». М. И. Глинка – автор множества романсов, знаменитой оперы «Руслан и Людмила».

Изначально он был похоронен в Берлине. Но потом его прах перевезён в Россию.

Бородинштрассе. Эта улица находится в районе Панков, Названа в 1951 г. именем замечательно-го композитора А. П. Бородина. Незаконный сын князя Империнского, он изучал медицину и химию в Академии в Петербурге и в Гайдельберге. Затем работал врачом в армейском военном госпитале; стал профессором химии в Петербургской Академии в

28 лет. Был соучредителем медицинской школы для женщин и сделал ряд открытий, как химик. В 1862 г. он познакомился с композитором Балакиревым, изучая у него гармонию и композицию. Одно время был председателем Союза любителей музыки в Петербурге. В 1877 г., путешествуя по Германии, познакомился в Веймаре с Листом. Бородин – автор инструментальной музыки в классически романтической традиции, симфоний, квартетов. Он – автор знаменитой оперы «Князь Игорь».

Абрам-Иоффе-Штрассе. Одна из улиц в районе Трептов-Кёпеник в 2002 г. названа в честь советского физика.

Он был учеником известного учёного-физика Рентгена. В 1918 г. Абрам-Иоффе стал профессором. С 1932 г. руководил Физическим институтом Университета в Ленинграде. Его работы относятся к физике твердых тел, к полупроводниковой и лазерной её сфере.

Абрам Иоффе участвовал в развитии первой советской водородной бомбы. К его школе принадлежат лауреаты Нобелевской премии: Капица, Ландау, Семёнов и Алфёров.

Ольга-Чехова-Штрассе. В 1997 г. одна из улиц Шпандау получила своё имя в честь Ольги Книппер-Чеховой, немецкой актрисы русско-немецкого происхождения, – племянницы Ольги Книппер-Чеховой и бывшей жены Михаила Чехова (племянника А. П. Чехова).

Детство и юность Ольги Книппер-Чеховой прошли в Москве и

Санкт-Петербурге. В Академии Художеств в Санкт-Петербурге она изучала сначала скульптуру, затем обучалась театральному искусству. Актёрское образование получила у К. С. Станиславского в Москве. Первые опыты в кино – 1917/18 гг. в России. В 1921г. эмигрировала в Германию. Вначале

[335]

пробовала себя в качестве художницы плаката в Берлине. Через два года получила свою первую главную роль в фильме «Нора» по Ибсену. Её сценический дебют состоялся в 1925 г. в Берлинском театре «Эпохи Возрождения». В 1929-м полгода провела в Голливуде, затем вернулась в Берлин.

В 1972 г. за большую театральную и кинодеятельность была награждена Большим железным крестом «За заслуги».

Фигнервег. Улица в Лихтенраде названа в 1949 г. именем Веры Фигнер – писательницы, революционерки и террористки, участницы покушения на царя Александра II в 1881г. Была осуждена на смертную казнь, которую потом заменили на пожизненное заключение. Но в 1904 г. – амнистирована, и с 1906 по 1915 гг. жила в эмиграции за границей. Написала мемуары «Ночь России».

Горькиитрассе. Улица в районе Райникендорф, названа именем

великого русского писателя Максима Горького (Пешкова Алексей Максимовича).

Сын столяра, рано ставший сиротой. С 11 лет сам должен был зарабатывать средства на жизнь. В 1884 г. его отказались принять в университет Казани. С 1888 г. из-за революционной пропаганды

состоял под полицейским надзором. В 1892 г. после путешествия по России под псевдонимом «Горький», опубликовывал первое произведение «Макар Чудра». Своей «Песней о Буревестнике» (1901) призы-

вал к падению царского режима. По совету А. П. Чехова обратился к жанру драмы. Мировую известность ему принесли пьеса «На дне» и роман «Мать». Бертольт Брехт переработал роман для постановки на сцене.

Заболевший туберкулезом, М. Горький жил на Капри с 1907 по 1913 гг. Поддерживаемый Лениным и большевиками, возвратился в Россию. Но с 1921 по 1930 гг. снова жил в итальянском Сорренто. Потом вновь вернулся в Россию. В 1934 г. стал первым председателем Союза советских писателей России.

Толстойштрассе. В районе Marzahn-Hellersdorf находится улица,

названная в 1920 г. в честь великого русского писателя – графа Льва Николаевича Толстого.

С 1844 по 1847 гг. он учился в Университете в Казани. В начале 1850-х – служил офицером в кавказской армии, в 1854-1855 гг. был участником Крымской войны и защитником Севастополя.

Первый успех, как писателя, пришёл после выхода его автобиографической трилогии «Детство» (1852), «Отроческие годы» (1854) и «Молодость» (1857). С 1863 по 1869 гг. Толстой писал о войне 1812 г. свой всемирно известный исторический роман «Война и мир». Между 1873 и 1877 гг. был написан другой, не менее известный роман Л. Толстого, «Анна Каренина». С конца 1870-х гг. он пропагандировал христианскую любовь к ближнему и крестьянскую жизнь, проживая в Ясной Поляне.

Из-за критики русской ортодоксальной церкви Л. Н. Толстой в 1901 г. был отлучён от неё.

Пушкиналлее. Близ Трептов-парка расположена Аллея имени Александра Сергеевича Пушкина, названная в 1949 г. в честь 150-й годовщины со дня рождения великого русского поэта.

Он происходил из старого русского дворянского рода. С 1811 по 1817 гг. А. Пушкин посещал лицей в Царском Селе. Состоял на государственной службе. Из-за нескольких провокационных эпиграмм

был выслан на Юг. Там, наряду с множеством стихотворений и рассказов, были написаны первые главы его знаменитого романа в стихах «Евгений Онегин».

В 1824 г. он был отпущен с государственной службы и выслан в родительское имение Михайловское. Здесь был написан «Борис Годунов». Лишь в 1825 г., после восстания декабристов, А. Пушкину разрешили вернуться. В 1831 г., в Санкт-Петербурге, он закончил свой шедевр – роман «Евгений Онегин». Придворные интриги привели его к дуэли с Жоржем Дантесом (Геккерном), в результате которой А. С. Пушкин погиб. Он справедливо считается создателем русского литературного языка. Многие из его больших поэм и романов были использованы знаменитыми композиторами в создании таких опер, как «Руслан и Людмила» М.И. Глинки, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» П.И. Чайковского, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского.

Борис-Пастернак-Вег и Маяковскиринг. Лучший перекрёсток в Районе Панков. Улица Б. Л. Пастернака – маленькая и очень уютная, названа именем писателя в 1999 г. Б. Пастернак, стремившийся к музыкальной карьере, изучал с шести лет музыкальную теорию и композицию. Кроме того, изучал философию в уни-

верситетах Москвы и Марбурга. Благодаря отцу, художнику-графику, с молодых лет вращался в среде художников. Борис Пастернак был близок к В. Маяковскому и примыкал к группе футуристов. Его лирика принадлежит современной русской литературе, а его проза стала сенсацией в мире. За роман «Доктор Живаго», напечатанный на Западе и переведённый на восемнадцать языков, Б. Пастернак был удостоен Нобелевской премии по литературе, которую он не смог принять из-за сложной политической обстановки в СССР.

Маяковскиринг, действительно, – ринг, то есть кольцевая улица, получила своё название в 1950 г. в честь русского поэта В. В. Маяковского. Он был членом партии большевиков, соучредителем общества русского футуризма. В своих ранних произведениях критиковал гражданское общество, религию. После 1917 г. был одним из «певцов» Октябрьской революции, прославляя её например, в «Оде Революции».

Тем не менее, в его произведениях имела место и критика, и сатира, которой он высмеивал советскую бюрократию: «На заседаниях помещанские», «Клоп» и т.д.

В 1930 г. В. В. Маяковский совершил самоубийство.

Чайковскийштрассе. Борис-Пастернак-Вег пересекается не только с улицей Маяковского, но и с улицей Чайковского. Эта улица получила своё название в 1950 г. в честь знаменитого русского композитора П. И. Чайковского.

С 1859 до 1863 гг. он был служащим в русском Министерстве юстиции. В 1863 г. закончил обучение в Петербургской консерватории,

после окончания которой его пригласили преподавать теорию музыки в Московской консерватории. Между 1869 и 1875 гг. он работал, как композитор, собственный музыкальный стиль: (2-я и 3-я симфония, 1-й фортепьянный концерт). В 1876 г. П. И. Чайковский посетил первый фестиваль Вагнера в Байройте. С 80-х годов Чайковский стал известен как композитор и в Европе, и в США.

Он стал основателем русской балетной музыки, создал шесть симфоний, увертюры, камерную музыку, десять опер, в том числе: «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», три балета: «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик», которые прославили и сделали его всемирно известным композитором.

Москваэрштрассе. Улица, названная в честь города «Москва», находится далеко от центра, в районе Райникендорф.

Петербургер Штрассе. Расположена в районе Фридрихсхайн. Своё название получила в 1874 г. Позже была переименована, но в 1991 г. вновь вернулась к своему первоначальному наименованию.

Никольскоер вег. Улица в районе Ванзее получила название в честь посещения её Фредерикой Луизой Шарлоттой Вильгельминой, дочерью императора Фридриха Вильгельма III, и её мужем Николаем, будущим российским императором, Николаем I, – братом Александра I, именем которого названа одна из главных площадей Берлина.

Замкнулся перечень «русских мест» Берлина. Мы намеренно начали и завершили этот цикл двумя местами города, названных в честь двух братьев, Александра I и Николая I, второй из которых наследовал Российский Престол первого.

[339]

Одно лишь название вызывает недоумение: «Почему одна из улиц Берлина носит имя русской террористки, покушавшейся на жизнь русского императора Александра II»?

Использованные материалы:

Webseite: <https://berlin.kauperts.de/Strassen/>

File: Berliner Strassenschilder.jpg

**Леонид
Донской**

В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

В далекой стороне чужой,
бессменно, при любой погоде,
поёт по-русски, под землей,
певец в подземном переходе.

У ног его стоит плакат,
кто он такой, откуда родом...
Певец ни в чём не виноват...
«Подайте русскому народу!»

Как это трудно понимать!
Струна гитарная взывает,
звенит и просит ей подать:
и вся Европа сострадает.

Звучит, как стон, родной язык, –
тоска и боль в знакомом тексте.
От русской песни я отвык, –
земляк, споём с тобою вместе!

Сквозь слёз сплошную пелену
пою в Германии по-русски.
Негромко... под землей... в плену...
поёт дуэт – еврей и русский.

НЕ СПИТСЯ

Свет солнца брызнул поутру,
запели песни птицы.
На миг тревожный сон прерву –
и мне уже не спится.

Пришла пора перешагнуть
преклонных лет границу.
Что было в прошлом, не вернуть.
Как вспомню, – мне не спится.

Мечты, стремленья позади.
Промчались годы, лица.
Что ожидает впереди?
От мыслей мне не спится.

Глухой набат ударил в грудь,
вонзилась в сердце спица –
не повернуться, не вздохнуть:
от боли мне не спится.

Упал на землю лунный свет,
дорожка серебрится.
Хочу уснуть – покоя нет.
Не спится мне... не спится.

БОГ ВНУТРИ

Я часто обращаюсь к Богу,
Со мной он – рядом, он – внутри.
Я слышу голос Бога строгий:
«Мир ждёт: внимательно смотри!»

Бог знает – мир наш изувечен,
Болят и стонут в нём сердца.
Весь мир – клубок противоречий,
Добро и Зло в нём – без конца.

[341]

Д и П / 2019

Леонид Донской

Все, даже нищий иль убогий,
Взывают к Богу: «Помоги».
Они зовут на помощь Бога,
А звать не надо, – он внутри.

Имён у Бога очень много:
Христос, и Яхве, и Аллах.
Он может под любым предложением
Навеять боль, добро иль страх.

Тот, кто придумал веру в Бога, –
Был гениальный человек.
К нему – у каждого дорога,
И так уже который век.

По воле божьей мы родились, –
По воле божьей в мир пришли.
Заветы божьи сохранились, –
Законом стали для Земли.

Я часто обращаюсь к Богу,
Он ведь – внутри, он даст совет.
Как нам найти свою дорогу? –
Её укажет Божий свет.

СТЕНА ПЛАЧА

Мне снилась ночью синагога, –
возник из пепла божий храм.
Нерукотворною дорогой
с холмов пришёл Мессия к нам.

От старой храмовой святыни
осталась лишь одна Стена.
Но, простояв века, и ныне
зовёт к себе народ она.

И он восстал из пепелища.
Услышав давних предков зов,

вернулся к прежнему жилищу,
здесь, у Стены, обрёл свой кров.

Стою перед Стеною Плача, –
молитву к Богу возношу.
Записку в щель Стены я прячу, –
для близких милости прошу.

Прошу прощения у Бога,
что жизнь не мог прожить иначе.
Мне снилась ночью синагога, –
Стою я у Стены и плачу...

ЗЕМЛЯ-АНТИПЛАНЕТА

Мы все живём на острове одном.
А дальше – только бесконечность.
Здесь солнце освещает мир лучом.
Затем – безжизненная вечность.

Везде темно, ни проблеска нигде,
Повсюду только – тишь и беспросветность.
Лишь шорох метеоров в пустоте
Зовёт познать нас неизвестность.

Что там, где нет начала и конца?
Возможно, там – антипланета,
Куда переселяются сердца,
Где мы пришельцы с «того света».

Там нет понятия «война»,
Везде там – только мирный атом.
Там есть всего одна страна, –
В ней нет ни бедных, ни богатых.

Для всех, кто там, Бог есть один, –
Исус, Аллах – в едином лике.
Там нет понятия «господин».
Во всём, везде – цветные блики.

Там нет ни белых, ни цветных,
Там нет жидов, антисемитов,
Лишь множество людей родных, –
Для всех сердца у них открыты.

Для них Земля – антипланета,
Друг другу люди в ней – враги.
Они для них с «Другого света»,
Не слышат слова «помоги».

Для них Земля – крошечный ад,
Где только дьявол обитает.
Вперёд ни шагу, лишь назад.
Друг друга люди убивают.

Очнитесь, люди на Земле,
Вас в Космосе не понимают,
Живёте вы в Аду, во мгле,
А Бог, к ним в Рай жить призывает.

Оставьте бомбы и ракеты.
Друг друга, люди, полюбите!
Для вас Земля – антипланета,
Мир на планете сохраните.

ВНОВЬ

И вот опять пришла весна, –
Цветы я вижу из окна.
Цветут они безмолвно,
Под тёплым солнечным лучом.
Мы сможем вновь с тобой вдвоём,
О прошлом вспоминать неволью.

Звучит мелодия – шансон.
Я вижу, словно, дивный сон:
Как в первый раз иду на встречу,
И знаю – ждёт моя любовь.
Мы вспомним нашу юность вновь, –
И вновь для нас зажгутся свечи.

Хоть я теперь совсем седой,
Как раньше встречи жду с тобой.
И вместе будем каждый вечер.
Мы вновь с тобой помолодеем,
И ни о чём не сожалея,
Я обниму родные плечи.

Жизнь пронеслась, как метеор,
Везде, куда не кину взор,
Всё, что запомнилось навечно,
И хоть, всем будет невдомёк,
Ещё горит наш огонёк,
Гореть он будет бесконечно.

[345]

Д и П / 2019

ВХОД СВОБОДНЫЙ

Небо снова тучное, –
Настроенье скучное.
Вновь осенняя пора, –
Дождик моросит с утра...

Всё в природе, как витрина, –
Живописная картина.
Ждём, что вновь придёт весна, –
Песен свежая волна.

Хочется в неё нырнуть,
Время вспять назад вернуть.
Ощутить, что молод вновь,
Что играет в жилах кровь.

Вспомнить молодости годы,
Не зависеть от погоды,
Знать, что утренний туман
Лишь оптический обман.

Что же делать, если вдруг
Небо хмурится вокруг?
Не спешి сдаваться в плен,
Не беда, – жди перемен.

Леонид Донской

Вновь вернётся солнце в небо –
Ты увидишь, где б ты не был.
Вновь придут весна и лето –
Вход свободный, без билета.

МАРШ СЛОВ

Когда чувства рождает молва,
Когда мысли все рвутся наружу,
Из души выплывают слова,
Безразлично, жара или стужа.

Просчитать, рифмовать по слогам,
Строим строить в колонну повзводно?
Без команды поэта словам –
Они пляшут, поют как угодно.

Убедись, что стих к маршу готов,
Дай команду: «Построчно, равняйся! –
Скажешь, – Смирно! – колонне из слов, –
Ритму марша теперь подчиняйся!»

Пусть кружится твоя голова,
Круговерть слов – души бесконечность.
И уходят повзводно слова,
В бой уходят стихами, как в вечность.

Отстучал барабан и затих.
И душа опустела неволью.
В путь далёкий отправился стих, –
Будет жить он, и это довольно.

ВЕСНА СЕДЫХ ВОЛОС

Когда вползает в душу холод,
жизнь предназначена на снос.
Я вспоминаю, как был молод
и не имел седых волос.

Когда во тьме искал дорогу,
«вперёд летел наш паровоз»...
Мальчишки, не судите строго
носителя седых волос.

Я строил жизнь в согласие с Небом,
сумел не стать причиной слёз.
И сыт был не единым хлебом,
не избежав седых волос.

[347]

И если возраст не помеха,
на чувства не утрачен спрос.
Как удивительное эхо,
поёт Весна седых волос.

БОЛЬНИЦА

Огромное здание с названием «Больница».
Для брэнного мира – почти заграница.
Другие устои, другие законы.
Как стража на вахте стоят гарнизоны:
медсёстры – солдаты, врачи – офицеры,
и властью они обладают без меры.
А все остальные – пленённые в битве...
Спасенье – в терпении, надежда – в молитве.

Пульсирует жизнь за больничным забором.
Всевышний спускается вниз с приговором.
Больница – преддверье, платформа Вокзала.
Покайтесь! Покайтесь – мгновенье настало!
За злобу, за жадность... за Все прегрешенья
у близких и дальних просите прощенье...
И если вам Боже отпустит грехи,
поверьте, что прочее всё – пустяки!

ЛОЖЬ И ПРАВДА

Не бывает лжи во благо,
даже если – во спасенье.

Лживость ранит, словно шпага,
не приносит облегченья.

Правда выглядит сурово,
бьёт наотмашь беспощадно.
Нет сильнее правды слова
даже с руганью площадной.

Ложь и Правда. Где граница?
Часто в жизни ходят рядом:
полуправда – не годится,
полуложь – нам не отрада.

Ложь – для слабых утешенье,
правда всем другим – награда,
Не приносит ложь спасенья,
даже сладкой лжи не надо!

СГОРАЮТ ЗВЁЗДЫ НЕ НАПРАСНО

Мне ночью звёздной не спится,
не спится часто до утра:
летает грустная жар-птица,
приходит осени пора.

Погас костёр, лишь угли светят,
мерцают, словно звёздный свет.
Не каждый, видя свет, заметит,
хранит тепло он или нет?

Хоть не вернуть того, что было,
не повернуть течения вод, –
не всё сгоревшее остыло
и превратилось в хладный лёд.

Наверно, в небе звёзды гаснут,
не исчезая в никуда:
не их ли светом так прекрасно
сияет Новая Звезда?

* * *

Во мне конструктор не утих,
как инженер пишу я стих.
Должна звучать в нём мысль, идея –
я по-другому не умею.

Стих на бумаге, как чертёж,
всё, что ошибочно, – сотрёшь.
В нём надо избежать ошибок, –
он прочен должен быть и гибок.

Стихом был ранее проект.
Стих для меня теперь – объект.
В него вношу последний штрих,
и вот, – родился новый Стих.

[349]

Д и П / 2019

Леонид Донской

Наталья Ильина

* * *

Во саду цветочек рос.
Мама – речка, дочка – мост.
А сыночек, пескарёчек,
В речке – лакомый кусочек.

Санкт-Петербург, 1999 г.

* * *

Падают снежинки маленькие...
Я люблю снег, я люблю лёд.
Я бегу по снегу в валенках.
Вечер настаёт.

Брауншвейг, 2000 г.

* * *

Когда я спать ложусь,
Я никого не слушаю.
Я просто спать ложусь
И никого не слушаю.
Бог, помоги мне спать.
Маленькая Луна
Помогает мне спать,
А Бог помогает Луне.
И так идёт жизнь,
Любимый, Бог!

Брауншвейг, 2000 г.

Борис Шапиро

[351]

1. Отрицания

Нет, нет.
А вот нет!
Не умер вовсе.
Только перестал
стариться.

Случилось, что не было.
А что было?
Было, что
не было случилось.

А любовь
всё равно была,
даже когда
не случилась.

2. С натуры

Портрет Михаила Шнитмана

Дверь отпер с заспанным лицом.
Зевнул, сказал: «Садись!»
Так в полусне и с мутными глазами
взял подрамник
с холстом,
поставил на мольберт.
Опять сказал «садись»,

а я уже сидел.
Вот он развёл олифой терпентин,
зевнул и потянулся,
и говорит: «Садись!»
– Так я ж сижу,
а он меня не видит.
Он видит что-то на холсте.

Он кистью контур головы
обвёл
и вдруг проснулся.
Поставил точками зрачки.
А рот его
чуть приоткрылся,
лицо преобразилось,
взгляд стал острым.
Он взрèзал
пространство этим взглядом,
как будто скальпелем,
а кисть его была,
что палочка у дирижёра.
Он творил из звуков,

из звуков тишины
портрет себя с чертами
моей физиономии.
Моей!

Но мне она уже не доводилась
частью тела,
а была Лицом.
И тайной.
Что я в тайне
знал о себе, скрывая постоянно
от самого себя,
он высветил бесстыдно
на обозренье всем.

И я покрылся краской.
Я покраснел от горького стыда,

быть может, в первый раз.

Тут он сказал: «Садись!»
и начал рисовать,
а я проснулся
и ангела увидел пред собой.
Он с удивлением и гневом
горящей кистью, как мечом,
меня из Рая изгонял,
в котором гнил я
от самодовольства,
гнил и смердел,
не зная ничего.

[353]

3. Дети твои
не заменят, конечно, собак.

Купи щенка
или лучше двух.

И узнаешь
больше и раньше

о любви и о дружбе,
о заботе и состраданье.

И о смерти узнаешь,
не дай Бог через детей!

Подготовишься к смерти
и умрёшь, как собака твоя.

А в тебе никогда
не умрёт человек.

4. *Мине Полянкой*

*«Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски...»*

О. Мандельштам

Что не спишь, что не спишь, полуночица,
в синего звона кусках?

Неужели навечно полощется
у тебя бытие на висках?

Неужели и вправду отыщется
нам иное, счастливым, житьё?
И ты станешь мне фея-повытчица
по над в сердце моём колотье?

Прячь — не прячь, но на небе отыщется
звёздный твой метеор-лоскуток.
И тебе синим ангелом вышьется
флорентийского лавра листок...

5. *Моя Вселенная* — горло в хитросплетённом венке,
стальное перо номер одиннадцать
с пятиконечною звёздочкой на черенке,
а оно то не вставится, то не вынется

в ручке с обглоданным тыльным концом,
свидетеле откровений присных и прочих,
чтобы в чернильном космосе вниз лицом
синей кляксой поставить жирную точку.

Кто был ребёнком хоть однажды в жизни,
тот временно бессмертен навсегда.
Ему в глаза слепая грязь не брызнет,
и громом не накроет глухота.

Но почему так тесно в паланкине?
И шестигранный почему печален парадиз?
Зачем здесь так темно, а не лазурно-сине?
И отчего завис материковый бриз?

Зачем Харону парус? Ветер умер.
Здесь нет мотора, паруса, весла.
Здесь космос онемел и облагоразумел,
и Мойра космос в хаос унесла.

Та Мойра, начинаясь школьной двойкой,
бессмертна намертво на милость лет...
И шаг её неслышный, быстрый, лёгкий
летит сильфидой на забытый свет.

[355]

*

Земля и небо здесь соединились.
И только в голосе Вселенная моя.
Ладья луны прощально накренилась
причалить к горизонту бытия.

Прильнуло небо всей шершавой грудью
к суглинку тёплому коричневой земли,
зелёное от страсти. Рукоблудью
не дам свободы, нет, и не вели!

Тёмно-зелёный блуз с коричневым вельветом
штанов, — какая проза в памяти гостит!
Упало небо тёплым ранним летом
в зелёную траву как поцелуй в горсти.

Как много радости, и как светлы слова!
Какое обещанье красоты и счастья!
Но радость описать едва-едва
возможно. А печаль — бери её хоть пястью,

греби, ведь, ты — Харон, греби, греби веслом
по ламинарной Лете без порогов,
как будто не она, а ею ты ведом
без забытья, без сроков и уроков.

Кто был ребёнком в животе однажды,
и кто рождённым был хоть раз дитём,
лишь тот отведал всеу этой жажды,
желанья жизни, от которой ждём

бессмертья, продолжения, внучат
для смысла, счастья и для красоты,
кто в нас и нами умозаключат,
чьи помыслы надёжны и чисты.

*

Но как же быть тому, кто не был зчат?
Когда мы нравимся друг другу, нам лучат
ещё немые дети — что они нам значат,
и что мы значим им — дождём слезоточат.

«Но отчего так тесно в шестигранном гробе,
и почему темно?», я тихо говорю.
А мне она в ответ: «Я не была в утробе,
я, просто так, приснилась дударю.

Дуди, дуди, дударь, в свою земную дудку,
дуй в глину-окарину, глухота!
Ну, выдуй из Вселенной незабудку,
зачем тебе ещё у горла хрипота?»

И радость, и печаль не обмануть притворством,
хоть жми гашетку, гасни в диссонанс.
Хоть подавись блазнившим стихотворством,
или впадай навек в злой скомороший транс.

Офелия и Гамлет – был бы брак счастливым?
Я думаю, что нет. Но в этом ли вопрос?
Ладья луны на небе терпеливом
скользит по краю в свой апофеоз.

Комочек жизни, спи на четвереньках,
придуман или всё же сотворён.
Уже не различить. Тот звук уплыл, потренькав,
слезами счастья вдоволь напоён.

Упало небо невозможно сине,
шершавое в объятиях земных.
От школьного пера чернильное «в помине»
осталось жить в небесных позывных.

6. **КАК** ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЛЬВЫ
хранят невинность гербовую
и знаменуют головы
дорогу в мудрость столбовую,
как по полёту птичьих стай
волхвы погоду предсказуют,
и будет ли любимый край
повергнут в яму гробовую,

[357]

и потечёт ли в отчий дом
благословение Господне —
всё это станется потом
воспоминаяем в преисподней.
Нет, не бессмысленную чушь
оставит жизнь в наследство сходням,
улыбку и надежды луч
вчера и завтра, и сегодня.

7. **ВОДЫ** НЕБЕСНЫЕ и воды земные
разъять невозможно,
дымкой покрытые оба голубоватой.
Это ли свет, что родился сегодня от Света?
Эта ли влага была первозданной в Начале?

Эти ли молнии в облаке спали взрывные,
эти ли ветры тревожные
пахнут библейской цитатой,
эта ли мысль станет вновь бессловесно раздетой,
и хмельная душа запоёт о любви и печали?

Как зачали тебя во приделы земные страстные
как венчали со смертью неможной,
дощатой, крутой, глуповатой?
И как жизнью манили небесной, и тою, и этой,
чтобы сходни спустить на простые земные причалы.

Воды небесные, воды земные, голубоватой
дымкой покрытые терпкие, те и другие.

8. КРОВосМЕСИТЕЛЬСТВО. Магнетизм.

Притяженье родного.
Электризация биографии. Были.
Родится же гений,
а может быть, идиот.

Сколько бы ни было тут
огорчений, решительных мнений
и погромов, чтобы друг друга забыли –
притяженье родного
всю жизнь до конца и мимолётного от.

Не нужно тебе быть горою – горы
одинокими до ужаса и тошноты.
Лучше уж ручейком
или малым синим цветком в поле в весеннюю пору,
незабудкою, колокольцем, игрушкою для детворы.

Вот это и есть любовь
от до рожденья и до самого после смерти,
для бессмертия и заоблачной красоты.
Что там звёзды, луны, эфиры, воды и тверди!
Настоящий улов в том, что мы с жизнью на ты.

9. КОГДА ТЕБЕ СТАНЕТ ПЛОХО,

скажи:
я получил,
что хотел.

Я только раньше не знал,
по какой цене получу.

10. ПСАЛМ LXV

Воздух пахнет снегом,
речка пахнет льдом.
Пахнет степь набегом,
и пожаром дом.

Деткой пахнет люлька,
бессмертием любовь,
смертью жизнь-бирюлька –
ей не прекословь.

Не перечь ни смерти,
ни трефной любви.
На небесной тверди
жизнь благослови.

[359]

Снегом пахнет воздух,
пахнет льдом ручей.
Тот, кто небо создал,
до сих пор ничей.

Тот, кто создал время,
всё ещё один.
Кто ж примет Его семя,
если Он Един?

Михаил Эненштейн

БЕСЕДА ЗА ОПЕРАЦИОННЫМ СТОЛОМ

Я лежал на операционном столе и после лёгкого укола стал совершенно спокойным. Мне было весело, очень весело, уверяю вас. Я с удивлением вспоминал страх, который испытал вчера, когда меня привезли в Вирхов-центр с острым приступом стенокардии. После необходимых исследований операцию назначили на следующий день.

Строго говоря, это и не операция вовсе, а так называемая «ангиопластика». Я повторял и повторял это слово – оно казалось мне таинственным и загадочным. В его звучании моё ухо улавливало опасность. Я знал, что грудную клетку вскрывать не требуется, и был наслышан о филигранном мастерстве хирургов. Но всё равно, на душе было мутно. Всё-таки, – сердце.

Трудно уговорить себя, что это – всего лишь разрез в области паха, через который введут проволоку, именуемую «катетером». Пошарят по сосудам сердца, в каком-то из них найдут закупорку, расчистят и оставят в нём для поддержки стенок что-то наподобие колечка, называемое «стеном». Ну, какая же это операция? Всего-то – ничего.

Тем не менее, я всю ночь не спал, ворочался, пытался отвлечься, вспоминая смешные случаи из своей жизни, а также вечер, когда в палату заглянул пожилой человек в идеально отглаженном белом халате, назвал мою фамилию и что-то сказал. Я пожал плечами, так как ничего не понял. Тогда он, используя пластику Марселя Марсо, показал – где и что будет у меня брить. Радуясь, что парикмахер – мужчина, я снял пижаму.

Радость длилась до одиннадцати часов следующего дня. Когда меня ввели в операционную, я увидел четырёх молодых женщин, одна из которых была моей знакомой переводчицей. Медицинский персонал быстро и ловко оставил меня в «чём мать родила». Меня обклеили раз-

ными датчиками и переложили на операционный стол. Как я уже упоминал, страха не было, а душевный подъём не покидал меня до конца операции. Сёстры, густо смазывая операционное поле антисептиком, что-то щебетали и смеялись.

«Над моим мужским достоинством», – подумал я и решил, что самое время им кое-что объяснить. Не лежать же немым бревном, когда осмеивают самое святое.

Между тем, в операционную вошёл моложавый господин с холёным интеллигентным лицом и, как мне показалось, с очень толстыми пальцами. Он подошёл к столу и что-то сказал. Луч света пополз по моему телу и остановился ниже живота.

– Das ist Falsch! – отчеканил хирург.

– Помилуйте, доктор, какой же он фальшь? Он – самый настоящий, – возмутился я.

– Nein. Das ist Falsch! – повторил он и покачал головой.

Переводчица, требуя чтобы я заткнулся, зашипела:

– Знаю, я знаю, что у тебя всё натуральное. Профессор считает, что операционное поле плохо выбрито.

Я удовлетворённо вздохнул. Одно дело, когда тебя бреет старый «перец», другое, когда это делают нежные женские руки. Однако, мне показалось, что милые сёстры, размахивая бритвой, недостаточно бережно относятся к моему «мужскому началу». Попросив их быть осмотрительнее, дал понять, что оно ещё пригодится, и если они не уважают его предназначение, то пусть уважают хотя бы возраст. Извинившись, девушки заметили, что им вообще трудно рассмотреть предмет моего беспокойства.

– Что, вам повылазило? – взревел я и потребовал точного перевода.

Переводчица сослалась на невозможность подобрать адекватные слова.

– Если не можешь, то хоть посоветуй им надеть очки, – продолжал я возмущаться.

Профессор тоже не упустил случай высказаться по этому поводу:

– Видите ли, мой дорогой! Теперь волноваться поздно. Думаю, крайнюю плоть вам удаляли при плохом освещении, и хирург перестарался. Такое бывает. А мои сёстры на зрение не жалуются, – улыбнулся он.

Я чуть не соскочил со стола:

– В хорошем зрении сестёр сомневаюсь! Как рассказывала моя бабушка, раввин делал обрезание при двенадцати восковых свечах без всякого наркоза – прекрасной бритвой «Solingen».

Переводчица улыбнулась.

– Не вижу ничего смешного. Он был узким специалистом в этой

области, имел зоркий глаз и твёрдую руку. Так что ничего лишнего удалить не мог. Этими операциями он пользовал всю Молдаванку.

Профессор хмыкнул. «По-моему, он ничего не понял», – подумал я. И чтобы его окончательно «убить», ехидно добавил:

– Ведь вы, профессор, тоже узкий специалист и оперируете только сердце.

– О хирурге – докторе Раввине, я ничего не слышал, – пожал плечами профессор. – В курсе общей хирургии, который я преподаю много лет, ни о нём, ни о его методике ничего не сказано. Возможно, я что-то найду в медицинской энциклопедии?

– Возможно, возможно, – подбодрил я его.

Между тем профессор продолжал возиться в моём правом паху.

«А почему, в правом? – возмущённо подумал я. – Сердце-то слева. Где же немецкая точность?», – и опять не выдержал:

– Насколько я помню из школьных уроков, господин профессор, сердце находится слева. А вы изволите копать в правом паху. В левом нужно. В левом. Оттуда будет ближе, – поучал я его.

Хирург ничуть не смутился:

– Возможно, это и так. Но, учитывая вашу феноменальную память, ведь вы помните не только школьные премудрости. Думаю, есть смысл покопаться в ваших внутренностях.

А вдруг встретится то, чего тоже нет в общей хирургии, – парировал он.

– Не надо, не надо копать, – взмолился я. – Покопайтесь лучше у пациента, который хорошо владеет немецким. У него вы обязательно найдёте что-то новенькое

Все смеялись. Профессор заметил, что с чувством юмора у меня всё в порядке. И, как я убедился, у немецких медиков – тоже. Неожиданно он спросил:

– А когда перестал практиковать господин Раввин?

– Осенью 41-го, – ответил я. А про себя подумал: «В октябре».

Брови на переносице профессора сошлись, морщинки поперёк высокого лба стали глубже, а глаза – печальными.

– Извините, – почему-то сказал он, – и, обращаясь к персоналу, властным голосом добавил, – продолжаем работать.

Наступившая тишина подчёркивалась жужжанием многочисленных приборов и голосом ассистента, произносившего какие-то цифры. На экранах запрыгали кривые, а на большом мониторе я увидел своё сердце, к которому змейкой подползал зонд. Затем изображение увеличилось, приблизилось, и я увидел сосуд толщиной с добрую верёвку, по которому упорно продвигался зонд. Я закрыл глаза. Несколько волн

нарастающей боли и лёгкое онемение левой руки я воспринял без паники. Боль исчезла. Наступили облегчение и покой.

Немецкий доктор продлил мне жизнь тоже в октябре. Но, это уже был 1999-й год.

[363]

Д и П / 2019

Михаил Эненштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

Двадцать третий 5

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Леонид Бердичевский	8
Давид Брацлавер	25
Борис Бронштейн	35
Нора Гайдукова	40
Елена Зельгер	51
Саади Исаков	62
Константин Кербель	76
Людмила Кузнецова	82
Альберт Леин	86
Генриетта Ляховицкая	90
Валерий Матэтский	95
Марина Овчарова	112
Масуд Панахи	125
Михаил Пикер	143
Михаил Погребинский	153
Анжелла Подольская	167
Виктория Пышная	181
Сергей Пышный	194

**ПУБЛИЦИСТИКА.
МЕМУАРЫ. ЭССЕ**

Борис Альгулер	200
Яков Бердичевский	208
Грета Ионкис	216
Регина Кон	237
Генриетта Ляховицкая	247
Анжелла Подольская	258
Мина Полянская	269

Израиль Потиха 281

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Леонид Бердичевский 290

Елена Зельгер 299

Регина Кон 302

Валерий Матэцкий 305

Белла Якубова 309

[365]

ГОСТИ АЛЬМАНАХА

Леонид Березин 314

Михаил Вайман 323

Александр Витзон 327

Леонид Данцигер 332

Леонид Донской 340

Наталья Ильина 350

Борис Шапиро 351

Михаил Эненштейн 360

Д и П / 2019

